

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов
Отчуждение и возвращение. Вместо некролога.
Прилагаемые материалы имеют прямое отношение сразу к двум едва ли не
взаимоисключающим жанрам, которые одновременно и триумфально – в силу
известных обстоятельств – ворвались в отечественную словесность, буквально
заполонили толстые журналы и уже успели из откровения превратиться едва ли
не в банальность. Но их сочетание в единой ткани повествования образует
диковинного монстра; и чем дольше в него вглядываешься и вдумываешься, тем
явственнее проступают черты странные, потусторонние, лики зазеркалья.
С одной, как говорится, стороны, налицо очередной экзерсис в уже набивающем
оскомину жанре публицистических раздумий о судьбах социализма. И, в сотый
раз отправляясь от этого знакомого вокзала, уже не столько интересуешься
станцией назначения, сколько привычно ждешь определяющей развилки: налево
ли, на огонек, – или же направо, к нашим современникам. А вместо этого
вагон вдруг на ровном месте проваливается в бездну, потом взлетает...
Однако, судя по времени написания, да и по датам жизни автора, перед нами
образчик совершенно иного жанра, а именно – "рукописей, извлеченных из
авторского стола". Да, но как же совместить хотя бы порознь эти две
квалификации с тем, что автор, – а это точно известно и документально
подтверждено, – не только не предназначал свои опусы для печати, но и
активно сопротивлялся любым попыткам их публикации как в патриотических,
так равно и в тлетворных изданиях?

Дальше – больше. Выясняется, что автор творил для предельно узкого, даже,
можно сказать, номенклатурного круга читателей. При этом свои работы он
принципиально не подписывал, и не потому, что хотел уйти от
ответственности, вовсе нет, хуже: отрицательно относился к понятию
авторства как таковому.

Получается что-то вроде рецидива старозаветной подметной публицистики перед
самым восходом солнца социалистической гласности.

Все это было бы смешно и грустно, когда бы не было так жизненно важно. И
сегодня еще важнее, чем вчера.

Автор – С. Платонов (это псевдоним), родился в 1949 году вдалеке от Москвы.
После окончания Московского физико-технического института и до дня своей
безвременной кончины он успешно трудился в одном из исследовательских
центров, обеспечивающих безопасность и обороноспособность страны. Это был
скромный, несколько замкнутый системщик и математик, и, пожалуй,
единственное, что как-то выделяло его в глазах окружающих – интерес и явные
способности к общественной работе и к журналистике.

Мало кто мог угадать в нем поклонника Гегеля, молодого Маркса и русской
религиозной философии, знатока буддизма Дзен и исторических трактатов А.
Тойнби, читающего на нескольких языках и музицирующего, человека, который
педантично вел огромный личный архив с 12-летнего возраста и одновременно
писал неординарные стихи. Это было сочетание несочетаемого, целый
удивительный мир, приоткрывавшийся в редкие минуты и для немногих.

И наконец, никто, включая самых близких людей, не подозревал о второй,
основной линии жизни С. Платонова. Перед самой кончиной он передал людям,
которых счел близкими по духу, ту часть своего архива, которую хранил вне
дома. Только позже, разбирая полученные документы, мы начали постигать
истинную драму этой судьбы.

Уже в двадцать с небольшим лет он мыслил государственными категориями. В
недалекие годы это могло вызвать профессиональный интерес разве что у
психиатров и иных компетентных знатоков человеческих душ, хотя полтора века
назад никого бы не удивило.

В 1983 году, когда Андропов задал свой знаменитый вопрос о том, кто мы
такие и где находимся, С. Платонов счел себя, наконец-то, призванным и
обязанным. К концу года, после подготовительной работы неимоверного объема,
был готов первый из его трактатов-посланий.

Посланий – кому? С. Платонов со свойственной ему сверхтщательностью вымарал
из материалов архива все, что могло дать хоть малейший намек на конкретные

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org имена. Ясно только, что ему удалось каким-то образом войти в контакт с представителями партийного и государственного руководства достаточно высокого уровня. Вероятно, в ход пошли личные связи. Так или иначе, контакт постепенно перерос в диалог. Это продолжалось без малого три года. Речь идет о десятках документов, о сотнях часов продуктивных и содержательных обсуждений.

Без преувеличения можно утверждать, что С. Платонов внес свой конкретный вклад в подготовку перестройки. Вопрос в одном: какое отношение имеет этот вклад к тому, чего он сам хотел достичь?

С. Платонов был убежден, что не пережив момента истины, не обретя адекватного самосознания, общество вообще не в состоянии реально влиять на процесс собственного развития. "Планомерность", "самоуправление" и т.п. в этой ситуации – всего лишь опасные призраки, рождаемые сном административного разума. Он застал начальный период перестройки, когда модным было говорить об "ускорении". Сам он считал, что при существующих обстоятельствах любые "резкие движения" приведут лишь к тому, что ускоряться будет течение неконтролируемых нами деструктивных процессов, а также наше фатальное отставание в понимании их сути и в способности ими управлять. Вот почему такое громадное, судьбоносное значение он придавал беспощадно-точному ответу на вопрос о формационных, укладных и логических координатах того этапа, который вчера считался "развитым социализмом", сегодня – "застоем", а завтра обретет свое подлинное имя, смысл которого открылся С. Платонову.

Увы, внимательное ознакомление с материалами С. Платонова показывает, что, не считая нескольких поверхностных заимствований, основное содержание его ответа на указанный вопрос остается и по сей день непонятым и неосвоенным. Похоже, однако, что он сам застал себя в тупик. Единственным приемлемым путем претворения открытой истины в нашу действительность он считал ее доведение непосредственно до сведения компетентного руководства. Диалог с представителями отечественных "общественных наук" представлялся ему преступной и бессмысленной тратой драгоценного времени. Открытую публикацию он находил совершенно неприемлемой и даже социально опасной. Муки авторского самолюбия были ему, видимо, абсолютно чужды.

Справедливым ли было бы стереотипное предположение, будто "идеи С. Платонова опередили свое время"? Сам он с этим никогда бы не согласился. Напротив, он утверждал, что это общественное сознание страны трагически отстало, заблудилось в потемках межвремения, в то время как современное общественное бытие ушло вперед на много десятилетий. Он любил цитировать фразу Маркса из "Немецкой идеологии" о мятежном духе, который "увяз в дерьме субстанций".

Внутри у этого человека постоянно стучал метроном, отсчитывая секунды тающего отрезка времени, оставленного нам историей на то, чтобы образумиться. Видимо, поэтому С. Платонов совершенно не склонен был принимать во внимание степень готовности общественного сознания к восприятию тех или иных идей. Его интересовало только подлинное содержание проблем, стоящих перед страной, и абсолютно не интересовали проблемы личных особенностей академика А. и тяжелого детства министра Б. Он был убежден в том, что мы уже находимся в ситуации, когда нет больше времени многословно уговаривать друг друга "начать с себя", когда вопросом жизни и смерти социализма является наша способность без малейшей оглядки и безотлагательно делать ровно то, что нужно делать. Что именно – он знал. Это знание не было самоубеждением фанатика, оно выросло из освоенной культуры, из Платона, Гегеля, Маркса.

Здесь, пожалуй, скрыта тайна несокрушимой убежденности С. Платонова в своей правоте и его полного, непоказного безразличия к проблемам авторства и приоритета. Ему было свойственно чисто платоновское отношение к идеям как к объективному миру, существующему помимо желаний отдельного человека и вне его головы. Работу Ильенкова о "проблеме идеального" он читал еще в рукописи. Ощущение громадности содержания этого идеального жила в нем неотступно. Оно лежало в основе скромной оценки масштаба того шага, который был сделан им самим в опоре на это содержание. Идеи никому не принадлежат. Их не выдумывают, как фасоны шляпок, а открывают в культуре, как острова в океане.

С. Платонов работал все быстрее. Открытия сыпались как искры от бикфордова

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org шнура, целые архипелаги идей. Некоторые строки в его работах приобрели почти пророческое звучание. Он пишет о взрыве неверно рассчитанного ядерного реактора за год до Чернобыля. Ощущение того, что промедление недопустимо, становится все глубже, переходит в понимание механизмов грозной катастрофы.

Тем временем диалог с потенциальным заказчиком подвигался ни шатко ни валко. Взаимопонимание потихоньку углублялось, все более безнадежно отставая как от ускоряющегося аналитического процесса, так и от грозного синтетического движения реальности. С. Платонова ценили, уважали, тратили на него бездну времени, – изумлению и возмущению высокопоставленных чиновников, часами томящихся в приемных своих боссов, не было границ. Благополучие его жизненных обстоятельств казалось просто насмешкой над судьбами творцов, страдавших за свои идеи. Ситуация становилась трагикомической, но с едва заметным креном в сторону трагедии.

Развязка наступила неожиданно. С. Платонов давно страдал неизлечимой болезнью крови, но с годами они с недугом образовали странный вид симбиоза, который, казалось, будет длиться вечно. Неожиданно течение болезни ускорилося, и в считанные недели С. Платонова не стало. Это случилось в июле 1986 года. Остается только гадать, причастно ли как-то к этому крушение его замысла, которое он воспринял как глубокую личную драму.

В том мире, где жил С. Платонов, ему не было места. Он умер. Мир изменился.

Подлинная история всегда кажется жестокой тем, кто родился и вырос в стерильно-сказочной Истории-Со-Счастливым-Концом. Как хочется написать, что С. Платонов был бы с распростертыми объятиями принят в нашем прекрасном новом перестроившемся мире! В мире, где, перебывая и не слушая друг друга, пророчествуют о прошедших временах сотни публицистов, и где бледные листы рукописей, впервые извлекаемых на свет, красочно подтверждают эти антипророчества.

Увы, и здесь он был бы единорогом, предательски нарушающим стройность шеренги знакомых зверей и выдающим древность орнамента. Дело даже не в том, что ему был чужд модный пафос моральных обличений проклятого прошлого. Просто он, похоже, считал, что всякой оценке должна предшествовать самооценка, осуждению – понимание, смелости нравственных приговоров – бесстрашие и бескомпромиссность мысли. Стоит ли археологу откапывать череп бедного Йорика только затем, чтобы осыпать его проклятьями или оросить горячими слезами? Бессмысленно и безнравственно отмахиваться от собственного прошлого с криками: "Чур меня, чур!" – потому что это древнее восклицание имеет прямо противоположный смысл. Прошлое надо любить, – а подлинная любовь всегда разумна, нравственна и творчески действенна.

Любовь к прошлому и любовь к будущему смыкаются в движении русской мысли. Последней книгой, которую читал С. Платонов, было "Общее дело" Николая Федорова, где движение к будущему отождествлено с наведением духовных и материальных мостов в прошлое. "Любите прошлое, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете!" – этот еретический выверт известной мысли мог бы принадлежать С. Платонову. Движение, прорыв в будущее как преодоление отчуждения, отчуждения человека – от человека, человечества – от его истории, человека – от самого себя...

Мысль С. Платонова залетела далеко в будущее. Нам показалось, что чересчур, излишне, опасно далеко.

Мы убрали рукописи в сейф. С. Платонов стал нашим прошлым. Мы стали забывать о нем.

Минуло почти три года – как вдруг настоящее принялось настойчиво напоминать об этом прошлом. Философы все чаще стали наткаться на запретную проблему отчуждения, социологи и пропагандисты заговорили об отчуждении труда, экономисты принялись кружить вокруг и около проблемы подлинного и мнимого уничтожения частной собственности. Один из новоуважаемых авторов "Нового мира" в своих выводах уже рискнул вплотную приблизиться к тому, что послужило исходным пунктом построений С. Платонова. И мы вдруг поймали себя на мысли: а что если...

Конечно, на эти страницы уже легла патина времени, знак другой эпохи. Конечно, местами из логичной конструкции нелепо выпирает ампириная лепнина

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org позднезастойной риторике. К тому же, там и сям по рукописям разбросаны темные места, напоминающие диалектическую скороговорку "Grundrisse". Но, может быть, именно в этих местах, как в галактических черных дырах, всего ощутимее неодолимое, непонятное притяжение текстов С. Платонова?

Так мы принялись за составление этого сборника материалов.

У читателя не может не возникнуть естественный вопрос: какое отношение получившийся текст с его разделами и частями имеет к С. Платонову? По крайней мере, из сказанного выше следует, что он никогда не писал книги с таким названием.

Это верно, как верно и совершенно противоположное: С. Платонов всю свою жизнь писал эту книгу. К ее развернутому оглавлению он постоянно возвращается по разным поводам и под разными названиями. Первый материал такого рода под названием "План одиннадцати книг" родился на свет в бесчисленных редакциях на протяжении сентября 1984 г. Последний, без названия, закончен буквально за несколько недель до кончины. Здесь систематический ум С. Платонова, казалось, находит наконец-то органичную форму для владевшего им содержания.

Каждый сражается со своим демоном как умеет. Профессиональный системщик С. Платонов пытался одолеть своего методом составления развернутых классификаций. Все же многое свидетельствует, что дело было не только в этом, что он действительно мечтал о книге. Мечтал – но не сделал ни шагу, чтобы воплотить мечту в реальность. Во времена не столь отдаленные, куда судьба забросила нашего героя, страшно было и помыслить о публикации подобной неслыханной крамолы. Ну, а писать "в стол", для самоудовлетворения и в расчете на благодарность потомков – такую общепринятую роскошь, такое разбазаривание времени самозванный спаситель отечества позволить себе не мог.

Составляя настоящий сборник, мы взяли за основу именно эту последнюю авторскую классификацию. Однако материалы, хоть как-то пригодные для раскрытия ее содержания, в архиве С. Платонова удалось найти лишь для первой трети разделов. Судя по тематике бесед С. Платонова, сохранившейся в дневниковых записях, содержание для остальных двух разделов также существовало, но не было положено на бумагу, и автор унес его с собой.

Несколько слов о характере самих материалов. За единственным исключением ("Дискуссия Сократа с Калликлом") все они вовсе не предназначались для печати – отсюда стиливая чересполосица и неравноценность, вплоть до полной нечитабельности. Большинство написано в традиционном для С. Платонова жанре подметно-публицистических посланий к анонимным или обобщенным начальникам. Некоторые представляют собой подлинные служебные записки или записи бесед, подготовленные со всем тщанием, знанием дела и особенностей казенного словоупотребления. Для того чтобы как-то дополнить скудное содержание этих документов и показать, что мысль С. Платонова не замыкалась в узких рамках автоклассификации, в каждый из разделов при редактировании мы добавили кое-какие отрывки из черновики, конспектов, писем автора и фрагменты иного происхождения.

При редактировании мы стремились по возможности сохранить подлинник в неприкосновенности. Некоторые минимальные сокращения и замены отдельных слов и выражений, насколько мы можем судить, сделал бы и сам С. Платонов, приди ему в голову странная мысль подготовить к печати собственный реквием из подручных материалов. Кроме того, мы устранили неизбежные повторы, однако, не все: некоторые принципиальные и притом неожиданные мысли сам автор считал нелишним повторять и два, и три раза.

Наконец, заголовки наполовину являются авторскими, а наполовину представляют собой наиболее характерные и центральные по смыслу обороты из соответствующих текстов.

В своих юношеских эсхатологических опусах С. Платонов не раз возвращался к волнующей теме конца Истории. Надо сказать, однако, что вся эта история с самим С. Платоновым только начинается. Как правило, его работы являются незаконченными, и при этом, как правило, их можно по-настоящему понять только в контексте недописанных разделов. В первую очередь это касается части 7 настоящего сборника. Чисто текстуально автора можно понять в том смысле, что он считал вредными и чуждыми социализму такие модные ныне

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org экономические формы, как аренда, хозрасчет и вообще рыночные методы. Но сохранившиеся наброски "Главы 3", к которой он постоянно отсылает читателя, неопровержимо свидетельствуют, что мысль С. Платонова была совсем в другом. Многие классические или же видоизмененные экономические формы являются необходимыми и органичными элементами целостной стратегии "действительного коммунистического действия"; однако, если изъять их из этой целостности, то, взятые сами по себе, они тут же теряют качество "социалистичности" и превращаются в свою противоположность. Так, вскрытие брюшной полости – необходимый этап многих хирургических операций. Однако, если к нему и сводится вся хирургия, то дело пахнет заурядным убийством.

Куда привела бы С. Платонова его "философская нить Ариадны", если бы у него достало времени и сил за нею следовать? На это дают намек наброски второго и третьего "Размышлений по поводу дискуссии Сократа с Калликлом". В основу второго должна была лечь коллизия двух рабств: сократовского "рабства у самого себя" и калликловского "рабства у своих желаний". Развертывание этого противоречия, насколько можно понять, бросает новый свет на всю экзистенциальную проблематику. Третья, еще более волнующая коллизия противопоставления Сократом реальному суду своих сограждан загробного суда особой тройки в составе Миноса, Радаманта и Эака...

Он знал, смог понять что-то важное обо всем этом. Но путь С. Платонова лежал совсем в другую сторону: от вопроса о смысле жизни вообще ему необходимо было как можно скорее, насколько хватит сил, обратиться до конкретного смысла жизни конкретного человека в совершенно конкретных обстоятельствах его времени и места.

Так может быть, пришла пора кое-чему из сотворенного этим человеком увидеть свет?

ибо было сказано, что бог воскрешает руками человека.

24.02.89 г.

В. Аксенов
В. Криворотов
С. Чернышев

КНИГА ПЕРВАЯ Коммунистическое междуцарствие

Часть 1 В чем состоит уничтожение частной собственности?

Коммунизм как эпоха преодоления отчуждения

"Коммунизм есть необходимая форма ... ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества".

"...Мы даже коммунизм называем ... еще не истинным, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности".

"...Коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредования, – являющегося, однако, необходимой предпосылкой, – возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм".

К.Маркс

Перед нашим обществом стоит задача, безотлагательное решение которой составляет вопрос жизни и смерти социализма. Однако, прежде чем она может быть решена, она должна быть осознана.

Понять Маркса. Для нас это равнозначно тому, чтобы понять самих себя, потому что марксизм-ленинизм есть деятельное осуществление марксистской теории в исторической практике. Но в этом колоссальном прорыве, в котором теоретическое сознание впервые переплавляется в общественное бытие, возникло опасное нарушение равновесия не в пользу теории.

Многообразные проблемы и сложности, с которыми мы сталкиваемся, не имеют

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org объективно-необходимой основы – они порождены нашим непониманием[1]. Ныне как никогда "реальный социализм" жизненно нуждается в том, чтобы увидеть себя в зеркале реального марксизма.

Настоящая работа не имеет никакого отношения к "общественным наукам" – ни по своему происхождению, ни по содержанию. Ее текст наполовину состоит из цитат, из мыслей Маркса, в которых он раскрывает и комментирует важнейшие, основополагающие идеи коммунистической теории. Однако при чтении не раз возникнет желание проверить, убедиться в подлинности этих цитат... Да, спустя столетие после смерти Маркса его не понимают, замалчивают, искажают не только по ту сторону баррикад. Маркс должен, наконец, получить возможность непосредственно обратиться к тем, в чьих делах живут его идеи, через головы профессиональных толкователей, которые в угоду превратно поэтому ими духу учения игнорируют или ложно интерпретируют его букву. Первым критерием соответствия марксизма своему названию является его способность прежде всего понять Маркса буквально.

"...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности".

Как нужно понимать сегодня это классическое положение "Манифеста"? Быть может, оно устарело? Да и какое, казалось бы, отношение уничтожение частной собственности имеет к нашим сегодняшним проблемам, к делу построения коммунизма? Разве теория построения коммунистического общества не является другой частью марксизма, наряду с теорией уничтожения частной собственности?

Отвечая ленинскими словами, в этой "философии марксизма, вылитой из одного куска стали", нет никаких частей, которые можно было бы вынимать, вставлять, заменять из-за устаревания и т.д.

По Марксу не капитализм, а вся предшествующая история есть история развития частной собственности. По Марксу победа пролетарской революции, экспроприация экспроприаторов, развитие производительных сил в рамках социализма есть не уничтожение частной собственности, а лишь начальный шаг к этому, ее "упразднение".

По Марксу коммунизм есть не "идеальный способ производства", а историческая эпоха, включающая целый ряд способов производства, основным содержанием которой является уничтожение частной собственности. По Марксу содержание всей без изъятия коммунистической теории можно целиком выразить одним положением: уничтожение частной собственности. По Марксу коммунистический идеал "Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех" воплотится в жизнь лишь по завершении эпохи коммунизма, в новой эпохе, названной Марксом "положительным гуманизмом".

В чем же состоит специфически коммунистический способ деятельности, какова специфическая природа средств труда и предметов труда, определяющая общую сущность всех коммунистических способов производства?

Предметом труда в каждом из них является определенный тип, исторически возникший слой отчужденных производственных отношений; способ деятельности состоит в присвоении этих производственных отношений, в превращении их в общественную производительную силу, в снятии тем самым слоя отчуждения; средством труда являются специальные средства проектирования, создания и поддержания общественного контроля за сложными комплексами производственных отношений.

Сущность переходного периода от эпохи частной собственности к эпохе коммунизма состоит в том, что пролетариат под руководством коммунистической партии после победы социалистической революции осуществляет развитие производительных сил, унаследованных от капитала, до такого уровня, при котором становится возможным первый из коммунистических способов производства, превращающий развитый "общественный капитал" в общественную производительную силу. Переход к коммунистической эпохе – это просто переход от присвоения и развития производительных сил к присвоению и развитию производственных отношений, состоящий в изменении предмета деятельности и в создании соответствующих ему качественно новых средств труда.

Таким образом, подлинная, и притом – главная наша проблема состоит в том, что мы по-настоящему не осознаем, кто мы такие и где находимся, что должны

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org делать, в чем состоит строительство коммунизма. Мы обязаны осознать, наконец, свое право коммунистического первородства и вступить в него. Мы все еще барахтаемся в пеленках, но давно уже можем и должны встать в полный рост и разогнать наглежащих крыс старого мира.

Понять Маркса. Это стратегическая, безотлагательная проблема партии и социалистического государства. Это прежде всего – задача руководителей, которые не должны ни на день отодвигать ее под давлением всевластных "текущих дел" или перепоручать своим научным консультантам и просвещеннейшим представителям наших славных "общественных наук".

В этих кратких заметках мы вместе попытаемся понять лишь несколько ранних работ Маркса – "Экономическо-философские рукописи 1844 г.", написанные совместно с Энгельсом "Святое семейство" (1844 г.) и "Немецкую идеологию" (1845–46 гг.). Но чтение не обещает быть легким делом.

"Здесь я могу помочь только одним: с самого же начала указать на это затруднение читателю, жаждущему истины, и предостеречь его. В науке нет широкой стальной дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменным тропам" (К.Маркс).

1. Отчуждение – исторически исходная категория марксизма Программа экономическо-философских рукописей 1844 г.

"Ты должен быть готов познакомиться с величайшим, быть может единственным из ныне живущих подлинным философом... Как по своей устремленности, так и по своему философскому духовному развитию он превосходит не только Штрауса, но и Фейербаха, а последнее очень много значит! Я желал бы постоянно иметь такого человека в качестве учителя философии. Только теперь я чувствую, какой я дилетант в собственно философии".

Это нечаянное признание вырвалось у молодого честолюбивого философа Гесса в начале сентября 1841 года, когда он, весь еще во власти пережитого потрясения, принялся за письмо своему другу Ауэрбаху.

"Доктор Маркс – так зовут моего кумира – еще совсем молодой человек (ему едва ли больше 24 лет), который нанесет последний удар средневековой религии и политике; глубочайшая философская серьезность сочетается в нем с тончайшим остроумием; вообрази себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля соединенными в одном лице, – я говорю соединенными, а не смешанными, и это будет доктор Маркс".

Гесс не ошибся – доктору Марксу едва исполнилось 23 года, и ему только предстояло стать величайшим мыслителем и первым в истории коммунистом Карлом Марксом. Но когда именно это произошло, и в чем состоит та граница, перейти которую оказалось под силу только Марксу, и по ту сторону которой остался не только автор письма, но и Руссо, и Фейербах, и даже Гегель?...

Что же объединяет знаменитого Гегеля и основательно забытого у нас Гольбаха, даже ставит на одну доску в их отношении к Марксу? Свершенное ими, различаясь масштабом, является свершением внутри философии. Благодаря Марксу философия впервые осознала, что для решения внутренних коллизий она должна выйти за собственные границы в материальный мир, стать революционной теорией. "Философы лишь различным образом объяснили мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его"[2] Благодаря Марксу революционная практика впервые увидела в теории могучее средство преобразования мира. "Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие"[3] Революционную суть этой философии Маркс и Энгельс сформулировали в Манифесте: "...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности"[4].

Но именно с этого пункта, который венчает здесь последовательность усыпляюще-хрестоматийных цитат, уже отсюда, а не в каких-либо "экзотических", ставших жертвой философской моды рукописях 1844 или 1857 гг., берет начало глубокое, принципиальное непонимание самой сути марксизма. Это непонимание наши классовые противники целиком разделяют с теми, кто называет себя марксистами и, подразумевая которых, сам Маркс говорил: "Я знаю только одно, что я не марксист"[5], а Ленин писал: "...Никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!"[6].

Историческая миссия марксизма состоит в том, что он ставит и решает – не только теоретически, но и революционно-практически – три принципиальных вопроса.

1. Что такое частная собственность?
2. Почему она должна быть уничтожена?
3. В чем состоит уничтожение частной собственности?

На уровне здравого смысла существуют известные ответы на эти вопросы, состоящие, грубо говоря, в том, что собственность – это "кража", экспроприация, а ее уничтожение состоит в "экспроприации экспроприаторов".

Несомненно, это верно. Но если этим все и ограничивается – тогда история представляет собой Шервудский лес, а марксизм целиком воплощается в теоретической и практической деятельности Робин Гуда.

В отличие от многих марксистов у доблестного атамана разбойников были уважительные причины, по которым он так и не осилил "Немецкую идеологию", где сказано: "Присвоение всей совокупности производительных сил объединившимися индивидами уничтожает частную собственность"[7] Это уничтожение должно быть именно присвоением, поскольку "...производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами; причиной этому – то, что индивиды, силами которых они являются, раздроблены и противостоят друг другу, между тем, как эти силы, со своей стороны, становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов. Таким образом, на одной стороне – совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещную форму и являются для самих индивидов уже не силами индивидов, а силами частной собственности... На другой стороне находится противостоящее этим производительным силам большинство индивидов, от которых оторваны эти силы..."[8]

То, что производительные силы "приняли как бы вещную форму" означает, что они противостоят индивидам в качестве господствующих над ними производственных отношений: "...Вещное отношение зависимости – это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости независимым индивидам, т.е. их производственные отношения друг с другом, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим..."[9]

Таким образом, уничтожение частной собственности состоит в овладении всей совокупностью господствующих над индивидами производственных отношений, а тем самым – в присвоении отчужденных в этой вещной форме общественных производительных сил объединившимися индивидами.

"Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, ...является одним из главных моментов во всем предшествующем историческом развитии. Социальная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, – эта социальная сила вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд собственных фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а, наоборот, направляющих эту волю и это поведение"[10].

"...С коммунистическим регулированием производства, устраняющим ту отчужденность, с которой люди относятся к своему собственному продукту, исчезает также и господство отношения спроса и предложения, и люди снова подчиняют своей власти обмен, производство, способ своих взаимных отношений..."[11]

"Всесторонняя зависимость, эта стихийно сложившаяся форма всемирно-исторической совместной деятельности индивидов, превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
сих пор казались им совершенно чуждыми силами..."[12]

Частная собственность есть результат вполне определенного исторического развития общества; она выступает как сложившаяся в итоге этого развития совокупность отчужденных общественных производительных сил, принявших форму господствующих над индивидами производственных отношений. Следовательно, ее уничтожение суть последовательное снятие отчуждения, т.е. присвоение, освоение всех этих производительных сил. Поэтому робин-гудовское "...упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее"[13].

"Для уничтожения... частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие"[14]. Начавшись как лихая "красногвардейская" атака на капитал"[15], оно не остановится на этом и "...будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс"[16].

Приходится поневоле прибегать к обильному цитированию, поскольку нет никакой надежды, что Робин Гуд поверит авторам на слово. Мысль о том, что уничтожение частной собственности есть некое "преодоление отчуждения" для него значительно темнее родного Шервудского леса.

Просвещенные наследники атамана слышали слово "отчуждение", однако последнее вызывает у них навязчивую ассоциацию с "буржуазной лженаукой".

С другой стороны, на интеллектуальную элиту шумного города Ноттингема, расположенного на опушке Шервудского леса, категория "отчуждение" оказывает такое же магическое воздействие, как слово "Бобруйск" на участников Сухаревской конвенции.

Они видят в ней средство, зарегистрировавшись в качестве марксистов, воспарить в желанные спекулятивные эмпирии, откинув шелуху повседневности в виде "средств производства", "предмета труда", прозаической "фондоотдачи" и даже "условно чистой продукции". При этом Марксова категория "отчужденный труд" по существу подменяется гегелевским "отчуждением Абсолютной Идеи от самого себя".

Марксова категория отчуждения сама прошла в нашей общественной науке непростой путь "отчуждения" и робкого обратного "присвоения", итог которому подводит Р.И.Косолапов в известной книге "Социализм"[17]. Эта категория, конечно же, не является последним словом марксизма – хотя бы потому, что является его исторически первым словом. Но она лежит уже по ту сторону границы, переход через которую означал для Маркса окончание первого этапа освоения достижений буржуазной философии, политической экономии, утопического социализма и начало создания собственной концепции материалистического понимания истории.

"Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает. Материальный процесс, проделываемый в действительности частной собственностью, она укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение законов. Эти законы она не осмысливает, т.е. не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности"[18].

Впервые подвергнув критическому анализу этот незыблемый столп буржуазной экономической науки, К.Маркс обнаруживает, что частная собственность представляет собой форму развития процесса отчуждения труда.

"Таким образом, к частной собственности мы приходим посредством анализа понятия отчужденного труда..."

Хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием...

Только на последней, кульминационной стадии развития частной собственности вновь обнаруживается эта ее тайна: частная собственность оказывается, с одной стороны, продуктом отчужденного труда, а с другой стороны, средством его отчуждения, реализацией этого отчуждения "[19].

Такое понимание Марксом категории отчуждения открывает возможность получить на ее основе все категории политической экономии. "Как из понятия

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org отчужденного труда мы получили путем анализа понятие частной собственности, точно так же можно с помощью этих двух факторов развить все экономические категории, причем в каждой из этих категорий, например, торговле, конкуренции, капитале, деньгах, мы найдем лишь то или иное определенное и развернутое выражение этих первых основ"[20].

Однако, прежде чем выводить категории политэкономии из отчуждения как сущности частной собственности, Маркс считает необходимым поставить вопрос о сущности самого отчуждения. "Мы приняли, как факт, отчуждение труда, и этот факт мы подвергли анализу. Спрашивается теперь, как дошел человек до отчуждения своего труда? как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития? Для разрешения этой задачи многое нами уже получено, поскольку вопрос о происхождении частной собственности сведен нами к вопросу об отношении отчужденного труда к ходу развития человечества"[21].

Таким образом, можно констатировать, что именно здесь Маркс становится Марксом, поставив первый из трех названных выше кардинальных вопросов марксизма – вопрос о сущности частной собственности.

С другой стороны, категория отчуждения сразу же выступает для Маркса как первый, "верхний" слой материалистического понимания истории. Годом спустя, разрабатывая в "Немецкой идеологии" концепцию материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс вскрывают под отчуждением еще три последовательных сущностных слоя[22].

Что же касается второго из названных вопросов – о необходимости уничтожения частной собственности – впервые ответ на его Маркс дает в том же 1844 году. "Образованием... ассоциаций рабочие обнаруживают весьма основательное и широкое понимание той "колоссальной" и "неизмеримой" силы, которая возникает из их сотрудищества. Но эти массовые коммунистические рабочие, занятые, например, в мастерских Манчестера и Лиона, не думают, что можно "чистым мышлением", при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают различие между бытием и мышлением, между сознанием и жизнью. Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих, и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в мышлении, в сознании, но и в массовом бытии, в жизни". [23]

Цель коммунистического преобразования общества для Маркса вовсе не сводится к высвобождению развивающейся абстракции производительных сил от тормозящей абстракции производственных отношений, целью является освобождение человека от всех конкретных форм гнета отчужденных производственных отношений, возвращение человеку отчужденной человеческой сущности[24].

Но здесь опять, как и в вопросе о сущности уничтожения частной собственности, целая пропасть разделяет понимание дела Марксом и сказки Шервудского леса. Бесстрашный атаман экспроприаторов грянулся бы оземь с боевого коня, прочти он, к примеру, нижеследующее место из "Святого семейства": "Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность – частная собственность". [25]

Маркс прямо указывает нам на то, что в странах, где капитал уничтожен, однако пролетариат продолжает существовать и даже составляет "абсолютную сторону общества" – пролетариат еще не победил, и частная собственность не уничтожена. Она лишь "упразднена"[26], что составляет только предварительный шаг в длительном и сложном процессе ее уничтожения.

Когда с айсберга собственности лихим кавалерийским ударом сшиблена часть торчащей из воды верхушки-капитала, подводная глыба тяжело приподымается из глубины, и наружу выступает качественно новый слой отношений частной собственности. Частная собственность неизмеримо древнее, чем ее исторически последняя форма – капитал, и первый слой отчужденных производственных отношений лег в ее основу во времена распада архаических общин и начала общественного разделения труда. Гнет частной собственности и количественно

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org и качественно представляет собой тяжелый груз, многослойные напластования отчужденных отношений, накапливавшихся тысячелетиями.

Поэтому коммунизм как уничтожение частной собственности – здесь мы переходим к третьему кардинальному вопросу марксизма – есть не статическое "идеальное" состояние общества, а историческая эпоха, содержанием которой является преодоление отчуждения. Не оставляет сомнений классическая ясность формулировки "Немецкой идеологии", поле вокруг которой усеяно мертвыми костями бесчисленных иносказательных интерпретаций: "Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние". [27]

Здесь, как и в случае со многими мыслями Маркса, столь же классическими, сколь и классически непонимаемыми, нужно сбросить наваждение как ноттингемских, так и шервудских интерпретаций и понимать Маркса как должно, – т.е. буквально.

Так Шлиман поверил Гомеру на слово – и нашел Троя.

Коммунизм – как по своему содержанию, так и по масштабам решаемой задачи – соизмерим отнюдь не с капитализмом, а только со всей предшествующей историей.

Коммунизм – это целая эпоха, а не один способ производства. Но с каждым этапом снятия отчуждения социальное время будет закономерно ускорять свой бег, и вся эпоха возвращения человеку его отчужденных сущностных сил пролетит в десятки и сотни раз быстрее, чем период его закабаления ими.

Таким образом, уже в цикле работ 1844–1846 гг. были даны ответы на все три кардинальных вопроса марксизма, соответствующие потребностям революционной теории и практики своей эпохи. Однако сегодня перед теми, кто, решив задачу "упразднения" капитала, ищет заветный ключ к строительству нового общества, неизбежно встает новая задача: давно пора, пока еще не поздно, через общее понимание сущности уничтожения частной собственности переходить к детальному представлению о специфических этапах, через которые должен проходить этот закономерный процесс.

Маркс, помимо общего методологического каркаса для осуществления подобной работы оставил нам и ключ к последовательности этапов. В рукописях 1844 г. содержится гениальная догадка о том, что "снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение" [28].

Это означает, что практически задача уничтожения частной собственности заключается в овладении производственными отношениями – а тем самым в присвоении отчужденных производительных сил – в порядке, обратном тому, в котором происходило их отчуждение. Теоретически же задача сведена к установлению последовательности качественных этапов процесса отчуждения, а затем – к ее обращению, отражению относительно исторической "оси симметрии", разделяющей период становления отчуждения и эпоху его преодоления, эпоху коммунистических способов производства.

"Как поступил зрелый Маркс с проблемой отчуждения"? [29]

Раскрыв в общих чертах сущность уничтожения частной собственности, Маркс затем (по вполне понятным конкретным политическим, а также и теоретическим причинам) должен был сконцентрировать все свое внимание на первом этапе ее уничтожения.

Это означало, тем самым, что Маркс-теоретик сосредоточил свои усилия на исследовании не всех этапов процесса развития отчуждения, а только одного, но зато важнейшего, заключительного этапа, и соответственно – на изучении не всех форм развития частной собственности, а только высшей ее формы, капитала.

В таком подходе был не только огромный политический, но и важный методологический смысл: в ситуации крайней ограниченности достоверного исторического материала, относящегося к докапиталистическим способам производства, анализ высшей, заключительной формы процесса отчуждения мог послужить единственным ключом ко всем предшествующим его формам: "Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено... Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т.д." [30]

Об этой стороне дела речь пойдет ниже. Сейчас для нас несравненно важнее ответить на другой вопрос, имеющий колоссальную практическую значимость: как должны поступить с проблемой отчуждения современные марксисты?

В 1844 г. Маркс-философ с помощью категории "отчуждение труда" впервые ответил на три названных выше основных вопроса марксизма. Эти ответы сделали его революционером-коммунистом. Отныне главной задачей Маркса-философа стало создание теоретического оружия для Маркса-коммуниста. Целиком сосредоточившись на одном, наиболее важном пункте – анализе высшей, последней формы частной собственности и проблеме ее уничтожения, – Маркс практически больше не имел возможностей возвратиться к проблеме уничтожения частной собственности во всей ее полноте.

Однако эти три проблемы, принципиальный путь решения которых открыл Маркс, стали главными вопросами XX столетия и, по-видимому, сохраняют за собой это качество в первой половине следующего века. Помимо глубокого философского содержания, они приобрели огромное политическое значение.

Вопрос о том, что такое частная собственность, по сути, равен вопросу о том, что такое капитализм переходной эпохи, ибо этот капитализм завершает собой не только историю капиталистического способа производства, но и всю последовательность антагонистических формаций, и как высшая форма частной собственности может быть понят только исходя из всей предыдущей истории отчуждения, истории, которую он целиком содержит в снятой форме.

Вопрос о том, почему частная собственность должна быть уничтожена, равен вопросу о том, в чем смысл и оправдание коммунизма – становящегося гуманизма, переходной эпохи возвращения человеку его человеческой отчужденной сущности, присвоения человеческой личностью всего богатства предшествующего развития.

Наконец, вопрос о том, в чем состоит уничтожение частной собственности, равен вопросу о том, через какие качественные этапы должен закономерно развиваться процесс строительства нового общества, т.е. процесс преодоления отчуждения. Общественная наука, которая оказывается не в состоянии дать точный, конкретный, практически-действенный ответ на этот вопрос, не в состоянии хотя бы осмыслить принципиальный ответ на него, уже данный Марксом, которая пробавляется "обобщением опыта" и конъюнктурной апологетикой – такая общественная наука не имеет ни малейшего отношения к Марксу и марксизму.

Различные сущностные слои материалистического понимания истории имеют то общее со структурными уровнями материи, что ни один из них не может быть устранен из поля зрения теории без немедленного разрушения целого. Попытка осилить проблему частной собственности, игнорируя категорию "отчуждения", перескакивая через первый сущностный слой исторического материализма – все равно что пытаться теоретизировать об этапах развития человеческого организма, не имея ни малейшего представления об анатомии и физиологии и начиная сразу с внутриклеточных структур или биохимических процессов. Философскому мужу, страдающему животом, не поможет зазубренная им наизусть гениальная формула об электроны и атоме, коль скоро он отверг категорию "несварения" якобы вследствие ее "чрезмерной общности".

В другой раз, изучая "раннего" Маркса, он, будем надеяться, внимательнее прислушается к совету "раннего" Ленина: "Да ведь всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если Вы наподобие вяленой воблы выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой!" [31]

Разработка проблемы отчуждения – историческое завещание Карла Маркса. Сегодня дальнейшее промедление с исполнением этого завещания смерти подобно.

2. "Немецкая идеология": материалистическое понимание истории как понимание материального источника и механизма отчуждения

Мы уже видели, что в известном фрагменте "Отчужденный труд" Маркс ставит перед собой задачу уяснения сущности самого процесса отчуждения, а конкретнее – последовательности форм отчуждения, соответствующих этапам человеческого развития.

Первоначально в этой задаче Маркс видел лишь средство для того, чтобы вывести все категории политэкономии из понятия "отчуждения", т.е. увидеть логическое в историческом. Однако затем эта задача приобрела самостоятельную ценность: в этапах самоотчуждения Маркс увидел последовательность этапов его снятия, т.е. коммунизма. Соответствующий фрагмент о коммунизме, который Маркс начинает словами "снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение...", является примечанием к недошедшим до нас фрагментам "Рукописей", которые, очевидно, и содержат первоначальный набросок этапов самоотчуждения. Однако они могли представлять собой лишь феноменологию, а не логику отчуждения, поскольку его сущность была вскрыта только в "Немецкой идеологии", в ходе углубленной разработки материалистического понимания истории.

Для буржуазных экономических мыслителей частная собственность выступает как незыблемая твердь и основание в самой себе. Вскрытие все новых сущностных слоев, лежащих под ней, вызывает у опирающихся на эту твердь столпов общества тошнотворное чувство невесомости: едва смирившись с мыслью о том, что она покоится на неких сомнительных слонах, они уясняют, что те, в свою очередь, стоят на совсем уж неблагонадежной черепахе, которая барахтается в бурном океане производительных сил и производственных отношений.

Уже в конце "Экономическо-философских рукописей 1844 г." Маркс приближается к пониманию того, что следующий сущностный слой за отчуждением связан с категорией "разделение труда". В "Немецкой идеологии" разделение труда, в свою очередь, выступает как форма, в которой разворачивается новая сущность – диалектика производительных сил и производственных отношений.

При первом взгляде эта рукопись Маркса и Энгельса предстает как поразительное разнообразие внешне сходных между собой терминов: способ производства, производительные силы, способ деятельности, форма общения, производственные отношения, форма деятельности и т.п. кружатся в пестром калейдоскопе меняющихся связей, тонких различий и взаимных рефлексий. Проницательный читатель из Шервудского леса из соображений методологического пуризма согласен оставить не более двух из них, объясняя досадное разнообразие терминологической неустойчивостью раннего Маркса.

В фокусе рассмотрения "Немецкой идеологии" находится категория СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА, которая, в свою очередь, выступает как единство определенного СПОСОБА (совместной) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и соответствующей ему ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ.

Ключ к пониманию дальнейшего – в марксистском понятии конкретно-всеобщего. [32] Соотношение между способом деятельности и формой общения у Маркса фактически трактуется двояко. Взятые в феноменологии, в качестве конкретно-всеобщего они абстрактно противостоят друг другу. В качестве развитого конкретно-всеобщего они в своем взаимопроникновении образуют целостную ткань способа производства.

Трактовка в "Немецкой идеологии" этого сущностного слоя материалистического понимания истории в самом общем виде сводится к следующему.

Способ деятельности, понимаемый как развитое конкретно-всеобщее, представляет собой совокупность соответствующих ему особых форм деятельности, объединяемых формой общения (понимаемой как развитое конкретно-всеобщее) в качестве системы производственных отношений. Форма общения как конкретно-всеобщее есть основное производственное отношение данного способа производства. Способ деятельности как конкретно-всеобщее есть основная (всеобщая) форма деятельности данного способа производства, есть ("в себе") его основная производительная сила.

Исторический процесс развития и смены способов производства есть процесс разрешения противоречия между возникающими и развивающимися новыми способами деятельности (производительными силами) и сходящими их прежними формами общения (производственными отношениями).

В свою очередь, развитие и смена форм общения выступает как процесс

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org развития разделения труда. [33]

Помимо различий через категорию конкретно-всеобщего в тексте "Немецкой идеологии" сделаны и другие различия частного характера, выражающие отношения отдельных категорий друг к другу.

Так, способ жизнедеятельности есть способ деятельности, понимаемый как "производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством деторождения", [34] т.е. как единство "обработки природы людьми" и "обработки людей людьми". [35]

С другой стороны, способ самодеятельности есть способ деятельности человека, в которой реализуется его родовая сущность.

В Марксовом анализе отчуждения деятельности показано, как на его последней, заключительной стадии это тождество через различие развивается до противоположности: родовая деятельность (самодеятельность) превращается лишь в средство для поддержания жизнедеятельности.

Основная форма деятельности по отношению к "своему" способу производства выступает как производительная сила "в себе"; исторически последующий, более высокий способ производства действительно превращает ее в свою производительную силу и т.п.

Таким образом, даже краткое рассмотрение вопроса о "терминологической неустойчивости" показывает, что проблема не в молодости Маркса, а в тяжелом детстве Проницательного читателя.

Итак, в "Немецкой идеологии" в качестве сущности процесса развития отчуждения выступает диалектика производительных сил и производственных отношений.

Однако проделанный анализ показывает, что Маркс понимал эту диалектику совершенно иначе, чем обыденный рассудок, для которого она превратилась в очередное общее место, истину в последней инстанции, магическую формулу, каковая призвана объяснить все и вся и сама по себе не нуждается ни в каком дальнейшем объяснении. Считается очевидным, что производительным силам от природы свойственно самозабвенно развиваться, а производственным отношениям – чинить им в этом всяческие препоны, по коей причине последние периодически разделяют плачевную участь всех обструкционистов. Имманентное развитие производительных сил в данном случае заняло в потревоженных умах Ноттингема вакантное место вечной и самотождественной частной собственности. Выражаясь определеннее – диалектика здесь и не ночевала.

Крамольный вопрос об источнике развития производительных сил в свою очередь скрывает за собой вопрос совсем уж неприличный: а что они такое?

Готовый рефлекторный ответ замирает на устах лесного борца с частной собственностью. Он ждет подвоха и, действительно, испытывает очередное крушение идеалов, читая в письме Маркса Анненкову о том, что "машина также мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг... Способ эксплуатации машин – это совсем не то, что сами машины". [36] Как было уже показано выше, производительными силами для Маркса являются конкретно-исторические способы человеческой деятельности.

Безусловно (и понимание этого уже намечено в "Немецкой идеологии") в диалектике развития форм деятельности определяющую роль играют средства производства и, в частности, орудия труда. Однако это отнюдь не тождественно головокружительному прыжку через четыре сущностных слоя, в результате которого уничтожение частной собственности "материалистически" обосновывается самопорождением синхрофазотрона из сельфактора и сноповязалки. Глядя на это диво, престаёт самоотчуждаться ущемленная в своих правах Абсолютная Идея, ибо подобный "материализм" дает сто очков вперед любому идеализму в деле мистификации истории.

3. Присвоение природы как отчуждение

"История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека". [37]

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org – Как!? – восклицает правоверный адепт диалектики сельфактора и сноповязалки, которому помогло сохранить невинность 129-е степеотипное издание "Самоучителя по историческому материализму". Для того ли он путем регулярного и упорядоченного умерщвления плоти убедил-таки дух возвести свою шаткую надстройку на железном базисе саморазвивающегося зубила, чтобы телеологические козни вновь ввергли его в пучину пагубных для пищеварения сомнений?

Что же касается Ноттингемских чудо-интерпретаторов – на их боевом счету значатся Геракловы подвиги, затмевающие известное толкование откровенно эротической "Песни песней" как смиренного обращения верующего к богу. Посему для них не составит ни малейшего затруднения истолковать и это положение марксизма с требуемой степенью "гибкости", продиктованной текущей конъюнктурой.

Материалистическое понимание истории выглядит великой премудростью только для извращенного сознания. Частную собственность – эту "господствующую абстракцию", [38] которая лишь в итоге всего процесса отчуждения приобретает реальное бытие в качестве конкретно-всеобщего, обыденный рассудок принимает за исходное бытие, основу всего сущего. Не удивительно поэтому, что возвращение к действительной основе – "деятельному человеку" – воспринимается им как переворачивание с ног на голову, погружение в сущностные слои и т.п. диалектические ухищрения.

Уже в 1844 году Маркс доказал, что чуждый спекуляции почтенный буржуазный экономист, исходящий из бытия частной собственности как из эмпирического факта, тем самым уже и стоит на голове в приятном обществе немецких идеологов, исходящих из бытия абсолютной идеи.

"В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, ... для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса... Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, нет развития..." [39]

"Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим общественное бытие... Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда". [40]

Человеческая история есть история человеческой деятельности. Деятельность, в свою очередь, выступает в определенных конкретно-исторических формах. Эти формы являются общественными. В этом качестве они опосредуют человека с его деятельностью, а следовательно, обретают по отношению к нему самостоятельность, власть над ним. [41] Эта власть выражается двояким образом. С одной стороны, форма деятельности индивида навязывается ему обществом извне, в качестве господствующего способа деятельности, в качестве отчужденной от него и захватившей над ним власть производительной силы. С другой стороны, его отношения с другими индивидами в процессе совместной деятельности точно так же выступают как господствующие над ним, предписанная, навязанная извне форма общения.

В этом-то и скрыт ответ на вопрос, почему именно производительным силам (а не наоборот – производственным отношениям) свойственно "имманентно развиваться". Производительная сила есть "субстанция-субъект" именно потому, что ее субстанцией является материальная деятельность, субъектом которой выступает живой, деятельный, присваивающий природу человек.

Здесь мы сознательно оставляем в стороне саму диалектику развития и смены форм деятельности, точное установление, в чем именно состоит определяющая роль средств производства и т.д., с тем, чтобы сосредоточиться только на одном аспекте материалистического понимания истории, а именно – на развитии форм присвоения природы человеком.

"Практически универсальность человека проявляется именно в той

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно – природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело".[42]

"Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее".[43]

Определенный способ производства есть процесс присвоения обществом природы, присвоения, опосредованного основным производственным отношением данного способа производства. Природа присваивается не в абстрактно-доисторической, давно несуществующей форме, а в общественно-определенной, в форме основного производственного отношения.

Однако что здесь выступает в качестве "природы", т.е. содержания, присваиваемого в этой форме?

Общество, на определенном отрезке исторического развития становящееся тождественным своему господствующему способу производства и в этом качестве неразложимое на абстрактные "природу без общества" и "общество без природы", представляет собой органическую целостность, выступает как субстанция-субъект дальнейшего общественного развития.

Это развитие (источник и механизм которого здесь не рассматривается!) протекает через возникновение в недрах господствующего способа производства новой основной формы деятельности и затем – становление нового основного производственного отношения.

Борьба нового способа производства с прежним и его победа означает присвоение обществом самого себя через форму нового основного производственного отношения. Новым содержанием, присваиваемым в этой форме, является, таким образом, уже не доисторическая, а очеловеченная "природа" в форме, т.е. в оболочке исторически предшествующего основного производственного отношения. Новый способ производства в качестве "общества" присваивает прежний в качестве "природы". При этом новая основная форма деятельности присваивает прежнюю в качестве своей производительной силы.

Таким образом, то, что присваивается обществом в качестве природы в рамках определенного способа производства, представляет собой как бы "матрешку", в самой сердцевине которой скрыта абстрактно-девственная, дочеловеческая природа, присвоенная в форме основного производственного отношения первичного, архаического способа производства. Каждому способу производства, взятому в исторической последовательности, соответствует новый слой этой матрешки – его основное производственное отношение, выступающее как форма присвоения предшествующего способа производства, а следовательно – в его оболочке – и всех предшествующих способов, вплоть до исходного, архаического, который, подобно ореху, заключает в своей скорлупе нетронутые деятельностью человека фейербаховские "коралловые острова".[44]

В результате развития производственной деятельности между абстрактной природой и присваивающим ее абстрактным индивидом воздвигается цепь посредников, вложенных друг в друга типов производственных отношений, отражающих историческую последовательность способов производства. Присвоение природы оказывается ее отчуждением и наоборот.

"...Присвоение, освоение выступает как отчуждение, а отчуждение выступает как присвоение..."[45]

"...Для рабочего, который посредством труда осваивает природу, это освоение ее оказывается отчуждением..."[46]

"Промышленность является действительным историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку..."

Становящаяся в человеческой истории – этом акте возникновения человеческого общества – природа является действительной природой человека; поэтому природа, какой она становится – хотя и в отчужденной форме – благодаря промышленности, есть истинная антропологическая природа".[47]

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Теперь мы можем дать точный ответ на вопрос о том, в какой форме должна быть представлена "анатомия человека" для того, чтобы она могла послужить "ключом к анатомии обезьяны". [48] Анатомия капитала как увенчанная им самим иерархия соподчиненных типов производственных отношений как раз и выступает как палеонтология всех исторически предшествующих способов производства. Именно планом разработки такой анатомии является известный "план шести книг", который Маркс не успел реализовать. Но с точки зрения решаемой нами задачи – установления последовательности этапов отчуждения – в качестве средства в равной степени могут быть использованы как "анатомия", так и "палеонтология": эта последовательность, взятая в одном отношении, выступает как историческая последовательность господствующих производственных отношений различных способов производства, а в другом – как иерархия типов производственных отношений, подчиненных капиталу.

"...Более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т.е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу". [49]

"...Наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т.е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства.. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого: это самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся еще приступить". [50]

Мы стоим перед проблемой установления сущностных этапов отчуждения, поставленной уже в "Экономическо-философских рукописях 1844 г.", заняться решением которой Марксу так и не довелось.

4. Последовательность способов производства как последовательные этапы отчуждения

В этом разделе мы даем краткий, имеющий сугубо предварительный характер очерк феноменологии отчуждения. Ограниченной постановке задачи соответствует ограниченный характер используемых логических средств: феноменология отчуждения здесь выступает как логика присвоения.

Общий характер этой логики был уже обрисован выше, когда процесс смены способов производства был представлен как естественно-исторический процесс присвоения природой самое себя. "Природа" при этом выступает в общественно-определенной форме: новый способ производства в качестве "общества" присваивает прежний в качестве "природы".

По существу, речь идет об общезначимой логической конструкции, контуры которой – применительно к конкретному материалу "Капитала" – очерчены Ильенковым: "...Вся логическая структура "Капитала" вырисовывается с новой, очень важной стороны. Любая конкретная категория предстает как одна из метаморфоз, через которую проходят стоимость и потребительная стоимость в процессе их взаимного превращения друг в друга. Становление товарно-капиталистической системы в теоретическом анализе Маркса выступает как процесс усложнения той цепи опосредующих звеньев, через которые вынуждены проходить оба взаимно тяготеющих и одновременно исключаящих друг друга полюса стоимости. Путь взаимного превращения стоимости и потребительной стоимости становится все длиннее и сложнее, напряжение между полюсами растет и растет. Относительное и временное разрешение его осуществляется через кризисы, окончательное – в социалистической революции". [51]

С точки зрения логики присвоения задача выглядит следующим образом: необходимо вывести всю "цепь опосредующих звеньев", т.е. этапов отчуждения, опосредующих полюса присвоения, и при этом показать, в каком именно смысле первое звено является первым (т.е. выступает как становление отчуждения), а последнее с необходимостью кладет предел этому процессу и означает необходимость революционного перехода к снятию, преодолению отчуждения.

Присвоение природой самое себя имеет место уже на биологической ступени

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org эволюции. Субъект присвоения, прежде чем стать обществом, выступает как биологическое сообщество, вид.

В чем же, однако, состоит *differentia specifica*, качественное отличие социального присвоения от биологического? Использование орудий как таковое не может служить таким отличием (бобры, строящие плотины, орлы, раскалывающие черепахи панцири о камни и т.п.). "Коллективистский", "альтруистический" характер поведения индивида, т.е. его направленность на достижение целей сообщества, также часто встречается в животном мире.

Использование орудий и "альтруистическая" форма поведения являются важными, но внешними сторонами исторически первого, архаического способа производства. И то и другое здесь, как и на биологическом уровне, является еще бессознательным, стереотипным поведением индивидов. Качественное различие биологической и социальной формы присвоения заключено в механизме воспроизводства стереотипного поведения. В первом случае он имеет генетическую природу, во втором – социальную. Воспроизводство стереотипов поведения в сообществе предков человека осуществляется первоначально через подражание, а закрепление тех из них, которые оказываются целесообразными – через естественный отбор на уровне сообществ.

Социальный механизм воспроизводства стереотипов значительно расширяет диапазон, резко ускоряет темп эволюционного развития, при этом сохраняя биологическую универсальность отдельных индивидов. В этом смысле человек с самого начала выступает как *zoon politikon*, общественное животное, то есть такое животное, стереотипы поведения которого заложены не в нем (т.е. генетически), а вне его, в социальной форме общения. Сущность человека – не в его генотипе, а в совокупности всех общественных отношений. Поэтому животным рождаются, человеком лишь становятся.

Таким образом, основным производственным отношением архаического способа производства является стереотип, обычай. Этот обычай выступает как социальный, поскольку в нем закрепляются не любые, а именно альтруистические, обеспечивающие выживание целого формы индивидуального поведения. С другой стороны, закрепление форм деятельности не через механизм наследственности, а в качестве социальных стереотипов впервые создает возможность освоения, закрепления и передачи разнообразных и сложных форм орудийной деятельности, благодаря чему человек оказывается способным в ходе эволюции перейти от простого присвоения природы к ее активному освоению, приспособлению к своим нуждам.

По мере развития и усложнения стереотипных форм деятельности и поведения механизм их воспроизводства через подражание становится ограничением этого процесса. Возникает система регулирующих социальное поведение норм и правил, воспроизводство которых осуществляется через специальный механизм обучения и социального контроля. Форма общения приобретает новое качество – становится ритуализированной: соблюдение каждым индивидом принятых форм деятельности и поведения контролируется сообществом извне. Тем самым создается возможность передачи через обучение сложных форм деятельности типа технологических цепочек, состоящих из многих отдельных этапов или операций.

Важнейшую роль имеет состоящая из двух этапов цепочка "изготовление орудия – использование орудия". Если для воспроизводства стереотипа использования орудия оказывается достаточным механизм подражания, то воспроизводство технологии изготовления орудия с необходимостью связано с механизмом обучения и внешнего контроля. Поэтому только на данном этапе возникает человек как *toolmaking animal*. Основным производственным отношением этого способа производства – назовем его первично-коллективным – является ритуал, "пред-мораль".

Последним из трех доисторических способов производства (т.е. таких, в которых еще не возникла частная собственность в какой бы то ни было форме) является родовой способ производства. Возникает род, т.е. система кровнородственных связей, который выступает здесь как основное производственное отношение. Начало материалистическому изучению этого типа производственных отношений было положено известной книгой Л.Моргана.

– Как!? – в очередной раз восклицает Проницательный читатель, нежно любящий свою тещу и глубоко уязвленный квалификацией этого отношения как сугубо производственного, – социальность, мораль, кровнородственные связи... и это

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org материализм!? Ведь "...детопроизводство – фактор не экономический"! [52] – торжествующе заключает он, обнаруживая непроизводственное родство душ с небезызвестным Г. Михайловским.

"Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования... Что же, уж не думает ли Г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?" [53]

Следующие три слоя отчуждения образуют основные производственные отношения первобытнообщинного, азиатского и рабовладельческого способов производства.

В первобытнообщинном способе производства, как известно, основным производственным отношением является отношение личной собственности. Здесь наряду с совместно используемой общинной землей появляются участки, выделенные для индивидуальной обработки, возникает личная собственность на орудия труда, различные формы обособления быта. Тем самым, отношение личной собственности "вклинивается" в качестве опосредующего звена между индивидом и родом, к которому он принадлежит.

Азиатский способ производства возникает как обеспеченное военным путем господство одной общины (выступающей как "царский род") над другими. Основным производственным отношением является внеэкономическое принуждение или отношение эксплуатации в своем "чистом", исходном виде. Причем, первичным, неразложимым далее объектом эксплуатации выступают целостные общины, "эти маленькие, стереотипные формы социального организма", [54] а не отдельные индивиды.

Господствующая община тем самым превращается в исторически первую форму государства – аппарат прямого насилия, а господствующий род становится "классом-в-себе", первым эксплуататорским классом. Община, бывшая господствующей формой деятельности предыдущего способа производства, в азиатском способе становится производительной силой.

В рамках рабовладельческого способа производства "голое" внеэкономическое принуждение опосредуется законом (отношением регламентации). В качестве основного производственного отношения закон устанавливает порядок, вид, меру насилия, применяемого только в каждом конкретном случае нарушения регламентированных им отношений. Закон делает возможным поддержание контроля над огромными разноплеменными империями, обеспечивает развитие торговли. Способ деятельности, связанный с внеэкономическим принуждением, выступает здесь как производительная сила в различных формах рабства, регламентируемых законом.

Последние три слоя отчуждения (или же "третья гегелевская триада", как не преминул бы злорадно отметить Проницательный читатель, не будь он уже научен горьким опытом) составляют основные производственные отношения седьмого, восьмого и девятого способов производства – феодализма, абсолютизма и капитализма.

В отличие от закона, жестко предписывающего, регламентирующего определенные действия, право лишь устанавливает систему ограничений, в пределах которых возможны любые действия, не выходящие за их рамки. Только начиная с этой ступени возможно говорить о "правах и обязанностях", "индивидуальной свободе", "взаимных обязательствах", и т.п. Смещение "закона" с "правом" в обыденном понимании является следствием того, что право в качестве более позднего слоя отчуждения по отношению к предыдущему выступает как форма по отношению к содержанию: закон как свод регламентации превращается в закон как свод ограничений, т.е. закон, в котором фиксируется право. Но это свойственно любым двум последовательным слоям отчуждения: род превращает мораль в родовую мораль; насилие ставит на место общинной личной собственности дань, военную добычу; закон превращает голое насилие в санкцию за нарушение регламентации, установленной законом и т.п.

Основным производственным отношением феодального способа производства выступает право [55] в форме вассалитета, феодального права.

Между феодализмом и капитализмом, точно так же, как (в предыдущей "триаде") между первобытнообщинным строем и рабовладельческим, находится еще один переходный способ производства – абсолютизм. Но если последний в таком качестве вообще безнадежно затерялся в переулках Ноттингема, то по поводу азиатского способа ведутся нескончаемые споры, вызванные отнюдь не дефицитом фактического материала (он как раз имеется в избытке), а отсутствием адекватных понятийных средств различения.

При абсолютизме право из господствующего производственного отношения превращается в то, что можно купить. Основной формой зависимости крестьян становится денежная рента. С другой стороны, благодаря деньгам образуется новый слой аристократии ("дворянство плаща" наряду с "дворянством шпаги"). Деньги становятся средством перехода в более высокое сословие. Массы выкупившихся крестьян пополняют ряды свободных ремесленников, объединяющихся в цехи. В городах под сенью Магдебургского права расцветают могущественные купеческие гильдии, расширение торговли приводит к образованию национального рынка. И все это торгашеское буйство поощряется абсолютным монархом, расширяя, в свою очередь, его финансовую мощь, которую, в опоре на наемное войско и свободные города, он использует для ликвидации феодальной раздробленности.

Основным производственным отношением абсолютизма как способа производства является товарно-денежное отношение.

– Товар? Деньги? Да ведь это же капитализм! – доносится из темной чащи Шервудского леса (где, как известно, все экономические кошки серы).

Товарно-денежные отношения, действительно, существуют при капитализме и даже занимают в нем весьма почетное место. Однако точно так же существуют право, закон, и даже старинное рабство не торопится перейти в разряд ископаемых. [56] Но главенствует над всем этим капитал в качестве основного производственного отношения. Товарно-денежные отношения образуют лишь "материю" капитала, однако сам он – качественно новая форма существования этой материи, самовозрастающая стоимость.

При капитализме деньги – это средство делать деньги, и это свойство они приобретают только в качестве капитала. При абсолютизме деньги – это только средство купить себе право перейти в более высокое сословие. С другой стороны, для высших сословий, нуждающихся в деньгах, средством их получения является сословное право. Деньги обмениваются на право, а право обменивается на деньги. Имеющие деньги постепенно приобретают права, имеющие права спускают их за деньги. Эти два встречных потока медленно просачиваются сквозь систему сословных плотин и шлюзов, которая, наконец, взрывается буржуазной революцией.

Начиная с четвертого способа производства природа присваивается индивидом только в форме личной собственности (естественно, бдительное отчуждение следит, чтобы при сем блюлись интересы многочисленных родственников, делались реверансы в сторону господствующей морали и отдавалась дань священным обычаям). Каждое последующее производственное отношение поочередно выступает как новый способ присвоить предмет природы в качестве своей личной собственности, однако, оно же тем самым на одно звено увеличивает цепь посредников между собственником и предметом его вожделений. Насилие – это способ присвоить чужую личную собственность; закон – способ превратить неупорядоченный грабеж в контролируруемую производительную силу; право – способ поставить закон на службу противоречивым интересам класса собственников; деньги – способ приобрести право; капитал – способ произвести деньги...

Здесь цепочка посредников обрывается, поскольку уникальность капитала как производственного отношения состоит в том, что он есть самовоспроизводящееся отношение, есть способ произвести самого себя. Именно поэтому капитал является последней формой отчуждения.

Теперь мы можем в явной форме перечислить все слои отчуждения, т.е. основные производственные отношения исторически последовательных способов производства.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Однако мы не занимаемся историческими изысканиями. История отчуждения – лишь средство построить теорию его преодоления. Теперь, наконец, мы видим первое, еще расплывчатое отражение будущего в зеркале исторических вод.

5. Коммунизм как преодоление отчуждения

"Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом". [57]

"Поэтому положительное упразднение частной собственности... есть положительное упразднение всякого отчуждения, т.е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т.д. к своему человеческому, т.е. общественному бытию". [58]

Через развитую категорию отчуждения, как сквозь призму, мы смотрим теперь на эти известные цитаты совершенно новыми глазами. Перед нами – отнюдь не дань младогегельянской моде, не выражение восторженного образа мыслей молодого Маркса. Это строгие, исключительно содержательные, глубоко диалектические определения, и понимать их следует отнюдь не фигурально.

Разница между молодым и зрелым Марксом состоит не в способности выражать свои мысли, а в предмете исследования, т.е. в различии сущностных слоев материалистического понимания истории, выступавших в качестве предмета. Поэтому он не нуждается в самозванных защитниках, которые, снисходительно похлопывая Маркса по плечу, прощают ему грехи молодости. Эти "реабилитаторы" ничуть не лучше поклонников теории отчуждения, "с упоением либерального кретины" [59] воспевающих гуманизм работ молодого Маркса, которому он якобы изменил в дальнейшем.

Коммунизм для Маркса "... означает становление практического гуманизма". [60] Сам этот гуманизм "... есть положительная действительность человека, уже не опосредуемая отрицанием частной собственности, коммунизмом. Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, (т.е. отрицание отчуждения, которое, в свою очередь, есть отрицание сущности человека. – Авт.) поэтому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества". [61]

"... Мы даже коммунизм называем – так как он является отрицанием отрицания – присвоением человеческой сущности, которое опосредует себя с собой через отрицание частной собственности, а посему еще не истинным, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности..." [62]

"... Коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредования, – являющегося, однако, необходимой предпосылкой, – возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм". [63]

Благодаря долголетним усилиям наших славных общественных наук все эти многочисленные, не оставляющие никаких сомнений мысли Маркса выглядят сегодня чуть ли не как злостный ревизионизм и разнузданный антимарксизм. По меньшей мере они выступают как некое откровение, нуждающееся в пояснении. "Истинный исток и тайна" [64] робин-гудовской философии наших "марксистов" заключается в том, что они не отличают простое упразднение частной собственности от ее положительного упразднения, то есть уничтожения (термины Маркса). В результате этого невинного заблуждения и возникает легенда о коммунизме как об "идеальном способе производства", классическое определение которого якобы дается в "Критике Готской программы".

Мы видим, что Маркс разделяет развитие человечества на три эпохи. Первая из них – предыстория, эпоха отчуждения (включая, как было показано, девять способов производства). Вторая – эпоха уничтожения частной собственности, каждый из способов производства которой является этапом снятия одного из слоев отчуждения. Третья – эпоха "положительного гуманизма", свободная ассоциация всесторонне развивающихся индивидов.

Эти эпохи разделены между собой двумя переходными периодами, которые по сложности и богатству форм далеко превосходят периоды смены способов производства внутри каждой из эпох.

Необходимость в первом из двух переходных периодов возникает, когда пролетариат уже завоевал политическую власть, однако, достигнутый к этому моменту уровень развития производительных сил недостаточен для прямого перехода к присвоению капитала в качестве общественной производительной силы. Отличие переходного периода от коммунистических способов производства состоит в том, что основная форма деятельности при социализме – развитие унаследованных от капитала производительных сил, в то время как в коммунистических способах производства – превращение производственных отношений в контролируемые обществом производительные силы, снятие отчуждения.

Эта деятельность требует для своего осуществления принципиально нового вида средств производства, для которых "присваиваемой природой" являются сложные комплексы производственных отношений. Каждый из коммунистических способов производства включает в себя проектирование качественно нового "хозяйственного механизма", посредством которого осуществляется присвоение соответствующего слоя отчужденных производственных отношений. Субъектом этой деятельности, а тем самым – субъектом общественного самосознания выступает коммунистическая партия. Эту ключевую роль партия продолжает играть на протяжении всех девяти коммунистических способов производства [65], в том числе и после того, как в результате снятия соответствующего слоя отчуждения в рамках пятого способа отмирает государство. Во вскрытии сущности этих этапов, стратегическом обеспечении деятельности партии на каждом из них – а вовсе не в придворной историографии – состоит миссия истинной общественной науки.

"Вполне понятно, что уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является господствующей силой..." [66]

Первый этап, состоящий в "положительном упразднении", снятии капитала, Маркс называет "грубым коммунизмом". [67] Предоставим слово ему самому.

"...Коммунизм... на первых порах... выступает как всеобщая частная собственность, ... в его первой форме является лишь обобщением и завершением этого отношения. Как таковой он имеет двойкий вид: во-первых, господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т.д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей; наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность..."

Это коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием.

...У него – определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз ... из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень представляемой всеобщности: труд – как предназначение каждого, а капитал – как признанная всеобщность и сила всего общества". [68]

В этой беспощадно точной характеристике Маркса необходимо четко разграничивать две стороны: базисную сущность первого коммунистического способа производства, состоящую в овладении капиталом как общественной производительной силой, и надстроечные "издержки", которые не обязаны возникать повсеместно и в полной мере.

В чем же, собственно, состоит превращение капитала из господствующей отчужденной в подчиненную обществу производительную силу?

По мере роста масштабов и усложнения структуры общественного капитала достигается граница, за которой задача осуществления его расширенного воспроизводства становится главной функцией планового механизма, превращая господствовавшую в переходный период задачу обеспечения роста объемов производства в подчиненную. Иными словами, от развития производительных сил, подчиненных экспроприированному капиталу, с необходимостью осуществляется переход к реальному обобществлению самого этого капитала (как производственного отношения) в качестве производительной силы. В этом проявляется общая родовая черта, сущность всех коммунистических способов производства, состоящая в целенаправленной деятельности по превращению производственных отношений в производительные силы.

В качестве стоимости, приносящей стоимость, капитал в снятом виде продолжает существовать. Однако приносимая им стоимость теперь распределяется в интересах всего общества. Место конкуренции капиталов должна занять специально созданная система распределительных отношений. Она распределяет стоимость, направляемую на расширенное воспроизводство, между элементами совокупного общественного капитала, локализованными в регионах, отраслях и предприятиях, и регулирует общие условия его воспроизводства. Это и есть плановый экономический механизм, который, по мере решения задачи обобществления капитала, должен пройти ряд качественных ступеней.

Специфическая природа, в присвоении которой состоит сущность коммунистических способов производства – это не угольные пласты и т.п., а производственные отношения, а поэтому и присвоение этой "природы" требует соответствующих средств производства, совсем не похожих на угольные комбайны. [69]

Каждый из последующих восьми коммунистических способов производства – новый громадный шаг вверх по лестнице прогресса. В этих кратких заметках мы лишь стремились наметить путь, идя по которому, общественная наука уже сегодня способна и обязана дать научно обоснованные, полнокровные образы всех качественно различных восходящих типов коммунистических формаций, поставив их на место бытующей убого-худосочной абстракции.

Для общества, чья созидательная деятельность обращена в будущее, конкретный, зримый образ этого будущего должен служить могучей производительной силой.

22.06. – 11.07.1984 г.

Москва

Часть 2 Парадоксы "социалистической экономики"

"Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда".
В.И. Ленин "Великий почин"

"Нам надо, товарищи, глубоко и до конца осознать сложившуюся ситуацию и сделать самые серьезные выводы. Исторические судьбы страны, позиции социализма в современном мире во многом зависят от того, как мы дальше поведем дело... Главный вопрос сейчас в том, как и за счет чего страна сможет добиться ускорения экономического развития".

Материалы Апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС
Глава 1 От жизни – к теории [70]

Противоборство двух систем сегодня достигло того поворотного пункта, когда на вопрос о том, в чем же конкретно состоит потенциальное превосходство социалистической экономики, и когда, наконец, оно станет реальным, пришла пора и в теории, и на деле дать незамедлительный, по-марксистски конкретный, практически-действенный ответ.

Принято считать, что этот ответ общеизвестен. Точнее, известно несколько его вариантов. Перечислим главные.

1. Преимущества социалистической системы хозяйствования позволяют в полной мере поставить на службу обществу такую мощную силу как НТП.

2. Общественная собственность на средства производства дает возможность управлять экономикой как "единой фабрикой", сознательно оптимизировать ее работу.

3. Социалистическая экономика, воплощая в себе принцип демократического централизма, позволяет сочетать централизованное плановое руководство с широкой самостоятельностью и инициативой отдельных производственных единиц.

4. Решающее преимущество – "возможность работы на себя", благодаря которой интересы каждого труженика в социалистической экономике гармонически сочетаются с интересами всего общества.

5. Источник большей эффективности социалистической экономики – в ее большей планомерности.

Какие мысли сразу же возникают по поводу этих (и других, неназванных здесь) вариантов ответа?

Прежде всего, каждый из них был известен по меньшей мере 20 лет назад, однако эта известность пока никак не отразилась на темпах нашего экономического роста.

Во-вторых, удивляет то, что ответов много, не говоря уж о том, что некоторые не совсем диалектически противоречат друг другу (например, №2 и №3).

Наконец, что поделаться с тем общеизвестным фактом, что указанные "преимущества социализма" весьма успешно реализуются в современной экономике стран Запада, которой они по всем канонам никак не должны быть присущи. Например, шедевром планомерности явилась целевая программа "Аполлон", в рамках которой было разработано и использовано триста тысяч тонн регламентирующей документации. Возможность работы на себя, пусть иллюзорная, тем не менее материализовалась в такой эффективной экономической реалии, как японские "кружки качества". Не уменьшается, а по ряду направлений – продолжает нарастать наше отставание в деле использования НТП.

У всех этих вариантов имеется еще немало недостатков, но главный из них состоит в том, что они дают неправильный ответ на поставленный вопрос.

Прежде всего, принципиальный ответ должен быть один. Все разнообразные преимущества социалистической экономики (коль скоро они действительно присущи только ей) должны выводиться из него как следствия. А значит, он должен быть не пропагандистским, но в самом строгом смысле теоретическим, и поэтому допускать любую нужную степень конкретизации и детализации средствами теории марксизма.

К счастью, такой принципиальный ответ давно уже дан марксизмом. Коренное преимущество социалистической экономики состоит в том, что она сознательно строится коммунистической партией, которая опирается в качестве средства на научную основу – названное Лениным "синонимом общественной науки" материалистическое понимание истории, и при этом преследует вполне определенную объективную цель, объединяющую вокруг себя все общество.

Конечно, этот ответ сам по себе абстрактен. Почему же тогда, вместо того, чтобы превратить его в искомую конкретную истину подлинно марксистским методом восхождения от абстрактного к конкретному, мы все продолжаем твердить перечисленные выше ничего не объясняющие заклинания?

Первая же ступень такого восхождения-конкретизации натолкнет нас на совершенно неожиданную разгадку.

Общим местом является то, что материалистическое понимание истории видит ее основу в развитии производительных сил, в независимом от общественного сознания и определяющем его общественном бытии – разворачивании диалектического противоречия между этими производительными силами и производственными отношениями, которое осуществляется в классовой борьбе и периодически приводит к сбрасыванию старой формы общества и смене способов производства.

Если рядом с этим общим местом просто поставить другое, состоящее в том, что целью коммунистов является построение коммунистического общества, то становится особенно заметно, что связь этой цели с тем, что объявлено теоретическим средством ее достижения – материалистическим пониманием истории – мягко говоря, далеко не очевидна. Не случайно возникла и существует целая "культура" схоластического теоретизирования относительно характера этой связи.

Мы убедимся, что именно здесь таится роковой пункт – источник наших главных теоретических и практических затруднений. Проблема стоит того, чтобы ею заняться, отложив все иные в сторону.

Маркс, Энгельс, Ленин постоянно подчеркивали качественно особый характер, принципиальное отличие социалистической революции от любых исторически предшествовавших. "...При всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым – всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор характера деятельности, устраняет труд[71] и уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами" ("Немецкая идеология").

Конкретизации тезиса об особом характере коммунистической революции практически целиком посвящена гениальная ленинская работа "Очередные задачи Советской власти".

Не "из контекста", а именно из текста названных и многих других работ явствует, что граница между капитализмом и социализмом не есть просто граница между двумя способами производства. Подобно тому, как ночь 31 декабря разделяет не только два разных месяца, но и два разных года, эта граница представляет собой рубеж двух эпох, двух совершенно различных типов общественного развития, первый из которых – взятый в его отношении ко второму, коммунистическому – является общим, единым для капитализма и для всех предшествовавших ему способов производства, включая даже первобытнообщинный.

Чем же характеризуется новый, коммунистический тип общественного развития? Прежде всего, тем, что по всем сущностным, принципиальным пунктам он является прямым отрицанием предшествующего типа развития. Маркс и Энгельс не делали тайны из своих взглядов на этот счет. Из "Манифеста", "Анти-Дюринга" мы узнаем, что с момента революции имманентное саморазвитие производительных сил прекращается, и на смену ему приходит их сознательное и планомерное развитие и регулирование, что объективные, отчужденные производственные отношения, господствовавшие до этого над людьми, поступают под их сознательный контроль, что бывшая двигателем истории борьба классов исчезает вместе с самими классами... Тем самым переворачивается само отношение общественного бытия к общественному сознанию: на последней странице работы Энгельса "Развитие социализма от утопии к науке" можно прочесть, что "люди, ставшие, наконец, господами своего общественного бытия, становятся вследствие этого ... господами самих себя – свободными".

Но если только приведенная ранее и ставшая традиционной трактовка материалистического понимания истории является верной – повторяем, если, – то, соотнеся ее с представлениями Маркса и Энгельса о новом, коммунистическом типе общественного развития, мы немедленно натолкнемся на вопиющий, скандальный, немыслимый

Парадокс 1

Стоит лишь совершиться социалистической революции – как кардинально

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org меняется механизм общественного развития, а тем самым ... коммунисты незамедлительно и полностью сами себя лишают главного теоретического оружия, своего "руководства к действию" – материалистического понимания истории, и обречены отныне двигаться к своей коммунистической цели "эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок". (по выражению Ю.В. Андропова).

Провалившись в бездну этого парадокса, мы обнаруживаем, что стоим на унылом распутье двух одинаково бесперспективных дорог: или признать, что коммунистический тип развития не подвластен никаким объективным законам – тогда нас ждет испытанный путь в царство "идей Чучхе"; или же предположить, что таковые законы существуют – тогда нам предстоит начать их познание с нуля, ибо исторический материализм Маркса-Ленина оказался здесь неприменим...

Нам остается вернуться к спасительному "если" и предположить, что материалистическое понимание истории состоит в чем-то совсем ином. Но тогда в чем же?

В любом случае абсолютно безнадежным является положение политэкономии социализма и научного коммунизма. Общеизвестно и начертано на фамильном гербе этих почтенных дисциплин, что исторический материализм в его "классической" трактовке (приведенной выше) есть их методологическая основа. Тогда, если подразумевать под историческим материализмом именно это – он не может иметь никакого отношения ни к социализму, ни к коммунизму, и не в силах помочь в их изучении, т.к. относится к абсолютно другому типу развития. Если же он состоит вовсе не в этом – тогда две весьма уважаемых отрасли общественных наук начисто лишаются какой-либо методологической основы и превращаются в лирико-патриотический сборник заклинаний. И это уже не следствие Парадокса 1. Это просто печальный, для многих очевидный, но упорно не замечаемый факт. Непризнанный, но от этого ничуть не менее реальный, он находит свое эмпирически-конкретное существование в десятилетиями вращающейся в замкнутом кругу дискуссии "о характере объективных законов при социализме", сооружающей шаткие словесные мостки между Сциллой объективных законов и Харибдой сознательности субъекта...

2

Причина появления этого парадокса (и подобных ему, с которыми мы еще столкнемся) в том, что до сих пор справедливо "парадоксальное" утверждение В.И. Ленина, сделанное 60 лет назад: "...Никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя". Парадокс 1 возник из-за того, что в качестве целого нам подсовывают его часть: формулировка из учебников отражает на самом деле лишь материалистическое понимание "предыстории" (Маркс. "К критике политической экономии. Предисловие").

Целостное материалистическое понимание истории, в основных чертах развитое Марксом уже в 1844 г., охватывает помимо "предыстории" еще две эпохи, причем механизм развития во второй из них является прямым диалектическим отрицанием первого, а в третьей – снятием противоречия между ними.

Центральная категория "Экономическо-философских рукописей 1844 г." – категория "отчуждения". Материалистическое понимание истории, выраженное через эту категорию, состоит в следующем.

Источником движения общества является развитие производительных сил, которые человек помещает между собой и присваиваемой, осваиваемой посредством них природой. Тем самым они образуют новую, социальную "природу", лежащую между человеком и естественной природой.

Поскольку производительные силы имеют коллективный, общественный характер, эта новая природа может быть присвоена, использована человеком не непосредственно, а только в конкретной социально-экономической форме. Эта общественная форма присвоения, взятая в одном своем аспекте, как форма присвоения производительных сил, – есть конкретная форма отношений собственности, а в другом аспекте, как форма общения между людьми в процессе производства, – есть конкретная форма производственных отношений. И в этом смысле, по Марксу, собственность есть совокупность всех производственных отношений.

Социально-экономическая форма присвоения (иными словами – форма

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org собственности, форма производственных отношений) оказывается неустрашимым посредником между людьми и их производительными силами.

Власть посредника – эмпирически хорошо известный факт. Его теоретический аналог мы находим у Маркса в "Grundrisse".

"Это опосредствующее начало... охватывает воедино обе противоположности, и в конце концов оно всегда выступает как односторонне более высокая степень по сравнению с самими крайностями, потому что то движение или то отношение, которое первоначально выступает в качестве опосредствующего обе крайности, диалектически с необходимостью приводит к тому, что оно оказывается опосредствованием самого себя, субъектом, лишь моментами которого являются те крайности, самостоятельное предпосылание которых оно снимает с тем, чтобы путем самого их снятия утвердить само себя в качестве единственно самостоятельного. Так в сфере религии Христос, посредник между богом и человеком – всего лишь орудие обращения между ними – становится их единством, богочеловеком и, в качестве такового, становится важнее самого бога, святые – важнее Христа, попы – важнее святых".

Вот так и получается, что наши собственные производственные отношения воспаряют над нами подобно античному року, превращаются в чуждую, неконтролируемую, господствующую над нами силу. В этом и состоит марксистская концепция отчуждения, в которой нет ничего от мистицизма гегелевских абстракций. Сила обычая, заставляющая нас (неизвестно почему), пользуясь стаканом, целомудренно сгибать оттопыривающийся мизинец – есть простой пример действия подобной отчужденной силы.

Получается, не люди присваивают свои производительные силы как собственность, а отношение собственности, превратившись в субъекта, присваивает людей. Перед нами не человеческая история, а история отчуждения, история развития собственности. Именно в этом смысле Маркс называл всю предшествующую историю, включая и капитализм, человеческой предысторией.

Для того, чтобы самим творить историю, стать ее субъектом, люди прежде всего должны преодолеть отчуждение, уничтожить частную собственность. По Марксу сущность человека – совокупность всех общественных отношений. Поэтому основное содержание коммунистической эпохи – присвоение человеком всей совокупности отчужденных и поработавших отношений и, тем самым, возвращение человеку его подлинной сущности.

Однако на всем протяжении "Рукописей" Маркс не устает повторять, что эпоха коммунизма, по существу, решает лишь промежуточную задачу – задачу уничтожения негативных социальных последствий отчужденного развития производительных сил, происходящего в первой эпохе. Пока эта задача не решена до конца, идеал коммунистов – всестороннее гармоническое развитие личности – может влачить существование лишь в качестве художественной самодейтельности в свободное (от уничтожения отчужденных отношений) время.

Подлинное решение этой задачи составит основное содержание третьей эпохи – эпохи "положительного гуманизма". Хотя бытие человека – совокупность общественных производительных сил – полностью разворачивается на протяжении эпохи "предыстории", а сущность человека "возвращается" ему в эпоху коммунизма, однако его понятие [72] – совокупность форм общественного сознания, вместе с производственными отношениями "произведенных" в первую эпоху – оставалась до того неподвластной, довлеющей над ним силой. Гуманизм как возвращение человеку его понятия и означает, что все огромное духовное богатство, заключенное в понятии "человек", становится достоянием каждой личности.

После опубликования "Рукописей" западные идеологи сделали "сенсационное открытие раннего Маркса", который начинал как вдохновенный пророк гуманизма, а впоследствии, якобы, ему изменил. Этим господам не вредно ознакомиться, к примеру, с членением истории на три эпохи, содержащемся в "Капитале".

Первую эпоху, включающую капиталистический и все предшествующие ему способы производства, в которой развитие имеет характер естественноисторического процесса, чьи закономерности неподвластны людям и не осознаются ими, Маркс называет "царством естественной необходимости". Этому царству, над которым в качестве слепой отчужденной силы господствует производство – человеческий

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
"обмен веществ с природой", – противопоставляется "истинное царство свободы", лежащее вообще вне всякого производства и над ним. Однако эти два царства исторически должны быть опосредованы еще одним, промежуточным, где производственная деятельность людей еще необходима, но уже во все возрастающей мере подвластна их воле, где свобода еще лежит в границах необходимости, но сама необходимость уже является не естественной, а осознанной, и в этом смысле переходит в свободу: "Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила... Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе" (К.Маркс, "Капитал", т.3).

Итак,

"Царство естественной необходимости" = "Предыстория"
"Царство осознанной необходимости" = "Эпоха коммунизма"
"Царство свободы" = "Эпоха гуманизма"

Для любого грамотного марксиста, знающего закон отрицания отрицания, понимающего, что на коммунизме история не может остановиться, такое членение на три эпохи, содержащееся в работах Маркса, должно быть не только общеизвестным, но и вполне естественным. Почему же эти прописные истины марксизма приходится буквально переоткрывать, высвобождая из-под слоев казуистики и преодолевая подлинный "заговор молчания"?

Мы вернемся к этому позже. А пока отметим, что именно из-за игнорирования этих азав исторического материализма и возникает немедленно тот парадокс, когда материалистическое понимание механизма общественного развития оказывается запертым в границах "предыстории", а коммунистическая партия, взорвав эти границы и превратившись в правящую, в результате тут же становится теоретически безоружной, обрекается в дальнейшем экономическом строительстве на ползучий эмпиризм; а в этом случае ни о каких коренных преимуществах социалистической экономики, строящейся без научной основы, пресловутым "способом проб и ошибок", говорить попросту не приходится.

Особенно печальна участь, на которую в результате этого обрекают себя общественные науки. Имея фактически в качестве своего реального предмета те или иные стороны развития коммунистического типа, они вынуждены имитировать "согласование" своих результатов с "методологической основой", в качестве какой выступает общая теория развития абсолютно противоположного типа, материалистическое понимание предыстории. Это неизмеримо сложнее, чем согласовать современные представления акушерства и гинекологии с догматом о непорочном зачатии, и неизбежно возникающее при этом схоластическое теоретизирование своими масштабами и утонченностью заставило бы бледнеть от зависти корифеев средневековой схоластики.

Было бы хорошо, если бы вскрытый парадокс оставался достоянием только теории. К сожалению, это далеко не так.

Так в чем же состоит подлинное материалистическое понимание истории? А главное – как нам побыстрее перейти от этого понимания к конкретным путям подъема нашей экономики к наивысшему мировому уровню производительности труда?

Но в этот момент Проницательный читатель (воспользуемся этим неумирающим образом Чернышевского) начинает постепенно избавляться от состояния паралича, в которое его вверг "Парадокс 1".

– Постойте! – восклицает он. Сейчас я вам устрою парадокс почище вашего. Ведь вы утверждаете, что коммунизм – это эпоха, для которой характерен принципиально новый механизм общественного развития?

– Это не мы, а Энгельс в "Анти-Дюринге".

– Положим. Но вы утверждаете, что основным содержанием этой эпохи является "уничтожение частной собственности", понимаемое не просто как "экспроприация экспроприаторов", а как некая многоэтапная деятельность со сложной структурой?

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org

- Это опять-таки не мы. Маркс называл собственно акт экспроприации упразднением частной собственности в отличие от ее уничтожения, т.е. поэтапного преодоления отчуждения.

- Может быть. Но вы кроме этого говорили, что частная собственность суть совокупность всех производственных отношений?

- Это снова не мы...

- Тем лучше! Теперь сами подумайте, что вы предлагаете с ними делать. Частную собственность надо уничтожить - в этом содержание коммунизма. Так?

- Так в "Манифесте"...

- Отлично! Она суть совокупность производственных отношений? Ведь так? Ну и что же вы предлагаете с ними делать при коммунизме? Выходит, уничтожить? Да ведь это же ... волюнтаризм? Нет хуже - анархизм!

Но тут мы благодарим Проницательного читателя за содействие и добровольно формулируем выявленный с его помощью

Парадокс 2

Сущность социализма и коммунизма - вовсе не "совершенствование", "развитие" и т.п. производственных отношений, а их планомерное и полное уничтожение.

3

Однако на самом деле никакого парадокса здесь нет. Все обстоит именно так, как указано в формулировке, а ее кажущаяся парадоксальность проистекает из бытующих сегодня представлений о "производственных отношениях", точнее - из полного отсутствия таковых представлений.

Оказав Проницательному читателю первую медицинскую помощь, вспомним, что производственные отношения суть

а) отношения между людьми в процессе производства, и

б) не зависящие от их воли, объективные, господствующие над ними, отчужденные отношения.

Отношение рыночного обмена между двумя производителями средств производства в условиях высокоспециализированного капиталистического производства суть частный случай производственных отношений. Как и в каком смысле оно может быть уничтожено? Очень просто. Единый общегосударственный планирующий центр устанавливает норматив, предписывающий каждому из производителей поставлять определенные узлы или детали в таком-то количестве, в такие-то сроки по указанному адресу. Транспортная система осуществляет перемещение этих деталей в качестве анонимных грузов между анонимными адресатами. Отношение между людьми тем самым исчезло, превратившись в сознательно установленное отношение между неодушевленными элементами, компонентами общественных производительных сил [73]. Производственные отношения превратились в производительные силы. В этом конкретно выражается "диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения" (Маркс).

Уничтожение производственных отношений по своей сути полностью совпадает с уничтожением труда. "Уничтожение труда" - горькая пилюля, которую мнящий себя "марксистом" Проницательный читатель при чтении "Немецкой идеологии" вынужден глотать множество раз. Во имя благопристойности и целомудрия "марксизма" в его кафедрально-кастрированном варианте этот - один из многих - "грех молодости" классиков тщательно игнорируется и замалчивается.

"Труд есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность" ("Немецкая идеология").

"...Пролетарии, чтобы отстоять себя как личность, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд" (там же).

Бедный Проницательный читатель, изучающий классиков лишь на предмет оснащения приличествующими цитатами своих многочисленных трудов "по" теории марксизма! Во имя избавления от все более душераздирающих загадок и "парадоксов" ему остается только выкинуть 2/3 написанного ими.

Разгадка очередной тайны проста, как хлеб: "Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения" (Маркс). Труд есть категория, означающая такой вид деятельности людей, при которой они связаны между собой отчужденными, т.п. производственными отношениями. Уничтожение труда не означает уничтожения всякой деятельности во имя основания царства бездельников, – напротив, это есть превращение деятельности в подлинно человеческую, поскольку уничтожение производственных отношений только и открывает простор для отношений человеческих. Известная со времен Сократа совместная деятельность по постижению Истины, утверждению Блага, сотворению Прекрасного – это воистину "дьявольски серьезное дело", но это не есть труд.

"Труд" здесь разделяет участь многих категорий Маркса, трактуемых с позиций почтенного житейского здравого смысла. "Но с обывательскими понятиями нельзя братья за теоретические вопросы" (Ленин). Немыслимо представить себе специалиста по ядерной физике, ведущего расчеты движения элементарных частиц на основе личного опыта стрельбы из рогатки. Но оказывается, что не только мыслимо, но и весьма приятно числиться специалистом по научному коммунизму, не имея ни малейшего представления о том, что суть коммунизма – уничтожение производственных отношений, и давая вместо этого мудрые рекомендации об их "совершенствовании", что абсолютно тождественно призыву "совершенствовать социалистическую частную собственность".

Особенность переживаемого страной момента, как будет показано ниже, такова, что обывательское обращение с категориями марксизма вот-вот может ввергнуть нас в катастрофу куда хуже взрыва неверно рассчитанного ядерного реактора...

Нужно незамедлительно положить конец тому – пусть даже исторически обусловленному, но затянувшемуся сверх всякой меры и смертельно опасному для нас – переходному инфантилизму, когда за "грудой дел, суматохой явлений" стали окончательно расплываться контуры цели коммунистов и испарилась суть "действительного коммунистического действия" (Маркс). Если мы хотим действительно быть коммунистами, то должны безотлагательно переоткрыть для себя программное положение "Манифеста": "Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности", осмыслив его в свете многократных указаний Маркса на то, что покуда существует пролетариат – частная собственность не "уничтожена", а лишь "упразднена", что составляет лишь начальный пункт, предварительное условие ее уничтожения; в свете слов Ленина о том, что пока есть разница между рабочим и крестьянином – нет ни коммунизма, ни даже социализма; в контексте разбивающего любые ложные интерпретации классического определения "Немецкой идеологии": коммунизм – это вовсе не некое идеальное состояние общества, которое должно быть установлено, это – действительное движение, уничтожающее отчуждение, уничтожающее частную собственность.

Но коль скоро, по Марксу, частная собственность есть не что иное, как совокупность всех производственных отношений – именно эти производственные отношения составляют предмет деятельности коммунистов, то, что, собственно, должно быть уничтожено. Необходимо срочно совлечь категорию "производственных отношений" с кафедральных эмпиреев, где она превращена в неприкосновенную "священную корову".

Истины марксизма всегда конкретны – хотя мы уже начали от этого отвыкать. Каждый коммунист должен совершенно точно и ясно представлять:

а) Сколько именно существует различных типов производственных отношений и какие это конкретно типы?

б) Каким образом различные типы производственных отношений взаимосвязаны исторически и логически?

в) В каком именно отношении они составляют целостность, именуемую "частной собственностью"?

г) Как конкретно в любой повседневной жизненной ситуации (покупка хлеба в магазине, дискуссия на профсоюзном собрании, развод и т.д.) обнаружить и выделить все типы производственных отношений?

И только тогда, уже на этой основе, он сможет предметно ответить на вопрос, что же значит "уничтожение частной собственности" применительно к нашему обществу вообще и каждому конкретному участку деятельности.

Только на этой основе он сможет на месте бытующей убого-худосочной абстракции зримо представить себе каждый из "этапов", каждый из восходящей последовательности типов коммунистических обществ, коммунистических способов производства, – поскольку задача демонтажа тысячелетиями складывавшегося многоэтажного каземата частной собственности и задача возведения здания коммунистического общества – это две стороны единого процесса, разделимые лишь в плохой абстракции.

В ответах на эти вопросы – сердцевина, коренная суть научного коммунизма. В способности вооружить каждого коммуниста со средним образованием исчерпывающими ответами на них – критерий партийности всякой "общественной науки". Трудно назвать такие требования чрезмерными, – но тщетно искать эти ответы в Монбланах современной печатной продукции.

Но если уничтожение частной собственности – цель коммунистов, то что же является их идеалом? После опубликования "Критики Готской программы" в этом качестве стала фигурировать упомянутая в данной работе лишь мимоходом "высшая фаза коммунизма". Но для самого Маркса это было не так. Конечно, по отношению к капитализму даже полный социализм кажется недостижимым идеалом; тем более это верно для высшей фазы коммунизма, где уже полностью уничтожена частная собственность. Однако при этом не до конца сняты отношения собственности вообще. Решение же подлинных проблем воспроизводства человека по достижении высшей фазы коммунизма как раз и начинается, ибо только здесь оно становится основным типом воспроизводства...

Маркс стал первым в мире коммунистом именно потому, что он был первым в истории последовательным гуманистом.

Коммунизм – это отнюдь еще не "царство свободы", это – царство осознанной необходимости, эпоха, основным содержанием которой явится уничтожение частной собственности. В этом состоит непосредственная цель коммунистов; идеалом же для них является гуманизм – "положительная деятельность человека, уже не опосредуемая отрицанием частной собственности, коммунизмом. ...Как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества... Только путем снятия этого опосредования, – являющегося, однако, необходимой предпосылкой, – возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм" (Маркс, 1844 г.).

Гуманизм – свободная ассоциация всесторонне развивающихся индивидом, уже не состоящих друг по отношению к другу в каких-либо отчужденных, производственных отношениях. Их отношения друг к другу – это чисто человеческие отношения в их совместной деятельности по овладению формами общественного сознания, по реальному воплощению в жизнь заоблачных до этого идеалов Истины, Блага, Красоты.

Сегодня коммунистический идеал не работает. Это связано и с тем, что он фактически подменен одним из этапов – пусть высшим – движения к нему, но главным образом – с его крайней абстрактностью. Идеал лишь тогда станет нашим грозным оружием, средоточием всех идей, "...которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть..." (Маркс), когда обретет зримые, конкретные черты.

А это случится немедленно, как только мы, отбросив трусливый тезис-самооправдание ползучего эмпиризма о том, что, мол, "ничего больше нельзя теоретически предсказать сверх того, что уже предсказано", и опираясь, с одной стороны, на колоссальный эвристический потенциал марксовой диалектики, а с другой – на гениальную ленинскую идею многоукладности всякого общества – как только мы осмелимся открыть не только в истории, но и в современной нам действительности зародыши, островки, уклады, в которых сегодня реально, зримо существуют все минувшие формации, все коммунистические способы производства и все формации эпохи

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
"положительного гуманизма".

Здесь мы вторгаемся в новую область, касаемся второго измерения материалистического понимания истории. Первое измерение – взгляд на историю как на линейную цепочку "чистых" формаций, которая, как мы теперь выяснили, делится на три эпохи с присущей каждой из них специфической логикой, механизмом развития. На самом деле три типа развития, характерные для последовательных эпох, представляют собой три фазы единого диалектического процесса, между которыми существует генетическая связь, подобная связи между личинкой, куколкой и бабочкой.

Но еще Энгельс на примере феодализма разъяснил, что "чистые" формации практически в природе не встречаются. Органической частью материалистического понимания истории после Ленина стало представление об обществе как о гетерогенной совокупности, комплексе взаимодействующих "формаций-укладов", один из которых, как правило, доминирует и, пронизывая собой все поры социального организма как "особый эфир" (Маркс), определяет формационную принадлежность всей целостности.

Каковы же законы движения, логика развития этих целостностей, социальных организмов?

Это и есть третье измерение исторического материализма – материалистическая диалектика как логика развертывания и разрешения противоречий между различными укладами, их возникновения, объединения в комплексы, чередования этапов количественных и качественных изменений, распада и гибели.

И только совокупность этих трех измерений дает возможность понять подлинный механизм смены способов производства. Чистая формация, взятая в качестве абстракции, конечно, же, обладает своим имманентным логическим самодвижением, но при этом никогда не выйдет за свои границы. Источник развития любого реального общественного организма – в его противоречивой многоукладности.

Эти три аспекта, измерения материалистического понимания истории представляют собой не что иное, как три органических части, раздела исторического материализма – системы категорий, используемой как средство не только и не столько для изучения истории общества, сколько для его изменения, сознательного исторического творчества. За каждой из этих частей стоит одна из трех фундаментальных категорий истмата.

Развертывание категории "деятельность" дает совокупность форм деятельности, типов личности и форм практики, лежащих в основе типологии формаций. Это – "таблица Менделеева" исходных социальных элементов, атомарных сущностей, из которых слагаются социальные организмы[74].

Развертывание категории "движение" позволяет представить себе "физику", "химию", "биологию" этих организмов – т.е. картину всего разнообразия типов взаимодействия укладов и их комплексов между собой.

Наконец, развертывание категории "развитие" дает собственно примененную к социальным процессам диалектику, законы которой были открыты еще Гегелем и материалистически переосмыслены Марксом.

Но, увлекшись категориальным древом, не потеряли ли мы окончательно из виду лес народнохозяйственных проблем?

Вековая традиция рассматривать общественные науки как цветочки на обоях в здании нового общества, возводимом немногословными практиками на фундаменте здравого смысла – тяжкое наследие "предыстории". Этот анахронизм каким-то мистическим образом сочетается у нас с верой в то, что именно в теории и состоит наше главное экономическое преимущество.

Люди, живущие на дне воздушного океана, могут стараться постичь его законы, удовлетворяя этим свое праздное любопытство или же, максимум, попытасть предсказать завтрашнюю погоду, повлиять на которую они все равно не в силах. Если же они решили заняться воздухоплаванием – им придется обходиться с законами совершенно по-иному.

Во-первых, нужно установить принципы аэродинамики, определяющие подъемную силу, которая действует на искусственное крыло. Во-вторых, чтобы законы не

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org остались на бумаге, нужна конструкторское бюро со сложной культурой инженерных расчетов, нужна авиационная промышленность, объединяющая комплекс сложных технологий, а также долгие усилия летчиков-испытателей и многое другое. И, наконец, самолет – это противоестественное явление природы – превращается в естественно падающий предмет, стоит лишь летчику отвлечься на минуту или двигателю прекратить работать...

Конечно, все это сложно и, к тому же, небезопасно. Но "практикам", все еще надеющимся, поднатужившись, воспарить на эфирных крылах здравого смысла, придется убедиться: рожденный ползать – летать не может.

Первый ("предысторический") тип развития осуществляется вне зависимости от того, пытается ли кто-либо познать его законы, и насколько адекватен результат этого познания. В коммунистической эпохе познанные законы работают в качестве активных элементов двигателя общественного развития. При этом любой элемент общественного организма, не будучи присоединен к этому двигателю, немедленно замирает или превращается в "естественно падающее тело", деградируя к "предысторическому" типу развития.

Казалось бы, все это очень мило, но почти наверняка уже встречалось в океанах словопрений о характере экономических законов при социализме. Непостижимым, однако, при этом остается "только" то, каким образом бесчисленная рать обществоведов вкупе с нашим другом – Проницательным читателем – ухитряется отвертеться от неизбежного вывода: категория субъекта, чья деятельность состоит в познании объективных законов, превращении их в двигатель общественного развития и управлении этим развитием, должна стать центральной категорией материалистического понимания истории в коммунистическом типе развития.

Антагонистическое противоречие между известной всем реальностью нашего общественного бытия и ее отражением в обществоведческом сознании здесь проявляется предельно конкретно и обнаженно. В то время как партия является ведущей силой, субъектом коммунистического строительства – партийное строительство, наука об этом субъекте, существует на птичьих правах, ее статус как науки подвергается сомнению, потому что из урезанного "предысторического материализма", призванного в этом виде быть ее методологической основой, по существу, изгнано понятие субъекта.

Таков печальный, но закономерный финал попыток использовать "материалистическое понимание предыстории" в качестве методологического фундамента комплекса наук о строительстве социализма. Полученный гибрид редьки с капустой провозглашается теоретическим оружием пролетариата, выражающим его классовый интерес. А в результате неуклонного следования столь своеобразно понятому "принципу партийности общественной науки" партия во имя чистоты теории вообще изгоняется из теоретического образа реальности.

Как же должно выглядеть материалистическое понимание механизма общественного развития, в центре которого стоит категория субъекта – коммунистической партии?

Но прежде нужно договориться о следующем. Речь пойдет вовсе не о противопоставлении одной тощей дефиниции другой. Ленин писал, что материалистическое понимание истории только тогда перестало быть гипотезой, когда было детально развито, проверено и подтверждено на материале одной конкретной формации – капиталистической. Структура этой проверки была дана Марксом в известном "Плане шести книг". А все грандиозное здание "Капитала" было реализацией хотя и ключевого, но лишь начального пункта первой книги этого плана. Таков реальный масштаб проблемы, который не надо упускать из виду. Поэтому то, что будет сейчас предложено – только эскиз, план подобной работы применительно к новому типу развития.

Но главное в другом. Различие между двумя эпохами столь фундаментально, что в теории оно приводит не просто к тому, что одни категории заменяются на другие. Различие проявляется в том, что на месте плана написания книг, в которых отражается понимание механизма общественного развития, должен возникнуть план разработки комплекса средств, благодаря которым это развитие только и может осуществляться в целенаправленной, сознательной деятельности субъекта.

Проницательный читатель, который в этом месте ожидает появления чего-то

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org невиданного и неслыханного, будет жестоко разочарован. Здесь срабатывает известный стереотип, по которому для соотнесения "материалистического понимания истории" с жизнью требуются тяжкие умственные потуги, невероятные ухищрения и кульбиты теоретической мысли. Теперь-то мы понимаем, в чем тут причина. Подлинное же материалистическое понимание истории естественно согласуется с жизненными реалиями и здравым смыслом. Однако тут наука вовсе не подыгрывает начальству, не идет на поводу у здравого смысла, а исходит из него как из эмпирически конкретного и, пройдя путь осмысления, абстрагирования, возвращается к нему уже как к конкретно-всеобщему.

Итак, "соль соли, двигатель двигателей" механизма общественного развития в эпоху коммунизма – сознательная деятельность субъекта – правящей партии. Ее форму деятельности удобно в общих чертах представить в виде функциональной схемы (см. рис.).

Она включает замкнутый воспроизводящийся цикл из шести функций[75], среди которых первые три являются дескриптивными (т.е. описывающими, аналитическими, исследовательскими), другие три – нормативными (предписывающими, конструктивными, практическими).

Функция №1 – установление того, в чем конкретно состоит "прогресс" на данном этапе развития общества, т.е. перспективной, а также текущей цели, общих методов и средств ее достижения, последовательности объективно-необходимых этапов на пути к ней. Все это устанавливается в терминах категориальной сетки "чистых формаций" и "идеальных" элементов, из которых они слагаются. Функция, при всей своей "теоретичности", не может осуществляться популярным методом "приставления пальца ко лбу" на предмет трансцендентального созерцания умопостижимых эйдосов. Это – сложный итеративный процесс, реализуемый группой определенным образом подготовленных и вооруженных специальными средствами логиков-теоретиков, которые взаимодействуют с практиками и специалистами-предметниками. Процедура такого взаимодействия устроена как своеобразный "концептуальный насос", "накачивающий" предметное содержание в абстрактные логические ячейки категориальной структуры "деятельности" с нужной степенью конкретизации. Собственно, функция 1 осуществляет познание необходимости, тех объективно необходимых этапов, через которые должно разворачиваться осуществляемое субъектом развитие общества.

Однако на этом этапе нам пока ничего не известно о том конкретном социальном организме, развитие которого мы собираемся осуществлять (помимо исходной гипотезы о его общей формационной принадлежности или этапе развития). Функция №2 осуществляет детальную идентификацию этого организма в предметных категориях, полученных при реализации функции 1, т.е. его детальный "химический" и "биохимический" анализ на основе категориальной "таблицы Менделеева", и представление в виде сложной совокупности взаимодействующих, противоборствующих, вложенных один в другой, пропущенных друг через друга и т.п. укладов. Роль учебника по биохимическому анализу играет при этом категориальная структура "Движения" социальной материи, т.е. второй раздел исторического материализма.

Наконец, функция №3 осуществляет переход от этой феноменологии собственно к логике развития, превращает пеструю картину сосуществующих и взаимодействующих укладов в логическую структуру соподчиненных объективных противоречий между ними. Это становится возможным благодаря использованию комплекса специальных средств, в котором овеществлена ставшая материальной силой диалектика как общая теория, категориальная структура "Развития".

Итак, осуществлено познание необходимости, текущей реальности и имеющихся возможностей. На этой основе можно переходить к активной, нормативной фазе деятельности субъекта.

Функция №4, используя тот же комплекс логических средств, но уже в качестве мощной и гибкой системы автоматизированного проектирования, выстраивает программную линию развития, реализующую коммунистический критерий прогресса, как структуру определенным образом взаимоувязанного разрешения объективных противоречий.

Функция №5 воплощает эту линию в практическую политику. Такая политика, обладая на сущностном уровне глубочайшей внутренней целостностью, на

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org поверхности явлений неизбежно будет выглядеть как совокупность совершенно разнородных, разнонаправленных, а порой и парадоксально-противоречивых действий и мероприятий. Комплекс специальных средств – овеществленная "диалектика природы" – необходим для удержания контроля над этой сложной целостностью. Важно отдавать себе отчет, что в коммунистическом типе развития не может быть решений общего характера, которые кто-то должен потом конкретизировать, "исходя из здравого смысла и применительно к обстоятельствам". Программная линия развития на практически-политическом уровне последовательно должна быть реализована применительно к каждому элементу общественного организма, в противном случае он немедленно выпадает из коммунистического развития.

Здесь здравый смысл, казалось бы, подсказывает, что цикл деятельности субъекта завершен, и никакая функция №6 больше не нужна. Но это снова следствие стереотипов "предыстории", некритически переносимых нами на новый тип развития.

В эпоху, предшествующую социалистической революции, общественное сознание способно устраивать жесткие арьергардные бои с общественным бытием, может даже серьезно затормозить его развитие, но в конечном счете вынуждено всегда сдаться на милость победителя. Что же касается коммунистического типа развития, то здесь измененное субъектом общественное бытие не в силах привести общественное сознание в соответствие с собой, не прибегнув для этого к помощи субъекта-посредника.

В этом глубокий смысл идеологической работы партии, ибо в ее отсутствие общественное сознание полностью заблокирует возможность каких-либо дальнейших экономических и социальных перестроек. Значение идеологической работы в новую эпоху качественно изменяется, неизмеримо возрастает, что прекрасно ощущают практические партийные работники, но что остается загадочным и необъяснимым с точки зрения "предысторической" методологической основы, тяжкого креста, добровольно принятого на себя нашими мучениками от теории. Их гордое сознание успешно блокирует наше бытие, по понятным теперь причинам игнорируя многолетние призывы партии создать теорию идеологической работы.

Не правда ли, все что мы разбираем, кажется очень сложным и весьма неожиданным?

Все это именно кажимость. Иллюзия возникает из-за того, что естественное движение в русле мысли основоположников марксизма-ленинизма на каждом шагу прерывается для расчистки этого русла от безграмотных интерпретаций, схоластических арабесок, фигур умолчания и иных миазмов теоретического бескультирия, прочно сросшегося с корыстным цеховым интересом.

Все мы с детства дышим дымной копотью этой свалки, отравляющей целебный воздух нашей теории и застилающей коммунистический горизонт нашей практики. Все мы носим частицу этой свалки в себе, порою – вольно или невольно – прикладываем руки к ее пополнению, тем самым усугубляя и закрепляя свою рабскую зависимость от нее. И только "по капле выдавливая из себя" это рабство, можно пройти теоретический путь к подлинным идеям Маркса-Ленина, открывающим практический путь к "действительному коммунистическому действию".

Сейчас мы уже в состоянии существенно конкретизировать ответ на первую половину главного вопроса современности: в чем состоит принципиальное (но покуда потенциальное) преимущество экономики социализма? Затем мы перейдем на этой основе к ответу на вторую половину вопроса: как практически это потенциальное преимущество безотлагательно превратить в реальное?

Вспомним, что исходный абстрактный ответ включал в себя три момента:

- 1) сознательность, лежащую в основе механизма общественного развития – сознательность действия партии, создающей новое общество;
- 2) научную основу, используемую как средство для этого сознательного действия и
- 3) его вполне определенную объективную цель.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Сравним реальное марксистское содержание каждого из этих моментов с "творческими" трактовками штатных интерпретаторов. Начнем с конца.

1. Цель. формула, состоящая в том, что целью коммунистов является построение коммунизма, суть простая тавтология. Это ясно каждому нормальному человеку, однако он стесняется (или же опасается) в этом признаться. Но опасаться должны, прежде всего, авторы этой формулы: если подставить в нее классическое определение "Немецкой идеологии" (Коммунизм – это не некое идеальное состояние общества, которое должно быть установлено, а действительное движение, уничтожающее теперешнее состояние), то она немедленно превращается в печально известную формулу Бернштейна о средстве и цели...

Конечно, вполне допустимо, как это делается сейчас, объяснить целью коммунистов построение высшей фазы коммунизма. Но такое решение само порождает ряд недоуменных вопросов. Во-первых, существующее представление о высшей фазе страдает предельной абстрактностью и не содержит вследствие этого ни должного эмоционального заряда, ни, что еще важнее, какого-либо намека на конкретные пути ее достижения. Это и неудивительно, т.к. позже выяснится, что "высшая фаза" по своему содержанию равна целым трем способам производства. Во-вторых, совершенно неясно, что же тогда станет целью коммунистов после достижения исходного рубежа высшей фазы. В-третьих – и это самое главное – такой подход превращает все предшествующие этапы коммунистического строительства, включая развитый социализм, в темный и бесструктурный "предбанник". Такое представление о цели трудно назвать мобилизирующим.

Но, может быть, не стоит изобретать велосипед? Знамя коммунистов сегодня, как и вчера (как и долгое время спустя) должны украшать три бессмертных слова из "Манифеста": уничтожение частной собственности. Невозможно короче и вместе с тем конструктивнее выразить суть коммунистической теории. Если кому-то угодно понимать это "уничтожение" как только лишь вооруженное изгнание помещиков и капиталистов, то, по той же логике, он должен разуместь под уничтожением безграмотности собственное самоубийство.

2. Научная основа. Никто не спорит с тем, что материалистическое понимание "предыстории" – гениальное открытие Маркса. Но суть дела, во-первых, в том, что оно охватывает лишь одну треть одной трети, т.е. 1/9 исторического материализма, и во-вторых, ту его часть, которая, будучи взята изолированно, абсолютно неприложима к делу строительства нового общества. Когда весь комплекс наук будет сведен к своей естественной методологической основе – диалектическому и историческому материализму, тогда станет ясна взаимосвязь (безусловно, существующая) между ветеринарией и теорией машин и механизмов; но даже тогда анатомию лошади вряд ли удастся непосредственно использовать в качестве методологической базы автомобилестроения... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. "Ирония истории" (любимое Энгельсом гегелевское выражение) может стать убийственной, если при переходе к эпохе, в которой должно осуществляться сознательное историческое творчество, место науки, обеспечивающей такое творчество, будет занимать "собака на сене".

3. Наконец, сознательность. Свойство быть сознательным субъектом общественного развития часто трактуется чуть ли не как автоматически присущая нам добродетель, всосанная с молоком матери. Но здесь совершенно не случайно три содержательных момента нашего потенциального экономического превосходства перечислены в обратном порядке.

Мало сформулировать конкретную и объективную цель исторического творчества (хотя мы уже здесь ухитрились безбожно запутать себя и других).

Мало подвести под движение к ней надежную методологическую и научную основу (хотя мы, вместо того, чтобы развивать необходимые для этого разделы исторического материализма в соответствии с их теоретическими основами и логическим каркасом, завещанными нам классиками, все твердим школьную формулу материалистического понимания "предыстории" в качестве универсального заклинания от всех злых духов).

Чтобы стать сознательным субъектом, этого недостаточно. Необходимо главное – "действительное коммунистическое действие". А его не совершишь голыми руками или же с помощью тяжеловесных фолиантов "научных основ".

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Казалось бы – простое дело: бери идеи и превращай их в материальную силу.
Но принципы аэродинамики, как это уже отмечалось, упорно не желают материализовываться в самолет только по желанию теоретика, возомнившего себя "субъектом". Они нуждаются для этого превращения в таком громоздком посреднике, как конструкторское бюро и опытное производство.

Не потому ли мы так основательно застряли на месте с превращением наших идей в реальную силу, что дело это поручено таким "специалистам", которые – при всех их субъективно-благих побуждениях – по самому узко-цеховому характеру своей подготовки и своего стерильного социального бытия ничего не умеют и не хотят делать руками?

Только сознание, определяемое такого сорта социальным бытием, могло породить грандиозную затею: создадим-де хорошие условия, простор для действия неких "объективных экономических законов социализма", а дальше они сами, аки самобеглая коляска, помчат по тракту наших экономических преимуществ, да так, что только этапные версты замелькают...

Увы, все обстоит ровно наоборот. Не субъект устанавливает хорошие или же плохие рамки, после чего заботливые законы немедля расписывают ограниченный ими холст идиллическими пейзажами образцового общества. Это типичный гибрид "предысторического" представления о характере действия законов с идеалистическими иллюзиями. Как раз законы определяют объективные границы, условия деятельности субъекта на каждом этапе коммунистического строительства, который, познав эти условия, затем сам, засучив рукава, вооружившись мощным комплексом специальных средств, должен осуществить в этих границах движение, уничтожающее очередной слой частной собственности. И ежели кому-то удастся обнаружить или же создать в нашей экономике некую часть, которая "катится сама", то будьте уверены, что катится она отнюдь не в гору.

На лице Проницательного читателя проступает загадочная улыбка...

(Конец главы 1)

18-25.06.85

г. Москва

Часть 3 Конспекты, фрагменты, черновики, письма

83.12.06 "Ответ наших славных обществоведов"

Из "Философских тетрадей" В.И.Ленина:

"Нельзя вполне понять "Капитала" Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!"

Из предисловия доктора философских наук З.М.Оруджева к книге В.А.Вазюлина "Логика "Капитала" К.Маркса"(Издательство МГУ, 1968г.):

"Автор поставил перед собой задачу во всех аспектах сопоставить логику "Капитала" К.Маркса с гегелевской "Наукой Логики", с целью показать как соответствие логики "Капитала" гегелевской, так и ее превосходство над последней. В целом это весьма актуальная и трудная задача, за которую пока, можно сказать, еще никто не брался, автором выполнена.

Однако автор недооценил другой стороны дела и не довел выполнение своей задачи до самого конца. По большей части он излагает Логике "Капитала" в терминах "Науки логики" Гегеля, по-видимому, для того, чтобы показать их известное совпадение. Он вводит в оборот непривычные для современного читателя слова и выражения, в которых когда-то заявила о себе гегелевская философия. И хотя мы уже усвоили довольно много рациональных терминов и выражений немецкой классической философии (например, "вещь в себе", "антиномия", "бытие в чистом виде", "априоризм", "переход количества в качество и обратно", "отрицание отрицания" и т.д.) нам все еще довольно

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org трудно уловить содержание положений, изложенных на языке великого предшественника марксистской философии".

83.11.18 – 12.13 {Из тезисов о теории реального социализма}

Каковы главные черты нового способа производства, выходящего из пламени исторических битв, отряхивающего прах старого мира?

Важнейшая из них – превращение отношений собственности в общественную производительную силу (то, что принято называть "установлением общественной собственности на средства производства"). Повторим еще раз, что речь идет не просто о победе нового типа отношений собственности над прежним. Здесь мы сталкиваемся с качественно новым типом перехода между формациями.

Отношения собственности утрачивают в этом переходе роль сущностной границы способа производства, определяющей всю систему его производственных отношений. Теперь они уже сознательно используются в качестве новой общественной производительной силы. В этом качестве отношения собственности дают уникальную возможность мобилизовать производительный потенциал общества как целого, впервые подчинить эту мощную силу целям производства. Одновременно, где и когда это необходимо и уместно, там и тогда становится возможным использовать различные адекватные задаче и ситуации типы отношений собственности в качестве общественных производительных сил. Можно только догадываться о реальном разнообразии таких типов, которые, вероятно, могут быть связаны с социальными целостностями различных видов и уровней: ассоциациями, территориями, организациями и т.д. – вплоть до непосредственного достояния всего человечества.

Вторая основная черта нового способа производства относится к материальной базе общества, доминирующему типу средств производства. Человеческий труд, а вместе с тем и человек как таковой уйдут из сферы материального производства. Функционирующие в ней гибкие автоматизированные средства труда будут компактными, децентрализованными, экологически чистыми. Мучительные сегодня проблемы специализации и невероятно усложнившихся кооперационных связей, вызванные к жизни крупномасштабным узкоспециализированным производством, умрут вместе с ним. Исчезнет усиливающееся давление на социальную сферу громады административно-технологических отношений. Наконец, исчезнет проклятье отчужденного труда. "...Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, ... когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, стр.280).

Но что же составит в этих условиях основное содержание человеческой деятельности?

Человек становится опосредствующим звеном между сферой материального производства, основой своего существования, по отношению к которой он отныне выполняет только функцию развития, и сферой общественного сознания, совокупного духовного богатства общества, являясь одновременно его субстанцией и субъектом.

От воспроизводства средств производства мы переходим к новому типу общественного воспроизводства – воспроизводству человека.

* * *

Созданная К. Марксом политэкономия капитализма по форме была аналогична классическим естественным теориям в том отношении, что изучала объективные законы взаимодействия производительных сил и капиталистических производственных отношений, взаимодействия, хотя и отражаемого в различной степени общественным сознанием, но в целом не подвластного ему.

Исследователям, не потерявшим здравого смысла, давно было понятно, что все ухищрения скроить экономическую теорию социализма по образцу и подобию политэкономии капитала не более перспективны, чем попытки нерадивого ученика, пишущего сочинение на тему "Образ Павла Корчагина", списать его у отличника-соседа по парте, избравшего тему "Лишние люди". Теперь же можно

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
точно выразить, в чем здесь состоит проблема.

Предмет экономической теории социализма – уже не объективная диалектика формы и содержания производства, а диалектика, опосредствованная общественным сознанием, и в первую очередь – такой его формой, как марксистская теория. Желая сохранить политэкономии социализма в классической форме теории, изрекающей некие "законы", должны ясно осознавать, что она обязана тогда быть метатеорией, т.е. среди ее объектов, закономерную связь которых она устанавливает, наряду с производительными силами, производственными отношениями и т.д. совершенно равноправно должны фигурировать теории и другие формы, отражающие активную роль общественного сознания.

Но гораздо более естественным и перспективным путем представляется придание экономической теории реального социализма не дескриптивной, а конструктивной, нормативной формы. Эта теория должна не описывать, а предписывать, ее законы должны быть законами строительства, нормативными моделями, проектами конкретных этапов развития хозяйственного механизма.

Кроме того, ранее было показано, что она должна иметь дедуктивную форму. С учетом этого требования возникает совершенно ясная картина.

Теория реального социализма будет представлять собой последовательность нормативных теорий (моделей), каждая из которых будет отражать вполне определенный этап диалектического развертывания, разрешения основного противоречия реального социализма. Эта теория будет одновременно работать как "логический телескоп" и как "логический микроскоп". В качестве первого она позволит на много десятилетий вперед предвидеть существо и социально-экономическую форму предстоящих этапов коммунистического строительства. В качестве второго – представить содержание любого из этих этапов с той степенью конкретности и детальности, с какой это будет вызываться практическими потребностями строительства социализма.

Это именно та органичная форма, обретая которую, теория из средства объяснять мир превращается в средство изменять его.

Невозможность существования этой теории в традиционной форме пространственных рассуждений очевидна. По поводу социализма написано так много, что на каждую строчку "Капитала" давно приходится увесистый том; тем не менее "Социал" так до сих пор и не создан. Конечно, это обстоятельство в известной мере отражает непонимание частью авторов теоретического существа проблемы. Но даже гений масштаба Маркса не сможет уместить теорию реального социализма, развитую с полнотой и детальностью "Капитала", ни в десять, ни в сто, ни в тысячу томов. "Капитал" – это введение в теорию всего-навсего одной социально-экономической формы. Социализм, начиная с этапа превращения общественной науки в производительную силу – это последовательная стремительная смена все более усложняющихся социально-экономических форм, каждая из которых не менее сложна, чем форма капитала.

Подобная теория, служащая средством сознательного преобразования общественного бытия, скорее должна быть заключена в совершенно непривычную для сегодняшних теоретиков форму, отдаленным прообразом которой могут служить системы автоматизированного проектирования, конфигурационного управления, концептуальные автоматизированные базы данных и т.п.

Превращение общественной науки в непосредственную производительную силу и означает создание подобных специальных средств социального проектирования.

84.12.11 К. Маркс об "уничтожении труда"

"...Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, ... разделение труда есть не что иное, как отчужденное полагание человеческой деятельности..." (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.42, стр.140)

"Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – является тоже весьма древним. Тем не менее "труд", экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию". (Соч., т.12, стр.729-731).

"При всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, – всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор характера деятельности, устраняет труд..." (Первая глава "Немецкой идеологии". Новое издание, стр. 31-32[76])

"Труд есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность". (стр.45).

"Превращение личных сил (отношений), благодаря разделению труда, в силы вещные ... может быть уничтожено ... только тем, что индивиды снова подчинят себе эти вещные силы и уничтожат разделение труда." (стр.59).

"... Пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд" (стр.62).

"Таким образом, на одной стороне – совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещную форму и являются для самих индивидов уже не силами индивидов, а силами частной собственности... На другой стороне находится противостоящее этим производительным силам большинство индивидов, от которых оторваны эти силы..."

Единственная связь, в которой они еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием, – труд, – потеряла у них всякую видимость самостоятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее". (стр.69).

"Только современные пролетарии, совершенно лишены всякой самостоятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной, самостоятельности..."

Только на этой ступени самостоятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самостоятельность и превращение прежнего ограниченного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как индивиды. Присвоение всей совокупности производительных сил объединившимися индивидами уничтожает частную собственность" (стр.70-71). (Выделения в тексте сделаны С. Платоновым. – Ред.)

85.06.12-13 (письмо А.А. }[77])

Глубокоуважаемый А.А.!

Последнюю нашу беседу мы начали с абстрактного утверждения, что текущий момент таит в себе как большую надежду, так и грозную опасность, однако не успели его конкретизировать. Цель нашей[78] записки – восполнить этот пробел и тем самым попытаться перебросить первые мостки от слов к делу.

I

Мы переживаем "междоцарствие" – предсказанный Марксом переход от "царства естественной необходимости" к "царству осознанной необходимости", от развития, осуществляющегося независимо от чьей-либо воли через развертывание диалектического противоречия между производительными силами и отчужденными производственными отношениями, – к развитию, осуществляемому только сознательно, только по воле субъекта, опирающегося на осознанный им механизм управления развитием и движимого логикой противоборства с антагонистическим субъектом.

Для перехода к "Царству II", как известно, требуются вполне определенные политические и экономические предпосылки. Политические предпосылки были завоеваны нами 70 лет назад. Принято считать, что минули десятилетия с тех пор, как напряженным трудом народа созданы и экономические условия

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org перехода. Однако все это лишь предпосылки. Для вступления в социализм на их основе теперь необходимо нечто качественно иное, требуется главное – "требуется действительное коммунистическое действие" (Маркс).

Действительное коммунистическое действие и деятельность по восполнению недостающих необходимых предпосылок для него по своей сути не могут не быть принципиально противоположными – подобно возведению высотного здания по отношению к рытью котлована для него. Завоевав право строить и место для строительства, подготовив необходимый котлован, мы фактически уже давно бессмысленно углубляем его сверх меры, не приступая к возведению самого здания, не понимая необходимости встать к кульману, подогнать башенный кран, взять мастерок, отложив лопату.

Сущность "Царства II", сущность действительного коммунистического действия – "уничтожение отчуждения" (Маркс, 1844 г.), что равно "уничтожению разделения труда" (Маркс и Энгельс, 1846 г.), или же, наконец "уничтожению частной собственности" ("Манифест", 1848 г.), а следовательно – уничтожению производственных отношений как отчужденных отношений между людьми в процессе производства, превращение их в нормативно-определенные отношения между элементами прежних производительных сил, и тем самым – превращение производственных отношений в производительные силы. В противоположность этому сущность "междоцарствия", переходного периода – завершение развития недостающих производительных сил, закономерно сопровождаемое – в качестве платы – невольным высвобождением соответствующих им производственных отношений и возрастающей утерей контроля над ними.

Призывать к "совершенствованию социалистических производственных отношений" было бы смешно, когда бы не было так грустно. Это абсолютно тождественно призыву "совершенствовать социалистическую частную собственность".

II

Объективно обусловленная линия на "наведение порядка" в этих условиях требует для своей реализации с самого начала не только детального понимания сути и экономических закономерностей процесса снятия производственных отношений в экономике переходного типа, но кроме того – и это абсолютно необходимо – специальных мощных средств нормативного управления этим процессом. Лимитирующим моментом в большей степени является отсутствие понимания, т.к. при его появлении нужные средства могли бы быть развернуты в течение 3-5 лет.

К сожалению, приходится прямо сказать, что в отсутствие таких средств жесткая линия на наведение порядка в существующей экономике, близкой к границе утери контроля, с большой вероятностью может привести к деструктивному эффекту, который далеко превзойдет эффект так называемой "работы по правилам" – новой формы забастовочного движения, применяемой в сильно регламентированных отраслях государственного сектора экономики стран Запада.

Едва ли лучшая судьба, в условиях, когда вместо уничтожения производственных отношений считается необходимым их "совершенствовать", уготована научно-техническому прогрессу. Ставить могучий двигатель НТП на все более теряющий управление экипаж производительных сил, не предваряя (и даже хотя бы не сопровождая) этот шаг "действительным коммунистическим действием", т.е. развертыванием мощного нормативного механизма контролируемого снятия производственных отношений – исключительно опасно. Самый лучший исход этой неподготовленной попытки, на который только можно надеяться – очередная неудача в деле "внедрения НТП" и потеря еще десятилетия развития. Мы опять разобьемся о границу "междоцарствия" и свалимся обратно в переходный период. Времени на усвоение этого жесткого урока нам историей уже не отпущено.

III

... В настоящее время наша экономика, для которой характерна нарастающая гипертрофия производительных сил переходного типа, приближается (как мы уже писали и говорили) к границе потери контроля над процессом воспроизводства, разрушения инвестиционного цикла вследствие экспоненциального (лавинообразного) нарастания дефицитов. Механизм этого явления аналогичен (но противоположен по знаку) механизму "великой депрессии" 1929-33 гг., которая послужила одной из решающих причин перехода стран ГМК в качественно

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
иное состояние.

Необходимо сделать все возможное и невозможное для того, чтобы мы осуществили переход к новому типу развития заранее, сознательно, минуя экономическую катастрофу, поскольку ее механизм теперь доступен для изучения, и объективных причин для ее повторения нет. Это именно тот случай, когда история учит – и беспощадно карает за непонятые и неусвоенные уроки.

Мы сейчас не в состоянии предугадать (хотя при наличии упомянутого комплекса специальных средств это и теоретически, и практически вполне возможно) точные сроки такого опасного поворота событий. Однако следует сказать со всей уверенностью: для нас сохранение существующего типа развития еще хотя бы на пятилетие подобно игре с Историей в "русскую рулетку". Говоря о "нас", мы говорим тем самым и о судьбах основанного Марксом мирового коммунистического движения, и о перспективах начатого Лениным социалистического строительства, и о деле подлинного освобождения всех "освободившихся" стран и народов.

IV

На вопрос "что делать?" можно в принципе ответить очень кратко: окончательно выйти из "царства естественной необходимости", полностью превратить коммунистическую идею уничтожения частной собственности (а не только ее "упразднения") в материальную, производительную силу. Как известно, в "Царстве I" идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами. В "Царстве II" этого недостаточно. Здесь они становятся материальной силой только тогда, когда, во-первых, осознаются, берутся на вооружение правящей партией, и, во-вторых, материализуются в комплексе специальных мощных средств социально-экономического нормативного проектирования, посредством которого только и осуществляется, и становится возможным общественное развитие коммунистического типа.

Переживаемый момент "как бы случайно" содержит в себе все возможности для осуществления этого перехода (именно упущенные моменты такого рода история не прощает). Это – глубокое осознание партией и народом необходимости крутых качественных перемен. Это – новое, прогрессивное руководство, открытое для новых идей. Это атмосфера творческого поиска, связанная с подготовкой новой редакции Программы. Это физически ощутимое возросшее давление внешних и внутренних проблем. Это, наконец, определенное ослабление парализующего мысль влияния общественных наук, которые в их нынешнем состоянии порождены объективными условиями затянувшегося переходного периода и которые – вне зависимости от благих субъективных побуждений – вместо того, чтобы быть посредником между партией и теорией Маркса-Ленина, превратились в забор, отгораживающий их друг от друга.

Однако такие моменты неизбежно предоставляются на очень короткий срок. Уже после опубликования проекта новой редакции Программы (а фактически – после его окончательного внесения) неизбежно на несколько лет должно наступить окостенение зафиксированных позиций и точек зрения. В течение всего этого времени ничего уже нельзя будет изменить. Срок, отпущенный для осуществления воздействия на наше развитие, составляет едва ли более двух-трех месяцев, а скорее всего он еще меньше.

V

Однако в чем именно может состоять это воздействие?

Мы (авторы данной записки) должны сложить с себя на этом месте все полномочия (нами же самозванно узурпированные).

Мы полностью отдаем себе отчет, что всякая новая идея – даже при условии ее абстрактной истинности – может быть присвоена и усвоена партией только во вполне определенной конкретно-исторической форме. Нынешняя форма предлагаемых идей (включая нас самих как часть этой формы) для такой цели непригодна.

(Примечание: что касается проблемы "авторства" – ее просто не существует. Отношение "авторства" – как частный случай одного из типов производственных отношений – будет уничтожено, снято в рамках одной из коммунистических формаций. Новые идеи в марксизме вырабатываются только при посредстве таких

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org не принадлежащих никому "средств производства", как совокупная общественная практика и социалистическая культура, и уже по одному этому не могут "принадлежать" какому-то частному лицу. Поэтому подлинные общественные науки при социализме будут "общественными" ровно в том смысле, в каком ею станет собственность на средства производства.

Работа "подземного крота" – механизма смены типов развития на стыке двух эпох проявляется как последовательность все более жестоких встрясок общественного организма, каждая из которых либо побуждает "полусубъекта" переходного периода стать полноправным субъектом, создать и пустить в ход средства научного управления развитием, либо толкает его к краю пропасти. После каждой такой встряски будет появляться все большее количество домотканых теоретиков по нашему образцу, подобно тому, как – в старинной гипотезе Опарина о зарождении жизни – после каждого грозового разряда в атмосфере, насыщенной сложными химическими соединениями, образуются молекулы аминокислот.)

Огромной удачей (видимо, не более "случайной", чем все остальные случайности переживаемого момента) было то, что в Вашем лице нам встретился тот исключительно редкий пока "открытый" тип личности, для которой ее собственная уникальность, внутреннее богатство, освоенные ею пласты культуры служат не преградой, блокирующей восприятие внешних идей, а мощным средством их адаптации, синтеза и развития. Это не комплимент, а констатация, поскольку накопленный за последние два года опыт работы со многими выдающимися людьми показал, что именно из-за внутренних субъективных барьеров восприятия при значительных затратах времени и сил удавалось добиться лишь сравнительно небольшого продвижения. И конечно, мы бы не были марксистами, если бы не осознавали проявившуюся здесь исключительную роль того узлового пункта, который Вы занимаете в системе общественно-политической практики, в комплексе общественных отношений – как внутренних, так и международных.

Но тем самым у нас есть все основания надеяться, что именно Вы сможете преобразовать абстрактное "чувство исторической ответственности" в последовательность конструктивных и прагматических действий, в оперативное хирургическое вмешательство, которое разорвет замкнувшийся цикл развития. Именно Вы в состоянии определить направление дальнейшего развития, а также "дозу", меру, форму, конкретные точки инъекции этих идей для их незамедлительного превращения в производительную силу.

Все мы испытываем на себе наваждение обыденности, ту иллюзию, что сложившийся ход вещей незыблем и будет сохраняться вечно, что с назревшими переменами можно не спешить. Из истории хорошо известно, чего могут стоить подобные иллюзии и во что они обходятся.

Мы не имеем больше ни права, ни возможности проверять, действительно ли наш сегодняшний шанс – последний.

85.07.05 (Энергия, информация и стоимость)

Происходящий на протяжении "предыстории" естественноисторический процесс образования из "дочеловеческой природы" общественно-природных производительных сил есть процесс возникновения – на базе совокупности различных природных форм движения – трех качественно новых форм движения "социальной материи".

Энергия есть качественно-определенное отношение между различными формами природного движения, используемыми в качестве "сил" в рамках технологии [79].

Соответственно, в рамках организации существует информация как новое качественно-определенное отношение на множестве различных форм энергии.

Наконец, в рамках экономики возникает и расширенно воспроизводится стоимость – новая качественная определенность, новое отношение, элементарными кирпичиками-элементами для которого служат различные формы информации.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Рост производимой обществом стоимости означает в конечном счете увеличение количества и разнообразия форм движения природы, превращаемых в общественные производительные силы. Информация и энергия при этом опосредуют экономику и природу: никому пока не удавалось непосредственно превратить стоимость в потребляемый предмет природы (услугу или же товар), не соотнеся ее предварительно с величиной энергии, определяемой технологией их производства, – величиной, закодированной в информации в виде знаков на монетах или купюрах.

Отчуждение, собственно, состоит в том, что человек, не познавший законов, управляющих движением стоимости, информации и энергии, сам является на протяжении всей предыстории лишь их рабом, агентом, песчинкой, включенной в их круговорот. В составе технологии человек играет малопочтенную роль лошади в чигире – роль производителя мышечной энергии. Однако, хотя современное общество, далеко еще не избавившее человека от этой первобытной доли, склонно окружать романтическим ореолом фигуры инженера и банкира – они оба не более чем агенты процессов производства информации и стоимости, поработанные чуждыми силами организационных и экономических законов.

Познать эти законы – значит осуществить их редукцию, сведение к законам предыдущего, нижележащего уровня, подобно тому, как законы термодинамики, определяющие температуру газа, были сведены к законам статистической механики, определяющим скорость движения молекул.

Уничтожить отчуждение – значит осуществить подобную "редукцию" на практике. Место стихийного эфира экономических отношений, который заполняет промежутки между организациями, осуществляя таинство самовозрастания стоимости, должна занять организация, занятая обработкой и производством нормативной информации, причем, делая это таким образом, что в объединяемом ею хозяйственном механизме производимый каждой из единиц прибавочный продукт не только не пропадает, но и в целом расширенно воспроизводится. В результате экономисты исчезают вместе с экономикой, а все народное хозяйство превращается в единую организацию, которая, однако, "каким-то чудом" обеспечивает уже не простое (как положено нормальной организации), а расширенное воспроизводство.

85.11.27 Из работы К.Маркса и Ф.Энгельса "Немецкая идеология"

"... В рамках самого этого процесса, в котором личные интересы приобретают самостоятельное существование в качестве классовых интересов, личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как не зависящая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения, в целый ряд сил, которые определяют, подчиняют индивида и поэтому являются в представлении как "святые" силы... В рамках известных, от воли, конечно, не зависящих, способов производства над людьми всегда становятся чуждые практические силы, не зависящие не только от разрозненных отдельных лиц, но и от их совокупности..." (стр.234).

"Превращение индивидуального отношения в его противоположность – в чисто вещное отношение, различие индивидуальности и случайности самими индивидами представляет собой, как мы уже показали, исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы. В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно поставило перед ними задачу: вместо господства отношений и случайности над индивидами, установить господство индивидов над случайностью и отношениями. Оно... властно потребовало освобождения от вполне определенного способа развития. Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах.

Мы уже выше показали, что уничтожение того порядка, при котором отношения обособляются и противостоят индивидам... обуславливается в конечном счете уничтожением разделения труда. Мы показали также, что уничтожение разделения труда обуславливается развитием общения и производительных сил до такой универсальности, когда частная собственность и разделение труда становятся для них оковами. Мы показали далее, что частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org индивидов... Мы показали, что в настоящее время индивиды должны уничтожить частную собственность, потому что производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами и потому что противоположность между классами достигла своих крайних пределов. Наконец, мы показали, что уничтожение частной собственности и разделение труда есть вместе с тем объединение индивидов на созданной современными производительными силами и мировыми сношениями основе". (стр.440-441)

85.11.27 Из работы Ф.Энгельса "Положение Англии. Восемнадцатый век"

"...Пока продолжает существование основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности. Уничтожение феодального рабства сделало "чистоган единственной связью между людьми". Собственность – природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу – возводится благодаря этому на трон, и в конечном счете, чтобы завершить это отчуждение, деньги – отчужденная, пустая абстракция собственности, – делаются властелином мира. Человек перестал быть рабом человека и стал рабом вещи; извращение человеческих отношений завершено..." (Соч., т.1, стр.605)

См. также "Святое семейство" (сентябрь-ноябрь 1844 г., т.2, стр. 38-39-40; 44-46-47).

85.11.29 Из "Святого семейства"

"Современное государство, господство буржуазии, основано на свободе труда... Свобода труда есть конкуренция рабочих между собой... Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить" (т.3, стр.192)

"Если коммунизм хочет уничтожить как "заботу" бюргера, так и нужду пролетария, то он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той и другой, т.е. не уничтожив "труд" (стр.207).

86.01.20 К вопросу о "Царстве свободы" у Маркса

Из "Философских тетрадей" Ленина: "В конце второго тома Логики, ... при переходе к "понятию" дается определение: "понятие, царство субъективности или свободы"..."[80]

КНИГА ВТОРАЯ Существует ли капитализм?

На лице Проницательного читателя проступает загадочная улыбка...

В первый миг чувство, выражаемое ею, еще неуловимо, и лишь выдает богатую внутреннюю жизнь. Опасение ли борется с презрением? Облегчение с торжеством?

И наконец, все проясняется. Свет улыбки бдительно озаряет высокое чело Мастера, который всю ночь искал путь спасения безнадежной позиции в отложенной партии, и вдруг под утро понял, что следует через оргкомитет матча затребовать у соперника характеристику с места работы.

Затем уголки улыбки сползают вниз, и губы, образующие твердый знак "минус", рождают первый звук:

- и-де-ализм!

Теперь наш собеседник суров, но справедлив. Хочется стоя присутствовать при оглашении приговора.

- Итак, развитие в новую эпоху определяется и осуществляется субъектом. Волюнтаризм, как представляется, исключен, поскольку движение к новому обществу происходит не в пустоту, а сквозь социальное пространство

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org отчуждения, плотно заполненное слоями форм частной собственности. Субъект не волен ни отменить, ни перескочить отдельные этапы, ни поменять очередность этих слоев.

Проницательный читатель мгновение наслаждается эффектом блистательного изложения точки зрения оппонента. Затем следует разящий выпад.

- Ну, а если он, этот ваш сомнительный субъект, не пожелает возиться с отчуждением? Да ну его, скажет, дело-то хлопотное, да и овчинка выделки не стоит. Мне, мол, и так терпимо... Ведь все определяется его волей? Идеализм!

Проницательный читатель воистину проницателен. При раскопках могильников "культуры схоластического теоретизирования" археологи недалекого будущего найдут немало простых, надежных инструментов типа идеологического тавра. Нас пригвоздили, нас пора клеймить.

Отсрочить исполнение приговора может лишь признание в еще более тяжких грехах. Мы просим занести его в протокол.

Шарахнувшись от жупела идеализма, можно ведь бежать не только назад, но и вперед. Существует способ избавиться от вскрытого парадокса, не избавляясь при сем от Маркса, а заодно и от всей наследуемой им европейской культуры мышления: признать, что в новом типе развития существует не один, а два субъекта с общим предметом деятельности, но с противоположными идеалами...

Часть 4 Размышления по поводу дискуссии Сократа с Калликлом
Размышление первое _____

"...То, о чем мы спорим, отнюдь не пустяк, скорее можно сказать, что это такой предмет, знание которого для человека прекраснее всего, а незнание всего позорнее: по существу речь идет о том, знать или не знать, какой человек счастлив, а какой нет..."

"...Допытываться, каким должен быть человек, и каким делом должно ему заниматься, и до каких пределов в старости и в молодые годы, - не самое ли это прекрасное из разысканий? А если и в моем образе жизни не все верно, то, можешь не сомневаться, я заблуждаюсь неумышленно, но лишь по неведению".

"Заклинаю тебя богом дружбы, Калликл, не думай, что ты непременно должен надо мною подшучивать, не отвечай что придется вопреки собственному убеждению и мои слова, пожалуйста, не принимай в шутку. Ведь ты видишь, беседа у нас идет о том, о чем и недалекий человек серьезно бы придумался: как надо жить? Избрать ли путь, на который ты призываешь меня, и делать, как ты говоришь, дело, достойное мужчины, - держать речи перед народом, совершенствоваться в красноречии и участвовать в управлении государством по вашему образцу, - или же посвятить жизнь философии? И в чем разница между этими двумя путями?"

Платон. "Горгий"

Этот спор, которому и сегодня еще не видно конца, начался без малого двадцать четыре века назад. Только что опустел гимнасий, где многочисленные граждане Афин собирались, чтобы подивиться ораторскому искусству знаменитого софиста Горгия из Сицилии. Не ушли куда-то лишь трое: сам Горгий, его ученик Пол Агригентский и хозяин дома, в котором они остановились - Калликл, молодой, блестящий афинский аристократ, талантливый оратор, только начинающий свою политическую карьеру.

Тут появляются Сократ и его приятель Херефонт, по вине которого они "замешкались на рынке". Горгий милостиво соглашается на утешительную демонстрацию своего искусства для опоздавших.

Поначалу беседа развивается в русле, традиционном для ранних диалогов Платона. Сократ, оседлав любимого конька, принимается в форме наивно-бесхитростных вопросов уличать софистов в беспредметности их искусства, его "низкой природе" и узкокорыстной направленности. Но это русло, вначале тесное и извилистое как фьорд, все быстрее расширяется, куда, наконец, не открываются такие океанские просторы, от которых перехватывает дух.

Роковым пунктом, в котором беседа окончательно утрачивает невинность, становится вопрос о том, что хуже: чинить несправедливость или же терпеть ее. Здравый смысл в лице Пола, возмущаясь самой постановкой вопроса,

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org ссылаясь на непосредственную очевидность и мнение всех присутствующих, провозглашает счастье тирана и жалкую ничтожность его жертв. Однако логика устами того же Пола (при известном содействии Сократа), ко всеобщему изумлению, с блеском доказывает противоположное.

Даже и в наши дни многие проводят всю свою жизнь, резвясь на лужайке видимости, не подозревая о том, что под ней таится пропасть сущности. На тех же, кто впервые в нее проваливается, это производит неизгладимое впечатление.

Горгий и Пол настолько потрясены вскрывшимся непримиримым противоречием между их профессиональной логикой и собственным же здравым смыслом, что способны лишь вяло поддакивать.

Раз противоречие вскрыто – оно непременно должно быть уничтожено. Иного обращения с ним в те времена (да зачастую и по сей день) никто себе не мыслил.

Неожиданно за это берется сохранивший присутствие духа Каллик. Каллик начинает с того, что просвещенные потомки квалифицировали бы как "методологическое введение". Он утверждает, что противоречие скрыто уже в самом понятии "несправедливого", и противопоставляет справедливость "по природе" справедливости "по обычаю".

Под естественной, природной справедливостью он понимает неограниченное господство сильного над слабым, неограниченную свободу сильного. Справедливость же по обычаю – это принцип социального равенства, который Каллик квалифицирует как заговор слабых и никчемных против сильного и достойнейшего. В этом, по его мнению, и заключается секрет диалектического фокуса, продемонстрированного Сократом: "Большую часть они противоречат друг другу, природа и обычай, и потому, если кто стыдится и не решается говорить, что думает, тот неизбежно впадает в противоречие. Ты это заметил и используешь, коварно играя словами: если с тобою говорят, имея в виду обычай, ты ставишь вопросы в согласии с природой, если собеседник рассуждает в согласии с природой, ты спрашиваешь, исходя из обычая".

А поскольку Каллик можно обвинить в чем угодно, но не в излишней стыдливости – он будет твердо отвечать, исходя только из природы, а не из обычая. Поэтому сократовский номер с ним не пройдет.

Таким образом, понятие справедливости в лучших кантовских традициях препарировано и разъято на две полярные половинки. Вместе с тем поляризуется и вся дальнейшая беседа, превращаясь, по существу, в развертывание двух противоположных идеалов образа жизни, их непримиримое столкновение, приводящее ко взаимному уничтожению.

"Ты уверяешь, Сократ, что ищешь истину, – так вот тебе истина: роскошь, своеволие, свобода – в них и добродетель, и счастье (разумеется, если обстоятельства благоприятствуют), а все прочее, все ваши звонкие слова и противные природе условности – вздор ничтожный и никчемный!..

Что такое прекрасное и справедливое по природе, я скажу тебе сейчас со всей откровенностью: кто хочет прожить жизнь правильно, должен давать полнейшую волю своим желаниям, а не подавлять их, и как бы ни были они необузданны, должен найти в себе способность им служить (вот на что ему мужество и разум!), должен исполнять любое свое желание".

Какая же сила заставляет подавлять, обуздывать эти желания? Презренная толпа, сковывающая свободу человека цепями условностей! И разорвать эти цепи можно только поднявшись над толпой, провозглашает наш Каллик в истинно арийском духе. "Обычай объявляет несправедливым и постыдным стремление подняться над толпой, и это зовется у людей несправедливостью. Но сама природа, я думаю, провозглашает, что это справедливо – когда лучший выше худшего и сильный выше слабого". Закон самой природы не совпадает "... с тем законом, какой устанавливаем мы и по какому стараемся вылепить самых лучших и решительных среди нас. Мы берем их в детстве, словно львят, и приручаем заклинаниями и ворожбою, внушая, что все должны быть равны и что именно это прекрасно и справедливо. Но если появится человек, достаточно одаренный природою, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство, и все противные природе законы, и, воспрянув, явится перед

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org нами владыкою, бывший наш раб, – вот тогда-то и просияет справедливость природы!"

Итак, по Калликлу, высшее благо и счастье – неограниченная свобода удовлетворения любых желаний. Природная справедливость заключается в том, что это благо достается сильнейшему, повелевающему толпой, – т.е. властителю. В чем же состоит специфическая сила, позволяющая обрести такую власть? Времена, когда для этого было достаточно большой дубины, уже прошли, а новые времена, когда специфическим средством для этого станет капитал, еще не наступили. Дело происходит в Афинах, городе-государстве свободных и равноправных граждан (рабовладельцев!). Борьба за власть здесь разворачивается на поприще Закона – в форме "состязаний" ораторов в народном собрании, в совете, в судах... Средством захвата власти оказывается форма деятельности афинского законодателя: знание рычагов государственного управления, психологии демоса, владение ораторским искусством. Поэтому совершенно не случайно афинским аристократам в отличие от персидской знати пришлось, отставив в сторону учителей фехтования, броситься в объятия высокооплачиваемых учителей мудрости типа софиста Горгия. Победа или поражение в народном собрании сплошь и рядом становились вопросами жизни и смерти, не говоря уже о потере имущества и изгнании.

В пылу полемики Калликл, сам того не замечая, совершает двойную подмену своего идеала. Сначала на эту роль был предложен аттический вариант "белокурой бестии" с его абсолютным благом – элитарной свободой. Этот романтический герой был вытеснен идеалом могущественного правителя, благо которого – неограниченная власть. Наконец, его сменил идеал прагматического политика – афинского государственного мужа. Для него уже ораторское искусство, т.е. "способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан" составляет "поистине величайшее благо, которое дает людям как свободу, так равно и власть над другими людьми... в своем городе". За этим стоит, как нетрудно догадаться, двукратная подмена цели-идеала средствами ее достижения.

Однако в беспощадном зеркале сократовской логики все эти три героя предстают в совершенно ином облики.

"Сократ: То, что ты теперь высказываешь напрямик, думают и другие, но только держат про себя. И я прошу тебя – ни в коем случае не отступайся, чтобы действительно, по-настоящему выяснилось, как нужно жить. Скажи мне: ты утверждаешь, что желания нельзя подавлять, если человек хочет быть таким, каким должен быть, что надо давать им полную волю и всячески, всеми средствами им угождать?..

Калликл: Да, утверждаю...

Сократ: Но объясни мне, что примерно ты имеешь в виду: скажем, голод и утоление голода пищей?..

Калликл: Да, и все прочие желания, которые испытывает человек; если он может их исполнить и радуется этому, то он живет счастливо.

Сократ: Прекрасно, мой любезнейший! Продолжай, как начал, да смотри не смущайся. Впрочем, похоже, что и мне нельзя смущаться. Так вот, прежде всего, скажи мне, если кто страдает чесоткой и испытывает зуд, а чесаться может сколько угодно и на самом деле только и делает, что чешется, он живет счастливо?"

Сверхчеловек, абсолютно свободный в своих желаниях, очень скоро оказывается тривиальным сладострастником, рабом чесотки и любой иной животной страстишки.

Та же печальная участь постигает два "промежуточных" идеала.

Могущественный властитель оборачивается мрачным тираном, само бытие которого – "это нескончаемое зло, это значит вести жизнь разбойника. Подобный человек не может быть мил ни другим людям, ни богу, потому что он не способен к общению".

Идеал политика и государственного мужа превращается в беспринципного демагога, который сознательно угождает перед толпой, ловко играя на ее

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
низменных инстинктах, и которому, в сущности, глубоко чужда и безразлична
сама мысль о благе народа. Мнение подобного представителя политической
элиты о собственной исключительности – всего лишь жалкий самообман.

"Если же ты полагаешь, что хоть кто-нибудь в целом мире может выучить тебя
искусству, которое даст тебе большую силу в городе, меж тем как ты отличен
от всего общества, его правил и порядков, – в лучшую ли сторону или в
худшую, все равно, – ты, по-моему, заблуждаешься, Калликл. Да потому, что
не подражать надо, а уродиться таким же, как они..."

Вот если кто сделает тебя точь-в-точь таким же, как они, тот и исполнит
твое желание – выведет тебя в государственные мужи и ораторы. Ведь каждый
радуется, когда слышит речи себе по нраву, а когда не по нраву – сердится.
Или, может быть, ты хотел бы возразить, приятель? Что же именно, Калликл?"

Нордический образ государственного мужа, притязающий воплощать
дистиллированную "справедливость-по-природе", рушится на глазах, испытав на
себе силу презренного "обычая". Увы, Калликл не в силах промолвить ни слова
в защиту своего поруганного идеала. Зато у него есть интересные соображения
по поводу идеала "философского мужа", представленного Сократом.

Сам этот идеал воплощает собой все мыслимые достоинства и имеет лишь один
недостаток: за последние 2,5 тысячи лет он в качестве социального феномена
никогда, нигде и никем так и не был реализован. Подобно идеалу Калликла,
его можно развернуть в иерархию трех портретов.

На абстрактно-индивидуальном уровне это мудрец, воплощающий главное благо
– власть над собой: "воздержность, умение владеть собой, быть хозяином своих
наслаждений и желаний".

На абстрактно-гуманистическом уровне перед нами предстает философ, благо
которого – основанное на равенстве общение с себе подобными, возвышающее
душу до идеала.

Наконец, на реальной социально-политической арене современных ему Афин –
это суровый моралист-правдолюбец, борец за общественную справедливость,
который, не стесняясь в выражениях, проповедует истину. Без ложной
скромности Сократ заявляет: "Мне думается, что я в числе немногих афинян
(чтобы не сказать – единственный) подлинно занимаюсь искусством
государственного управления и, единственный среди нынешних граждан,
применяю это искусство к жизни". Владеющие этим подлинным искусством
ораторы бескорыстны, они "постоянно держат в уме высшее благо и стремятся,
чтобы граждане, внимая их речам, сделали как можно лучше..." В то время,
как отношение к народу угодничающих перед ним беспринципных политиканов
Сократ сравнивает с искусством кондитера, подрывающим здоровье, свою
суровую проповедь высшего блага он уподобляет искусству врача, здоровье
восстанавливающему: вместо сладкого пирожка граждане (во имя их же блага)
получают очистительную клизму.

Но если Сократ доказал логическую несостоятельность идеала
"государственного мужа", Калликл демонстрирует практическую
несостоятельность идеала "мужа философского".

Естественным пределом самосовершенствования для мудреца, обуздывающего свои
желания, должен стать "совершенноумрый", вообще не испытывающий никаких
желаний. Калликл (а в его лице классическая античность) отвергает этот
нежизненный, мертвый абсолют.

"Сократ. Значит, тех, кто ни в чем не испытывает нужды, неправильно
называют счастливыми?"

Калликл. В том случае, самыми счастливыми были бы камни и мертвецы.

Сократ. ...Погляди, не сходны ли, на твой взгляд, два эти образа жизни,
воздержанный и разнузданный, с двумя людьми, у каждого из которых помногу
сосудов, и у одного сосуды были бы крепкие и полные – ... а сами жидкости
были редкие, дорогие, и раздобыть их стоило бы многих и тяжелых трудов.
Допустим, однако, что этот человек уже наполнил свои сосуды, – теперь ему
незачем ни доливать их, ни вообще как-то о них тревожиться... Другой, как и
первый, тоже может раздобыть эти жидкости, хотя и с трудом, но сосуды у
него дырявые и гнилые, так что он вынужден непрерывно, днем и ночью их

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org наполнять... Убеждает ли тебя сколько-нибудь мое сравнение, что скромная жизнь лучше невоздержанной, или не убеждает?

Калликл. Не убеждает, Сократ. Тому, кто уже наполнил свои сосуды, не остается на свете никакой радости... - каменная получается жизнь, раз сосуды полны, и уже ничему не радуешься и ничем не мучишься. Нет, в том лишь и состоит радость жизни, чтобы подливать еще и еще!"

Позиция неискушенного в концептуальном анализе Калликла, конечно же, уязвима: это демонстрирует хотя бы упомянутое сократовское сравнение второго образа жизни с "чесоткой". Но Калликл глубоко прав в одном: идеал жизни может быть только движением, процессом, но никак не статическим состоянием; в противном случае, пусть даже этот абсолют является и прекрасным, и благим, но это - идеал смерти.

И чем более конкретный "слой" сократовского идеала рассматривается, тем более предметной, жизненной, и при этом - уничтожающей становится критика Калликла.

"Да, разумеется, есть своя прелесть и у философии, если заниматься ею умеренно и в молодом возрасте; но стоит задержаться на ней дольше, чем следует, и она погибель для человека! Если ты даже очень даровит, но посвящаешь философии более зрелые свои годы, ты неизбежно останешься без того опыта, какой нужен, чтобы стать человеком достойным и уважаемым. Ты останешься несведущ в законах своего города, в том, как вести с людьми деловые беседы, частные ли или государственного значения, безразлично, - в радостях и желаниях, одним словом, совершенно несведущ в человеческих нравах. И к чему бы ты тогда ни приступил, чем бы ни занялся - своим ли делом, или государственным, ты будешь смешон..."

"Как бы ни был, повторяю я, даровит такой человек, он наверняка теряет мужественность, держась вдали от середины города, его площадей и собраний, где прославляются мужи... Он прозябает до конца жизни в неизвестности, шепчась по углам с тремя или четырьмя мальчишками, и никогда не слетит с его губ свободное, громкое и дерзновенное слово".

Бытие философа, которое протекает в возвышающих душу беседах с избранными и посвященными, на деле оказывается социальным "небытием", иллюзорным периферийным существованием в пресловутой башне из слоновой кости, одиноко возвышающейся в стороне от основного потока жизни.

Наконец, в реальной политической обстановке Афин нежизненность сократовского идеала приобретает предельно конкретный и зловещий для его обладателя смысл: следуя ему, он рискует поплатиться своей собственной жизнью.

"...Разве ты сам не видишь, как постыдно положение, в котором, на мой взгляд, находишься и ты, и все остальные безудержные философы? Ведь если бы сегодня тебя схватили - тебя или кого-нибудь из таких же, как ты, - и бросили в тюрьму, обвиняя в преступлении, которого ты никогда не совершал - ты оказался бы совершенно беззащитен, голова у тебя пошла бы кругом, и ты бы так и застыл с открытым ртом, не в силах ничего вымолвить, а потом предстал бы перед судом, лицом к лицу с обвинителем, отъявленным мерзавцем и негодяем, и умер бы, если бы тому вздумалось потребовать для тебя смертного приговора".

Но какая же в этом мудрость, Сократ, вопрошает Калликл, если даровитого мужа портит его искусство, "...делает неспособным ни помочь самому себе, ни сопротивляться врагам, которые грабят его до нитки, и обрекает на полное бесчестье в родном городе? Такого человека, прости меня за грубость, можно совершенно безнаказанно отхлестать по щекам".

* * *

Увы, ни один из двух полярных идеалов не выдержал лобового столкновения. И на их обломках приходится подвести первые неутешительные итоги.

Калликл, мужественно боровшийся с противоречием в понятии "справедливость",
Страница 50

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org оказался бессилён перед противоречием в себе самом.

Та же доходящая до цинизма откровенность Калликла, которая избавила его от житейского лицемерия и попыток представить себя лучше, чем он есть на самом деле, одновременно не позволила ему изобразить себя одномерным негодяем. Сократовский идеал блага, в сущности, далеко не чужд Калликлу.

"Сократ. ...Считаешь ли ты приятное тем же самым, что благое, или среди приятных вещей есть иные, которые к благу не причислишь?"

Калликл. Я войду в противоречие с самим собой, если признаю, что они не одно и то же, стало быть - они одно и то же."

На протяжении целых семи страниц диалога Калликл борется не столько против Сократа, сколько против этого "противоречия с самим собой", и, наконец, не выдерживает.

"Калликл. ...Будто ты не знаешь, что и я, и любой другой прекрасно отличаем лучшие удовольствия от худших!"

Сократ. Ай-ай-ай, Калликл, какой же ты коварный! Водишь меня за нос, как мальчика: то говоришь одно, то совсем другое...Сколько я понимаю, ты теперь утверждаешь, что бывают удовольствия хорошие, а бывают и плохие. Так?

Калликл. Да.

Сократ. Хорошие - это, наверное, полезные, а плохие - вредные?

Калликл. Именно.

Сократ. А полезные - это те, что приносят какое-нибудь благо, плохие - те, что приносят зло?

Калликл. Да."

Эта раздвоенность Калликла вновь с особой силой проявляется, когда Сократ расспрашивает его о том, "каким образом ... следует вести государственные дела у нас (в Афинах)."

"Сократ. Кажется ли тебе, что ораторы постоянно держат в уме высшее благо и стремятся, чтобы и граждане, внимая их речам, сделались как можно лучше, или же и они гонятся за благоволением сограждан, и ради собственной выгоды пренебрегают общей, обращаясь с народом, как с ребенком - только бы ему угодить! - и вовсе не задумываются, станет он из-за этого лучше или хуже?"

Калликл. Это вопрос не простой, не такой, как прежние. Есть ораторы, речи которых полны заботы о народе, а есть и такие, как ты говоришь".

Калликл-политик великолепно понимает, что во имя власти следует отставить в сторону все попытки читать избирателям мораль. Но Калликл-человек не в силах примириться с тем, что Сократ, окуная его с головой в бочку политического дегтя, не позволяет добавить туда даже чайной ложки благотворительного меда.

То, что *vir bonus* Калликл искренне считал своим общественным идеалом, оказывается на поверку гремучей смесью из двух несовместимых идеалов, каждый из которых, взятый по отдельности, способен вызвать лишь содрогание. Но это не вина Калликла, а проявление реальной двойственности той конкретной социально-экономической формы, в которой он живет. И поэтому противоречивый идеал Калликла, отражая противоречие самой жизни, является жизненным.

Положение Сократа неизмеримо трагичнее. Его идеал внешне лишен подобной раздвоенности. Но дело не столько в том, что он тем самым лишен жизненности, диалектического самодвижения, сколько в том, что взятый в целом он противоречит самой жизни, исторической реальности.

Калликл поставлен Сократом перед осознанной (с его помощью) необходимостью метаться между двумя несовместимыми "идеалами": свободой всевластного негодяя или прозябанием поборника равенства. Выбор Сократа иной: жизнь без идеала или смерть во имя идеала? Третьего ему не дано.

Но для того, чтобы абстрактный идеал мог удержаться в этом смертельном противостоянии с реальностью во всей ее конкретной полноте, он нуждается во внешней опоре, опоре на иную, лучшую реальность. Не видя такой реальности, Сократ принужден ее выдумать.

"Калликл. Как ты твердо, по-видимому, убежден, Сократ, что ни одно из этих зол тебя не коснется, - словно ты живешь вдалеке отсюда и словно не можешь очутиться перед судом по доносу какого-нибудь прямого негодяя и мерзавца!

Сократ. Я был бы и в самом деле безумцем, Калликл, если бы сомневался, что в нашем городе каждого может постигнуть какая угодно участь...

Калликл. И по-твоему, это прекрасно, Сократ, когда человек так беззащитен в своем городе и не в силах себе помочь?

Сократ. ...Если бы причиной моей гибели оказалась неискренность в льстивом красноречии, можешь быть уверен, я бы встретил смерть легко и спокойно. Ведь сама по себе смерть никого не страшит, - разве что человека совсем безрассудного и трусливого, - страшит несправедливость, потому что величайшее из всех зол - это когда душа приходит в Аид обремененной множеством несправедливых поступков. Если хочешь в этом убедиться, послушай, что я тебе расскажу.

Калликл. Что ж, если со всем прочим ты уже покончил, рассказывай.

Сократ. Тогда внемли, как говорится, прекрасному повествованию, которое ты, вероятно, сочтешь сказкою, а я полагаю истиной, а потому и рассказывать будут так, как рассказывают про истинные события".

По существу, на этом диалог кончается, переходя в многословный монолог Сократа, имеющий явный оттенок самооправдания. Однако, в его логике наступает странный перелом, на котором спотыкается рационализированная мысль современного читателя. Если до этого момента Сократ, заглядывая на два с половиной тысячелетия вперед, ставил перед ним логическую проблему, которая по сей день вызывает споры, то внезапно он обращается к такой архаике, которая уже во времена Платона вызывала у многих граждан снисходительные улыбки.

Перед нами предстает триоца в составе Миноса, Радаманта и Эака, которые вершат "... суд на лугу, у распутия, от которого уходят две дороги: одна - к Островам блаженных, другая - в Тартар". Души усопших из Азии проходят по ведомству Радаманта, в то время, как Эак специализируется на европейцах. Сократ при этом не упускает многочисленные существенные подробности, состоящие, например, в том, что "... оба держат в руке жезл. А Минос сидит один, надзирая над ними, и в руке у него золотой скипетр..."

Этот античный вариант посмертного суда и загробного воздаяния прямо противопоставляется суду сограждан Сократа.

"Меня эти рассказы убеждают, Калликл, и я озабочен тем, чтобы душа моя предстала перед судьей как можно более здоровой. Равнодушный к тому, что ценит большинство людей, я ищу только истину и постараюсь действительно стать как можно лучше, чтобы так жить, а когда придет смерть, так умереть. Я призываю (за собой) и всех прочих, насколько хватает сил, призываю и тебя, Калликл, - в ответ на твой призыв, - к этой жизни и к этому состязанию (в моих глазах оно выше всех состязаний на свете) и корю тебя за то, что ты не сумеешь защититься, когда настанет для тебя час суда и возмездия, о котором я только что говорил, но, очутившись перед славным судьей, сыном Эгины, и ощутив на себе его руку, застынешь с открытым ртом, и голова у тебя пойдет кругом, точь-в-точь как у меня здесь, (на земле), а возможно, и по щекам будешь бит с позором и вообще испытаешь всяческие унижения".

Мифотворческие импровизации, конечно, не могли стать той реальной опорой, благодаря которой идеал Сократа превратился из его личного достояния в объективно существующий феномен человеческой культуры, в такое идеальное, которое существует реально, а не только субъективно - в чьих-то головах[81] Такой опорой могла стать и стала только реальность - смерть Сократа как результат его осознанного выбора.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Смерть Сократа обретает в свете этого предельно конкретный и объективный смысл. Эта смерть стала рождением человеческого Идеала – неустанного постижения истины, блага, красоты и бескомпромиссного приведения своей души и своих деяний в соответствие с ними.

* * *

Но что все это значит? Какой смысл и какую ценность имеет идеал, в соответствии с которым жить невозможно, более того, который с роковой неизбежностью заставляет умирать?

Сократ с Калликлом искали идеал жизни, а нашли идеал смерти. Собственно, сам Калликл не испытывал в этом ни малейшей потребности, поскольку, как и большинство людей, искренне считал, что жизненный идеал абсолютно очевиден, дан самой природой. Вступая в дискуссию, он всего лишь хотел разоблачить возмутительный софистический фокус Сократа, по которому выходило, что чинить несправедливость якобы хуже, чем ее терпеть. "Ведь если ты серьезен и все это правда, – говорит Калликл, – разве не оказалось бы, что человеческая наша жизнь перевернута вверх дном, и что мы во всем поступаем не как надо, а наоборот?" Вынуждаемый в ходе разбирательства сформулировать свой идеал в явном виде, Калликл с изумлением обнаруживает, что не может сделать этого, не впадая в противоречие с самим собой. С этого момента все пути назад для него оказываются отрезанными.

"...Если ты оставишь это непровергнутым, клянусь собакой, египетским богом, Калликл не согласится с Калликлом и всю жизнь будет петь не в лад с самим собой. А между тем, как мне представляется, милейший ты мой, пусть лучше лира у меня скверно настроена и звучит не в лад, пусть нестройно поет хор, который я снаряжу, пусть большинство людей со мной не соглашается и спорит, лишь бы только не вступить в разногласие и в спор с одним человеком – с собой самим".

Спасаясь от противоречия, Калликл увязает в нем все безнадежней. В отличие от своих экзистенциальных наследников, он как житель полиса не сомневается в том, что, каково бы ни было индивидуальное благо каждого, достичь его можно только в обществе и посредством общества. Однако социальная проекция идеала предательски двоится в его глазах на справедливость "по природе" и "по обычаю", на свободу и равенство. Умом бедняга Калликл понимает, что желательно бы выбрать позицию по одну сторону баррикад, да и зарождающееся классовое чутье недвусмысленно подсказывает – по какую именно. Но что-то в нем все время оказывается выше доводов рассудка и софиста Горгия, глубже аристократического самосознания, сильнее презрения к Сократу и ненависти к его логике... И это "что-то" громко вопиет и не желает раздваиваться.

Выходит, Калликл не зря страшил своего оппонента тяжкими последствиями, которые влечет за собой излишне серьезное отношение к философии. Философская зараза сыграла и с ним злую шутку: она не просто лишила его жизнь смысла – самое эту жизнь обратила в двусмысленность.

Увы, он был не последней жертвой. Свобода и равенство как две ипостаси общественного блага с тех пор упорно не желают ни брататься, ни размежевываться, и эта фатальная раздвоенность раскалывает фундамент любого из исторически известных общественных идеалов.

"Если попытаться определить, в чем состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законов, то окажется, что оно сводится к двум главным вещам: свободе и равенству"[82] А покуда отношения между этими "главными вещами" являются антагонистическими, набор мыслимых социальных идеалов оказывается удручающе невелик: либо разнузданный анархизм, либо казарменный коммунизм, либо, наконец, сомнительный компромисс, в рамках которого куцая свобода насильственно сочетается с урезанным равенством.

Этому отвечает еще более унылый набор гражданских "идеалов". Крайние из них вообще нежизненны, т.е. являются идеалами – "камикадзе": если бы Калликлу вздумалось с упорством и последовательностью Сократа воплощать в жизнь провозглашенный им идеал своеволия, можно не сомневаться, что сограждане помогли бы ему предстать перед Законом еще быстрее, чем его оппоненту.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Коль скоро жрецы чистого идеала хотят жить, – они должны идти на компромиссы со своим божеством. Сократу следует не путать суд с философским диспутом и потрафить "природе" своих сограждан, поугодничать перед ними, вместо того, чтобы резать им в глаза правду-матку. Калликлу же, если он хочет уцелеть в борьбе за власть, придется уважить презренный "обычай", заняться благотворительной деятельностью и возлюбить хотя бы некоторую часть ближних, – что, впрочем, он прекрасно понимает. Такие компромиссы могут быть не только внешними, но и внутренними, когда один идеал играет роль "отступного" по отношению к другому. В этом кроется загадка профессиональных разбойников, тайно жертвующих десятину на возведение храмов божьих, или святых-схимников, с периодичностью кометы срывающихся в необузданный разврат.

Отношения между полюсами идеала бывают и более изощренными: например, для предосудительных целей могут быть использованы похвальные средства, и наоборот. Так, борцы за собственную эгоистическую свободу могут выступать яркими поборниками всеобщего равенства, а сторонники тотальной уравниловки – надевать маску освободителей.

А между этими полюсами вращается целая планета человеческих борений и исканий, где страсти сгущаются по мере приближения к экватору, и где на одном полушарии Ставрогин ведет с Кирилловым академическую дискуссию о предпочтительных способах самоубийства, а на другом – аскеты и праведники препираются по поводу альтернативных форм умерщвления плоти...

Итак, выясняется, что жить в соответствии с идеалом попросту невозможно. Причем совсем не потому, что идеал высок, а человек греховен. Просто так устроен сам идеал. Из спора Сократа с Калликлом выяснилось, что он представляет собой антагонистическое противоречие, причем ни от одной из составляющих его противоположностей избавиться невозможно.

Верхний слой этого противоречия – роковая антиномия свободы и равенства, или же, выражаясь Калликловым "штилем", справедливости-по-природе и справедливости-по-обычаю. Калликл открыл эту антиномию чистого разума за две тысячи лет до Канта и сам пал первой ее жертвой.

Что же делать? Антиномии еще как-то можно терпеть в качестве заморских диких, куда они касаются академических проблем типа конечности или бесконечности вселенной, но примириться с их вторжением в священную обитель "вечных вопросов" никак невозможно.

Идеал принципиально противоречив!! И эту истину получают в награду пытливые мужи, не желающие довольствоваться растительным существованием и решившие обзавестись компасом для плавания в бурном океане житейских вод!

Бедняге Калликлу остается лишь проклясть тот день и час, когда его попутал бес в лице Сократа, и тщетно мечтать о возврате к безмятежной жизни сороконожки, еще не приступившей к исследованию причин собственного движения посредством уравниваний Лагранжа...

* * *

Нет, это не тупик. Философская нить Ариадны ведет отсюда в платоновский диалог "Парменид".

На праздник Великих Панафиней приезжает Парменид – пользующийся всегреческой славой, убеленный сединами философ из Элеи вместе со своим выдающимся последователем и учеником – Зеноном. При чтении сочинений Зенона в числе многих присутствует совсем еще юный Сократ. Он бесстрашно вступает в дискуссию сначала с Зеноном, а потом и самим Парменидом. Прославленный философ благосклонно беседует с талантливым юношей, лукаво расставляя при этом силки противоречий. Когда Сократ в них запутывается, Парменид спрашивает у него:

" – что же ты будешь делать с философией? куда обратишься, не зная таких вещей?"

– Пока я совершенно себе этого не представляю.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
- Это объясняется тем, Сократ, - сказал Парменид, что ты преждевременно, не поупражнявшись, как следует, берешься определять, что такое прекрасное, справедливое, благое и любая другая идея... Твое рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, но, пока ты еще молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать".

Что же имеет в виду мудрый Парменид?

" - что ты имеешь в виду? - спросил Сократ.

- Если ты желаешь поупражняться, то возьми хотя бы предположение, высказанное Зеноном: допусти, что существует многое, и посмотри, что должно из этого вытекать как для многого самого по себе в отношении к самому себе и к единому, так и для единого в отношении к самому себе и ко многому... Тот же способ рассуждений следует применять... к движению и покою, к возникновению и гибели и, наконец, к самому бытию и небытию".

Далее приводится собственно текст "упражнения", который производит на гуманитарных поклонников Платона неизгладимое впечатление: кажется, будто в текст "Пира", куда-то между речами в честь Эрота и вдохновенным монологом Алкивиада, вдруг оказался вставленным 100-страничный обрывок неизвестной программы для ЭВМ, писанной в машинных кодах.

" - Ну, что ж, - сказал Парменид, - если есть единое, то может ли это единое быть многим?"

- Да как же это возможно? - хором восклицают слушатели.

Но вскоре выясняется, что это возможно, и даже очень. Уже через каких-то сорок страниц Парменид подводит всех присутствующих к нижеследующему выводу, ясному как божий день:

"Когда единое переходит из единого во многое и из многого в единое, оно не есть ни единое, ни многое, оно не разъединяется и не соединяется; точно так же, переходя из подобного в неподобное, оно не есть ни подобное, ни неподобное, оно не уподобляется и не становится неподобным; наконец, переходя из малого в великое и равное и наоборот, оно не бывает ни малым, ни великим, ни равным, не увеличивается, не убывает и не уравнивается".

Однако, причем здесь истина и благо?

Так ли уж не право большинство, которое, по словам Парменида, именуется подобными упражнениями "пустословием"?

Но присмотримся к несовместимым идеалам Сократа и Калликла.

Разве не переходят они друг в друга и при этом каждый - в свою противоположность?

Итак, "роскошь, своеволие, свобода"?

Роскошь для Сократа - это величайшее его благо, - "роскошь человеческого общения".

Любое потребительское своеволие - ничто в сравнении со своеволием Сократа, который не желает знать ничего, кроме поиска истины, и которого даже угроза смерти не может остановить.

Наконец, сократовская свобода - это еще никем не виданная чарующая свобода всестороннего индивидуального развития, не ограниченного извне никакими рамками отчужденных социальных сил...

У самого входа в проблему человеческого идеала встречается диалектическое противоречие свободы и равенства. А значит и сама проблема должна решаться диалектическими средствами. Без них она не может быть даже поставлена, и остается либо застыть в бараньем оцепенении перед вскрытой антиномией, либо, окропив ее святой неопозитивистской водичкой, объявить неverified, нефальсифицируемой и, в конечном итоге, несуществующей.

Однако проблеме идеала пришлось ожидать продолжения диалектического

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org разбирательства свыше двух тысячелетий, пока не был разработан всесторонний "комплекс упражнений" в стиле Парменида. Это сделал Гегель.

"...Именно в том и сказывается глубина Гегеля, что он везде начинает с противоположности определений... и на ней делает ударение"[83].

Как известно, у Гегеля абсолютно все мыслимые понятия выступают лишь как моменты единого развивающегося целого – абсолютной идеи. В соответствии с этим он рассматривал реальные противоречия как внешние формы, способ существования этой универсальной сущности. Остается, стало быть, выяснить у самого идеи, каким образом она умудрилась разрешить в себе и для себя пресловутую антиномию свободы и равенства.

"В гегелевской ... философии по необходимости всякое противоречие выступает как противоречие существования". Типичной формой его преодоления "оказывается у Гегеля опосредование сторон противоречия некоторым третьим элементом"[84]

Из "философии духа" выясняется, что понятия "свободы" и "равенства" в своем историческом развитии достигают, каждое со своей стороны, понятия "государство", в коем и сливаются в предустановленной гармонии.

Поверхностные критики великого немецкого философа не осознают, однако, масштаба тех революционно-практических выводов, которые следуют даже из идеалистической трактовки диалектики. Оказывается, что разрешение тысячелетней загадки состоит не в мысленном метании между двумя несовместимыми идеалами, а в практическом создании государства, соответствующего своему понятию, в котором коллизия свободы и равенства обязана найти свое реальное разрешение. Таким образом, жизнь в соответствии с идеалом оказывается практической деятельностью по его воплощению.

Правда, что-либо преобразовывать приходится лишь в том случае, если вам не посчастливилось оказаться гражданином прусской монархии образца начала XIX столетия: злые языки утверждают, что она и без того как нельзя лучше соответствует своему понятию, представленному в гегелевской "Философии права".

Каков же этот прусский образец идеального супружества равенства со свободой?

Фактически Гегель предаёт здесь принцип равенства, намечая генеральную линию всей современной буржуазной философии в этом вопросе – линию на отказ от принципа равенства в качестве "платы за свободу".

"... Как раз высокое развитие и культура новейших государств порождают в действительности величайшее конкретное неравенство индивидуумов, обуславливая ... тем большую и тем более обоснованную свободу...

Внутренняя свобода, на основе которой субъект обладает принципами, имеет собственные взгляды и убеждения и в силу этого приобретает моральную самостоятельность, – отчасти уже сама по себе подразумевает весьма высокое развитие тех своеобразных качеств, в отношении к которым люди оказываются неравными и в которых они посредством этого развития делают себя еще более неравными".

Далее Гегель уже откровенно оставляет позиции философской логики и выступает как дитя своего времени, утверждая, что "... вместе с этим развитием своеобразия людей безмерно увеличивается также и множество их потребностей, и трудностей их удовлетворения, резонирование, недовольство существующим строем и связанное с этим неудовлетворенное тщеславие...", в связи с чем, по Гегелю, свобода находится "... во власти условий природы, каприза и произвола и, следовательно подлежит самоограничению, преимущественно согласно существу разумной свободы", [85] т.е., выражаясь менее изящно – согласно воле попечительствующего монарха.

* * *

Идеалист Гегель приводит нас к тому же, к чему пришел идеалист Платон – идеальному государству. Однако, если последний создавал свою утопию,

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org созерцающая "умопостигаемые эйдосы", то уважаемый профессор Г.В.Ф.Гегель списал свое понятие государства с природы – глядя из окна.

Спасаясь от безрадостного идеала – овладевшего собою мужа, дремлющего у переполненных сосудов, мы проделали по совету Парменида длинный путь, в конце которого, к сожалению, опять видим знакомую картину сонного царства.

Дремлет бюргер у переполненного сосуда с филистерской добродетелью. Дремят "разумно ограниченная" свобода и помятое равенство, забившись в противоположные углы позолоченной клетки образцового государства. Опочила в собственном лоне абсолютная идея, окончательно вернувшаяся к себе после утомительного странствия по разделам, параграфам, пунктам и подпунктам, примечаниям и прибавлениям "Науки логики", "Философии природы" и "Философии духа"...

Гегель отступил не только от принципа равенства. Несравненно важнее, что он изменил принципу развития, и тем самым в конечном счете изменил себе.

Не случайно Маркс в 1843 году начинает именно с того пункта, на котором дискредитировала себя система Гегеля, – с государства. Существенно, что его теоретическое отношение к государству как философа уже опирается на практический опыт отношения к нему как революционного демократа.

"Государство есть посредник между человеком и свободой человека... посредник, в которого он вкладывает всю свою человеческую свободу"[86].

При этом "... речь идет о свободе человека как изолированной, замкнувшейся в себе монады", поскольку существующее государство таково, что "практическое применение права человека на свободу есть право человека на частную собственность". А определяемая частной собственностью индивидуальная свобода "ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как осуществление своей свободы, а, наоборот, как ее предел..."

Аналогично определяется и "... равенство вышеописанной свободы, а именно: каждый человек одинаково рассматривается как такая самодовлеющая монада"[87].

Свобода "изолированных монад" есть единственный вид свободы, который возможен в рамках частной собственности, и является специфической свободой частной собственности. Свобода подобного сорта не может относиться к равенству иначе как антагонистически.

К счастью, человеческой свободе суждено надолго пережить частную собственность, перерастить узкие рамки, которые та ей устанавливает, и обрести новое, неизмеримо более высокое содержание. Эта истина была впервые провозглашена в "Манифесте коммунистической партии".

"... Вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия..." Но, скажут нам... "существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т.д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины... следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития".

К чему сводится это обвинение? История всех донныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они не принимали, эксплуатация одной части общества другой является фактом, общим всем минувшим столетиям.

Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого". [88]

Какой же новый идеал ставит коммунизм на место упраздняемой буржуазной свободы? Этим идеалом является всестороннее гармоничное развитие личности, реализующая его "ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех" [89]

В то время как в условиях частной собственности всякое расширение свободы возможно только за счет равенства, ценой его пропорционального уничтожения, – свобода, понимаемая как свободное развитие, мыслима только в условиях равенства и благодаря ему; абстрактная свобода и абстрактное равенство выступают здесь как нерасторжимые моменты единого развивающегося целого-ассоциации. Только в таком – подлинном, а не мнимом – коллективе "существуют для каждого индивида средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода" [90].

И здесь, в вопросе свободы, марксизм не пытается изобрести нечто невиданное, – напротив, он выступает естественным наследником всего лучшего, что создано в предшествующей ему гуманистической культуре. В этом идеале легко угадывается сократовский идеал "возвышающего душу общения" равных в их устремлении к истине, благу, красоте.

Каким же образом коммунизм придает гуманистическому идеалу жизненность?

Коммунистическая теория концентрирует свое внимание на той конкретной социально-экономической форме, которая на данном этапе общественного развития реально опосредует человеческую свободу и равенство. До тех пор, пока эта форма остается антагонистической, основанной на частной собственности, в отношениях свободы с равенством неизбежен антагонизм. Здесь, и только здесь, в царстве частной собственности, жить в соответствии с гуманистическим идеалом оказывается невозможно, поскольку сам идеал принципиально противоречив.

Какие же реальные силы разводят свободу и равенство к антагонистическим полюсам, делают реализацию гуманистического идеала невозможной?

Марксизм указывает, что это силы отчуждения, т.е. общественные производительные силы, которые в условиях господства частной собственности закономерно присваиваются обществом в форме отчужденных от человека и господствующих над ним производственных отношений.

"В существовавших до сих пор суррогатах коллективности... мнимая коллективность, в которую объединялись... индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. В условиях действительной коллективности индивиды в своей ассоциации и посредством нее обетают вместе с тем и свободу". Эта коллективность "представляет собой такое объединение индивидов (разумеется, на основе уже развитых к этому времени производительных сил), которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам как нечто самостоятельное именно вследствие их разъединения в качестве индивидов и вследствие того неизбежного для них объединения, которое было обусловлено разделением труда и стало, в результате их разъединения, чуждой для них связью" [91]

Поэтому альфой и омегой коммунизма является тезис, состоящий в том, что жизненность, практическая реализуемость гуманистического идеала может быть обеспечена только путем предварительного уничтожения частной собственности, преодоления отчуждения. В результате этого "законы... собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы... будут подчинены их господству... Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю... Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы" [92]

Коллизия свободы и равенства проходит через всю человеческую историю. Но если в границах царства необходимости это противоречие выступает как антагонизм, разрывающий внутренний мир человека, делающий невозможным жизнь

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org в соответствии с идеалом, – в эпохе гуманизма оно становится источником развития каждой личности и общества в целом, постоянно нарушаемым и вновь восстанавливаемым на более высоком уровне тождеством равенства и свободы возвышающих друг друга в своей деятельности свободных и равных индивидов.

Да, жить в соответствии с идеалом Сократа по прошествии двух с половиной тысяч лет по-прежнему невозможно. Дело уничтожения частной собственности, начатое Марксом, нам еще только предстоит.

Поэтому коммунистическим идеалом, жизненным идеалом Маркса является борьба за претворение в жизнь идеала гуманизма, т.е. революционное переустройство общества, уничтожение отчуждения, в результате которого только и станет возможным воплощение сократовского идеала в жизнь.

27.09 – 09.10.1984 г.

Москва

Часть 5 Основное противоречие эпохи
В трех беседах и трех приложениях

Из записи бесед с Б.В., директором одного из американских консервативных "мозговых трестов" 10, 13 и 15 декабря 1985 г.

В центре дискуссий находился сформулированный т. Горбачевым в Женеве тезис о необходимости качественно нового подхода в международных делах, основанного на концепции глобальной взаимозависимости. С советской стороны говорилось о том, что необходимо, на основе взаимно согласованного и совместно поддерживаемого военно-стратегического паритета, разделить сферу идеологического противоборства, где наша позиция была, есть и будет бескомпромиссной, и сферы экономических, политических, социальных и иных отношений, где объективно существующая взаимозависимость может и должна реализовываться в неантагонистических формах – от мирного соревнования и вплоть до сотрудничества. Главный контраргумент американской стороны состоял в том, что сферы этих отношений невозможно отделить от идеологической сферы, поскольку в самом фундаменте коммунистической идеологии находится тезис о неизбежной гибели капитализма и о том, что социализм будет его могильщиком, – тезис, в корне подрывающий, по мнению американской стороны, саму возможность мирного сосуществования, не говоря о сотрудничестве. Именно это мнение американской стороны послужило отправным пунктом для бесед с Б.В.

Б.В. признал, что со стороны администрации Рейгана, особенно в первый период его пребывания в Белом доме, было допущено немало резких антисоветских выпадов, включая слова президента об "империи зла" и "пепелище истории". Однако он утверждал, что все это было лишь данью пропагандистской риторике, определяемой политической конъюнктурой того периода. Существенным, по мнению Б.В., является то, что ни в одном идеологическом и идейно-теоретическом документе республиканской и демократической партий США не было и нет тезиса о том, что крушение коммунистической системы является объективным законом общественного развития, и что миссия капитализма – осуществить эту неизбежность. Именно наличие подобного тезиса в сердцевине коммунистической идеологии, в наших программных документах, делает, по мнению Б.В., ситуацию "несимметричной" и нестабильной: можно договориться со своим соперником, даже с врагом, но нельзя в принципе договориться со своим могильщиком, с человеком, который абсолютно уверен в неизбежности твоей смерти.

Б. В-у был предложен следующий подход к обсуждению его мнения: давайте представим, что в основе нашей политики оказался иной тезис, – о том, что современное западное общество в его нынешнем качестве существует вполне закономерно, имеет потенциал развития и будет сосуществовать с социалистической системой на протяжении всего исторически обозримого периода, – и постараемся уяснить, какие последствия это могло бы иметь в военно-стратегической, экономической и иных сферах отношений.

Б.В. ответил, что плохо представляет себе, как это могло бы осуществиться в настоящий момент. С одной стороны, во время его недавней поездки в КНР официальные лица говорили ему, что "больше не надеются найти у Маркса ответы на свои сегодняшние вопросы". В этом Б.В. усматривает первые

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org признаки отхода социалистических стран от догматизма в вопросах теории. Но положение о неизбежности гибели капитализма сложно подвергнуть пересмотру, поскольку оно является одним из краеугольных в доктрине марксизма.

Ему было разъяснено, что никто и не собирается ставить под сомнение эту непреложную истину. Речь идет не о пересмотре учения Маркса, а напротив, – о его подлинном освоении. Ю.В.Андропов писал, что каждый раз, когда говорят, что новые общественные явления "не вписываются" в концепцию марксизма-ленинизма, дело оказывается совсем в другом: в неспособности иных теоретиков, называющих себя марксистами, подняться до истинных масштабов теоретического мышления Маркса, Энгельса, Ленина, в неумении применить в процессе конкретного изучения конкретных вопросов громадную интеллектуальную мощь их учения.

Среди различных точек зрения наших ученых-обществоведов пробивает себе дорогу такая, в соответствии с которой со времен великого экономического кризиса 1929–33 гг. капитализм, строго говоря, уже не существует, и предсказание Маркса-Ленина давно осуществилось. Современное же западное общество представляет собой иное, качественно новое образование. Это как бы "тень" возникающего первым социализма, которая закономерно образуется, когда правящий класс развитых капиталистических стран перед лицом осознанной им реальной силы коммунистического движения, уже победившего в одной или нескольких странах, и в условиях небывалого обострения экономического кризиса, знаменующего полное исчерпание экономических возможностей капитала, идет во имя сохранения своей власти на кардинальные сдвиги, меняющие де-факто формационную природу общества. При этом он использует методы и средства планового руководства, частично опирается на научные экономические модели, идет на глубокое вмешательство в производственные отношения. В результате такого вмешательства правящая элита, сохраняя свою власть, объективно выходит за рамки класса капиталистов, становится над ним. В более явной форме это осуществил фашизм в Германии, в более скрытой – правящий класс США при администрации Рузвельта.

Согласно излагаемой точке зрения, современное западное общество по-прежнему является эксплуататорским, основанным на социальном неравенстве, реализующим чуждый нам элитарный идеал. Однако это уже не капитализм, т.к. капитал, оставаясь важным его элементом, уже не является в нем господствующим, он подвергается ограничению и плановому регулированию. Появление такой линии развития после победы социализма ни в чем не противоречит сути учения Маркса-Ленина; в свете этого отнесение тезиса о неизбежности гибели капитализма к современному западному обществу отражает просто непонимание сути дела.

Б.В. сказал, что подобная коррекция доктрины явилась бы поворотным пунктом (turning point) в отношениях между нашими странами. Он усматривает исторические аналогии между противоборством СССР и США – с одной стороны, и религиозными войнами в период реформации, борьбой раннего ислама с христианством и т.п. – с другой. СССР, по его словам, является более молодой силой, склонной к экспансии, характеризующейся идейной нетерпимостью, – в то время как США – более старой, допускающей плюрализм, ориентированной в большей мере на поддержание статус-кво. В такой ситуации именно экспансия нового центра сил, его нетерпимость является всегда источником нестабильности. Обычно это заканчивается установлением баланса сил на каком-то уровне и взаимным признанием права на существование. Именно с этой точки зрения Б.В. рассматривает отношения между США и СССР и, исходя из динамики формулировок в проекте новой редакции Программы КПСС по сравнению с ныне действующей, он считает, что развитие, хотя и медленно, движется к нашему признанию закономерно права на существование противоположной модели общества. Весь вопрос в том, когда это произойдет, и не возникнет ли раньше кризис, ведущий к военному столкновению сверхдержав.

В ответ было показано, что эти исторические аналогии являются поверхностными, не выражающими сути дела. Для того, чтобы обеспечить равную взаимную безопасность при современных средствах и методах ведения войны, совершенно недостаточно "баланса сил", "обоюдного признания интересов" и т.д. – необходимо прямое сотрудничество в военной сфере. Идея такого сотрудничества содержится даже в неприемлемой в целом для нас идее СОИ. Но реализация сотрудничества в такой сфере требует весьма глубокой степени взаимного доверия, в частности, как отмечал тов. Горбачев в Женеве, требует взаимного понимания тех основополагающих доктрин, исходя из которых каждая

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
сторона строит свою политику.

Центральная проблема наших взаимоотношений, которая требует предварительного теоретического разрешения, может быть сформулирована следующим образом: возможно ли, и каким образом, сочетать несовместимость, непримиримость, антагонизм наших общественных идеалов с такой степенью совместимости, согласуемости наших политических доктрин, наших концепций мирового развития, которая давала бы объективную, а не конъюнктурную основу для взаимного доверия, мирного соревнования и даже сотрудничества в военно-стратегической и иных сложных сферах.

Это невозможно в ситуации, когда существуют две доктрины, каждая из которых претендует на тотальную экспансию, а другую рассматривает как ошибку истории, досадное препятствие для такой экспансии.

Но это оказалось бы возможным, если была бы построена концепция общественного развития в новую эпоху, объясняющая закономерность существования и мирного сосуществования двух систем, каждая из которых реализует один из двух противоположных идеалов, и соревнование между которыми является главным двигателем мирового общественного развития.

В той части, в какой эта концепция не касалась бы оценок по существу каждого из идеалов, а отражала бы сам механизм взаимозависимости, - она и могла бы стать основой для реализации идей мирного соревнования и сотрудничества двух систем во всех сферах, кроме идеологии.

Б.В. задал вопрос, возможно ли, по мнению советской стороны, создание такой концепции, приемлемой для обеих сторон, и если да, то не будет ли она как-то связана с известной "теорией конвергенции".

Ему было сказано, что, по нашему глубокому убеждению, создание такой концепции возможно, но что уже имеющиеся проработки показывают: в условиях мирного соревнования будет происходить не конвергенция, а напротив - дивергенция, расхождение двух систем. По целому ряду объективных причин условия для детального обсуждения этого круга вопросов между нами еще не созрели, и создать их будет непросто. Одна из этих причин - отсутствие общего понятийного базиса для такого обсуждения: ведь дивергенция наших двух линий теоретического мышления начинается уже на уровне классической немецкой философии. Поэтому можно лишь попытаться кратко пояснить суть дела, прибегая к образам, взятым из самого фундамента объединяющей нас европейской культуры.

Уже в раннем диалоге Платона "Горгий" мы находим раздвоение социального идеала на два полюса: "справедливость по природе" и "справедливость по обычаю". "Справедливость по природе", которую отстаивает аристократ, политический лидер калликл - это неограниченная свобода сильной личности, это "природное" право сильного на "роскошь, своеволие, свободу" за счет насильственного ущемления прав слабых, потерпевших поражение в жизненном состязании. "Справедливость по обычаю", о которой говорит философ Сократ - это социальное равенство всех граждан общества, третируемое Калликлом как "заговор большинства" слабых и бездарных против ярких личностей.

Различие между всей предысторией человечества и новой эпохой, на пороге которой мы стоим, заключается, грубо говоря, в следующем. Во всех антагонистических обществах аристократический идеал "свободы" и демократический идеал "равенства" были идеалами противоборствующих сил внутри каждого общественного организма. В новой эпохе они становятся в первую очередь двумя противоположными идеалами, каждый из которых сознательно и целенаправленно шаг за шагом воплощает в своем социальном организме одна из двух противостоящих и соревнующихся систем.

Б.В. заметил, что если иметь в виду "свободный мир", то ведь в нем признается и принцип равенства - просто оно понимается как "равенство возможностей".

Было пояснено, что, естественно, сами идеалы и реализующие их общественные системы испытывают сильное взаимное влияние. Категории "свобода" и "равенство", подобно двум зеркалам, многократно отражаются друг в друге (это образ, данный еще Гегелем). Так, "равенство возможностей" - это всего лишь абстрактное отражение принципа равенства в "абсолютной свободе". С другой стороны, противоположная система, ориентированная на принцип

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org социального равенства, имеет свое понимание свободы – как прежде всего "свободы от эксплуатации".

Каждый из абстрактных идеалов, лишенный ограничивающего воздействия своей противоположности, абсолютизируется, окарикатурируется. "Абсолютная свобода" переходит в произвол "сверхчеловека" у Ницше, в фашистскую "белокурую бестию". "Абсолютное равенство" личности доходит до полного отрицания личности в системе Пол Пота.

Чтобы понять, какое место отводится принципу равенство в "свободном мире", можно вспомнить книгу Генри Уоллича "Цена свободы. Новый взгляд на капитализм", где говорится, что в качестве такой цены выступает отказ от принципа равенства. А можно просто взглянуть на эмблему "Херитидж фаундейшн", где, если мы не ошибаемся, изображен "Колокол свободы".

Не стоит спорить сейчас, на чьей стороне справедливость. Словами мы не убедим друг друга. Но необходимо, не откладывая, совместно решать важнейшую задачу: как создать теоретический фундамент, обеспечивающий такие условия, в которых наши системы перешли бы от все более опасного балансирования на краю ядерной пропасти к мирному соревнованию, в котором каждая из систем, как сказал тов. Горбачев в Женеве, могла бы доказать преимущество своего идеала путем примера.

Уже из самых общих контуров обсуждаемой концепции видно, что взаимозависимость носит глубокий, нетривиальный характер: наши две противоположные системы, хотя и того, или нет, вовлечены в единый механизм целостного мирового развития, причем их соревнование служит главным двигателем этого развития, а значит – и развития каждой из них. Поэтому попытка уничтожить свою противоположность была бы самоубийственна не только с военно-технической точки зрения; даже если бы это каким-то чудом удалось, "победитель" был бы обречен на стагнацию, остановку развития.

Давая оценку обсуждаемой концепции, Б.В. отметил, что она представляется ему весьма правдоподобной, заслуживающей доверия /very plausible/, что он считает своим долгом, по возвращении в США, обсудить всю ситуацию в Вашингтоне. Конечно, заметил он, в Америке найдется немало людей, которые скажут, что не видят смысла обсуждать подобные вещи, пока русские не идут на уступки в Афганистане, Никарагуа и т.п. Однако, найдется и немало политиков, идеологов, ученых, которые будут готовы к подобным обсуждениям и проявят большой интерес. Отвечая на вопросы, он уточнил, что имеет в виду не просто неформальные объединения, но и в том числе конкретные группы исследователей в рамках его исследовательского центра. Он также спросил, как могла бы выглядеть последовательность практических шагов по реализации такого видения концепции взаимозависимости.

В ответ было сказано, что говорить о практических шагах на данном этапе можно лишь в предельно общем виде. Во-первых, это собственно выработка исходной концепции, включая нахождение форм такой работы, выбор приемлемого для обеих сторон концептуального базиса, установление минимально необходимых границ согласия и т.д., что само по себе составляет беспрецедентную задачу в силу не только противоположности идеологий, но и долговременной взаимоизоляции общественных наук. Затем могло бы последовать взаимное признание выработанной концепции на официальном уровне. После этого, опираясь на достигнутый исключительно важный фундамент взаимного доверия, на точное знание о содержании и – главное – о совместимости политических доктрин друг друга, можно было бы слой за слоем возводить здание материально-практических отношений между двумя соревнующимися системами. Первый, базисный слой – военно-стратегический, обеспечивающий само существование и гарантированную взаимную безопасность участников исторического соревнования систем. Только в этих условиях, когда будет научно доказано и официально признано, что взаимное развитие, а не взаимное уничтожение, является законом "социальной природы", могут стать возможными такие вещи, как сотрудничество в военной области двух идеологически непримиримых систем вплоть до обмена оборонной технологией и т.п. Сегодня же, как показал руководитель нашей партии в Женеве, это не более чем утопические мечтания, не отражающие подлинную суть СОВ.

Возвращаясь к первому шагу – разработке исходной концепции механизма нашей взаимозависимости, важно отметить, что самый первый вопрос состоит в том, кто мог бы вести такую работу с американской стороны. Как бы это ни

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org казалось парадоксальным, но для такого рода сотрудничества более приемлемы правые республиканские идеологи, например, "неоконсерваторы", т.к. они, в отличие от более прагматичных, либеральных и т.п. идеологов демократической партии, более откровенно, последовательно отстаивают основные идеалы противостоящей нам системы, и тем самым представляют ведущую линию ее развития. А это и нужно для выработки контуров концепции взаимозависимости, тем более, как мы выяснили, ни на какие компромиссы по поводу содержания наших идеалов мы идти не собираемся, да этого и не требует содержание предстоящей работы.

Приложение 1 Марксистский тезис о неизбежности гибели империализма и концепция глобальной взаимозависимости

"Все мы имеем дело с растущей взаимозависимостью государств. Это - объективное последствие развития современного мирового хозяйства и, вместе с тем - важный фактор международной стабильности. Такую взаимозависимость мы должны приветствовать. Она может стать мощным стимулом для строительства устойчивых, нормальных, я бы даже не побоялся сказать, дружественных отношений".

М. Горбачев

Вопрос жизни и смерти для всей цивилизации, узловая неотложная проблема, вызывающая к новому политическому разуму, - проблема гарантированной взаимной безопасности двух "сверхдержав" и тесно связанная с ней проблема обеспечения их взаимного доверия.

Взаимозависимость двух противоположных систем неизбежно включает обоюдострую связь их исходных, базисных концепций мирового развития, исходя из которых каждая из сторон строит все здание своей политики. "Для тех, кто принимает решения, - говорил М.С. Горбачев в Женеве, - важно понять изначальный, исходный пункт формирования политики партнера, исходный замысел внешней политики..."

И далее: "Многое в развитии взаимоотношений между СССР и США зависит от того, как каждая из сторон воспринимает окружающий мир. Здесь, как нам представляется, особенно важно иметь четкое понимание исторических реальностей, учитывать их при формировании политики. В данном случае имею в виду и советское, и американское руководство".

Жесткая объективная необходимость не позволяет дальше откладывать осознание того сильного дестабилизирующего влияния, которое оказывает на ход всего мирового развития зафиксированный в наших программных документах тезис о неизбежной гибели противостоящей нам общественной системы и о том, что социалистическая система призвана быть ее могильщиком.

В исходной редакции третьей программы КПСС он был сформулирован предельно остро: "Мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата".

В проекте новой редакции сделан ряд шагов в направлении учета исторических реальностей: формулировка "эпоха крушения империализма" устранена из определения основного содержания современной эпохи, империализм характеризуется как "все еще сильный и опасный, но уже прошедший точку своего зенита". В выступлении перед представителями американских деловых кругов М. Горбачев говорил о том, что "нам придется жить на этой планете вместе" и о том, что "это надолго". Однако, смягчая звучание основного тезиса, все эти уточнения не отменяют и не затрагивают его взрывной сути.

Но разве мыслимо усомниться в истинности учения Маркса и Ленина о неизбежном крахе капитализма и империализма? Конечно же, нет. Но дело в том, что это предвидение основоположников научного коммунизма давно уже осуществилось.

Речь идет совсем о другом. Необходимо отбросить абсолютно фантастическое представление о том, что противостоящая нам общественная система все еще является государственно-монополистическим капитализмом. Эта нелепость постоянно некритически воспроизводится представителями наших общественных наук и не имеет никакого отношения ни к Марксу, ни к Ленину, - более того, она прямо противоречит всем ленинским оценкам.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org действительно, это бросается в глаза даже без обращения к сути дела. Фаза классического капитализма /развивающегося на базе завершенной промышленной революции/ продолжалась от 40 /Германия/ до 70 /Англия/ лет. Империализм как высшая и последняя стадия капитализма, по оценкам Ленина, развивался около 15 лет до момента достижения им своей последней ступени - государственно-монополистического капитализма /ГМК/, - "между которой /ступенькой/ и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет" /В.И.Ленин, ПСС, т.34, стр.193/. Если наши теперешние марксисты были бы правы, выходило бы, что последняя ступень последней стадии капитализма существует уже 70 лет, т.е. больше, чем весь капитализм в целом! По отношению к такому вкладу в марксизм уместно вспомнить слова, в сердцах сказанные однажды Марксом: "Я знаю только одно, что я не марксист".

Анализ, следующий подлинным взглядам Маркса на природу частной собственности, опирающийся на ленинскую теорию многоукладности, показывает, что капитализм в развитых странах в целом перестал существовать уже в первые полтора десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции. Противостоящее нам сегодня эксплуататорское общество является сложным многоукладным социальным организмом, в котором развитый капиталистический уклад продолжает существовать, но уже не является при этом господствующим. Уклад, который господствует сегодня над капиталом /и над всеми прочими, включая государство/ - финансовая элита, которая, реализуя научное понимание части объективных закономерностей общественного развития, используя развитые элементы планового экономического управления, опираясь на механизм тайной власти, шаг за шагом ограничивает сферу "анархии общественного производства" и постепенно овладевает системой общественных отношений, преобразуя их в интересах правящего меньшинства.

Этот уклад естественно назвать элитаристическим, а управляемую им общественную систему в целом - элитаризмом. Элитаризм является /как это можно доказать с помощью теоретических средств, завещанных Марксом и Лениным/ неизбежной "тенью" социализма на всем протяжении эпохи социализма и коммунизма. Его появление в наиболее развитых капиталистических странах было закономерно обусловлено победой российского пролетариата и осуществилось в различных формах /от рузвельтовской до фашистской/ в условиях великого экономического кризиса.

Миф, витализирующий призрак ГМК, почившего свыше полувека назад, с одной стороны, порождает упомянутый тезис о "неизбежной гибели", который выполняет роль абсолютно ненужного нам детонатора в международных отношениях, а с другой лишает новое политическое мышление теоретической основы и предсказательной силы, присущей марксизму. Вместо трезвого учета исторических реалий, теоретического осмысления накопленных монбланов эмпирического материала политическим руководителям предлагается лишь бесплодно повторяемое заклинание о "противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения". Это противоречие, конечно, по-прежнему присуще капиталу как укладу; что же касается элитаризма в целом, то необходимо отдать себе отчет, что он, как и социализм, обладает средствами сознательного объективного выявления и поэтапного снятия противоречий своего развития. Основное противоречие капитализма постепенно перестает действовать, т.к. форма присвоения в условиях элитаризма перестает быть частной; элитаризм, как и социализм, постепенно устраняет частную собственность, но только на смену ей приходит не общественная собственность /как при социализме/, а корпоративно-элитаристическая собственность правящего слоя. Таким образом, элитаризм, в отличие от капитализма, не несет внутри себя какое-либо принципиально неразрешимое экономическое противоречие, фатально обрекающее его на гибель.

Историческая борьба классов пролетариата и буржуазии в наступающую новую эпоху переходит в качественно иную, высшую форму противостояния двух мировых систем - социализма и элитаризма. Элитаризм является эксплуататорским обществом, основанным на неравенстве и реализующим в своем развитии глубоко чуждый нам антидемократический идеал. Однако, антагонизм социальных идеалов, непримиримость идеологического противоборства вовсе не означает необходимости вести борьбу на уничтожение в военной, экономической и политической сферах. "Конечно, разногласия между нашими странами останутся. Сохранится и соперничество. Но надо сделать так, чтобы оно не переходило рамки дозволенного, не вело к военной конфронтации. Пусть каждая из общественных систем доказывает свои преимущества путем примера". Более того, в форме концепции взаимозависимости выражается понимание объективной

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org реальности предстоящей эпохи, в которой соревнование двух систем, реализующих противоположные социальные идеалы, станет сердцевинной механизма мирового общественного развития.

Итак, сохранение в наших программных документах антинаучного представления о том, что противостоящая социализму общественная система все еще является "капиталистической", в корне подрывает саму возможность достижения взаимного доверия между СССР и США и решения ключевой проблемы взаимной безопасности. Оно является главным препятствием на пути развертывания и практической реализации концепции взаимозависимости, выдвинутой М.С.Горбачевым. Оно дает в руки классовому противнику неопровержимый аргумент против любой нашей мирной инициативы в области разоружения. Оно, наконец, объективно дезориентирует и расхолаживает часть сил, борющихся против элитаризма, порождая утопические надежды на его "естественную экономическую смерть".

Таковы практические негативные последствия этого представления, но еще больший вред оно наносит в области теории. Некритическое его воспроизведение в проекте новой редакции Программы партии извращает всю картину современной эпохи, приводит к абсолютно неверному определению ее основного содержания. Оно не позволяет дать ответы на ряд принципиальных, ключевых, острейших проблем современности. Так, в частности, в проекте практически полностью замалчивается вопрос о целях, этапах, стратегии и тактике борьбы коммунистов в странах Запада. Представления о том, что нам все еще противостоит "капитализм", ведет к резкой недооценке потенциала классового противника, к непониманию закономерностей развития противостоящей нам системы и неспособности предсказать ближайшие его этапы. В целом это представление служит ярким проявлением того факта, что наша теоретическая мысль в течение десятилетий фактически блокирована, что обрекает нас на необходимость двигаться "эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок" /Ю.В.Андропов/.

Приложение 2 Новое политическое мышление перед проблемой "Стратегической оборонной инициативы"

Если пытаться выразить мироощущение, сам дух переживаемого момента истории, нужно говорить о нарастающем осознании высоты порога, в который уперлось движение человеческой истории, остановилось, в то время как сзади накатывается неумолимый вал ядерно-космической смерти. Ее сердцевина – зловещий закон развития технологии уничтожения – заключена в политико-экономическую оболочку неконтролируемой гонки вооружений.

Преодолеть этот порог – для человечества будет означать войти в новую эпоху, впервые в истории обрести самосознание. Ибо жизненно необходимый крутой поворот, революционную перестройку во всей системе международных отношений возможно осуществить только сознательно и сообща.

Проблема потери контроля над гонкой вооружений нашла свое предельно концентрированное выражение в тупиковой ситуации, сложившейся по вопросу о пресловутой "стратегической оборонной инициативе".

В связи с выдвиганием идеи "стратегической оборонной инициативы" и фактическим развертыванием работ по ее реализации наша страна объективно находится в значительно более сложном положении, чем это принято представлять. Существует целый ряд причин, по которым эту начавшуюся реализацию уже невозможно остановить, ни на практике, ни даже в теории.

В настоящее время Запад имеет ряд известных технологических и экономических преимуществ, и правящая олигархия во что бы то ни стало постарается их реализовать в интересах борьбы с мировой системой социализма. Однако, если бы это была единственная или, хотя бы, главная пружина гонки космических вооружений, существовала бы возможность остановить или затормозить этот процесс политическими средствами, путем переговоров с США. Однако, реальная ситуация неизмеримо серьезнее.

Во-первых, в виде пресловутой "Стратегической оборонной инициативы" перед нами предстает объективная логика развития технологии, закономерного появления качественно-нового типа технологических систем. В истории не случайно не было прецедентов, когда подобное развитие было бы остановлено политическими средствами. К тому же сегодня фронт новой волны научно-технического прогресса образуют не только и не столько научные

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org лаборатории, сколько тысячи "венчурных" фирм (представителей т.н. "рискового капитала") на всех континентах.

Во-вторых, идею СОИ движет могучий экономический интерес транснационального военно-промышленного комплекса, и этот интерес невозможно "отменить" или "запретить", поскольку он уже успел материализоваться в разветвленную систему производственных отношений.

Правительство США, даже если бы у него и возникло такое противоестественное намерение, не могло бы остановить ни одну из этих мощных сил.

Представление о том, что проблему стратегической оборонной инициативы можно разрешить, заключив то или иное двустороннее соглашение с правительством США, есть современный вариант идеализма, причем слово "идеализм" употреблено здесь не в ругательном, а в самом строгом, марксистском смысле.

Для коммунистов, для всех тех, кто понял Маркса или хотя бы внимательно прочел его работы, должны быть совершенно ясны два следующих обстоятельства. Во-первых, качественно новые производительные силы в истории, как правило, появляются именно в непосредственной связи с военными нуждами, с деятельностью армии [93]. Во-вторых, что самое главное, на всем протяжении предыстории логика общественного развития такова, что производительные силы общества выступают по отношению к человеку как отчужденные, порабащившие его, в конечном итоге – как разрушительные силы [94]. Хотя в нескольких странах коммунисты уже кладут конец этой бесчеловечной логике, мир в целом, пронизанный отношениями взаимозависимости, продолжает пока двигаться по прежним рельсам. Более того, в виде СОИ мы наблюдаем смертельно опасную кульминацию этого движения: развитие качественно новых средств производства, выступающих в извращенной оболочке технологии космических вооружений, и развитие системы производства средств производства, производительной силы кооперации, в уродливом облике ВПК, доводят до рокового предела отчуждение, превращение производительных сил в силы разрушительные.

Теперь уже можно ясно видеть и с инженерной точностью констатировать, в чем состоит этот роковой предел.

Новая технология вооружений сокращает время на принятие решений с десятков минут до десятков секунд. Это означает, что политические решения в этой сфере раз и навсегда должны уступить место автоматическим. В ситуации противоборства двух сверхсложных автоматов, обладающих нулевой степенью взаимного доверия, и в отсутствие контролирующего политического разума, первая же компьютерная ошибка, аналогичная сотням уже случившихся, станет последней. В пределе же не остается места и для автоматических решений. В прежней технологии стратегических вооружений наступательное и оборонительное оружие срабатывало с первой космической скоростью, система раннего оповещения – со скоростью света (оптические и радиосигналы, токи в компьютерах), и это различие скоростей давало временной зазор для принятия решений. В новой технологии скорость нападения и защиты в принципе равна скорости оповещения; времени для анализа и принятия решений больше нет.

Таков роковой предел, конкретный тупик, в который загоняет человечество основное противоречие завершающейся эпохи – противоречие между общественным характером производительных сил и извращенной формой их существования, частной формой присвоения. Таков подлинный теоретический статус "проблемы стратегической оборонной инициативы".

Многочисленные организации типа "Союза обеспокоенных ученых", на разные лады живописующие фатальный исход гонки вооружений, не отдают себе отчета, что даже доказав эту фатальность с точностью теоремы Пифагора, они не решат проблемы.

Одной лишь "пружины чести" было достаточно, чтобы довести до рокового конца дуэль двух друзей. Чтобы остановить адскую машину гонки вооружений, необходимо сначала уравновесить движущие ее могучие пружины экономических и политических сил и интересов, а затем обуздать их и превратить в производительные силы. Несмотря на очевидное благородство помыслов ученых, надежда остановить материальную силу с помощью идеи "ядерной зимы", попытка воззвать к разуму человека, игнорируя всю совокупность его объективных отношений, есть другой, еще более утопический вариант современного идеализма.

Найти подлинное, марксистское решение "проблемы СОИ" – значит установить такую систему международных отношений, которая бы позволила извлечь развивающиеся производительные силы из их нынешней смертоносной оболочки и поставить их на службу человечеству. При этом ни развивающаяся технология "звездных войн", ни зловещая машина ВПК не могут чудесным образом "исчезнуть"; эти могучие силы необходимо направить в новое, искусственное русло, и заставить вращать турбины прогресса.

Именно в разрубании этого беспрецедентного узла проблем то новое политическое мышление, о котором было сказано в Женеве, должно доказать свою широту, мощь и диалектическую смелость.

Критическая связка, которую необходимо разорвать в первую очередь, состоит в том, что новый щит, находясь в тех же руках, что и меч, вместо оборонительного средства оказывается мощным дестабилизирующим фактором. А поскольку связку щита и меча скрепляют вполне конкретные экономические и политические интересы, о которых говорилось выше, – их необходимо либо нейтрализовать, либо противопоставить им другие, еще более весомые.

Существует единственный путь, на котором, по форме принимая все предложения, считающиеся сегодня абсолютно неприемлемыми, по содержанию мы не только кардинально решаем проблему всеобщей безопасности, совершаем прорыв в новую историческую эпоху, но на самом старте этой эпохи получаем важнейшие политические, экономические и технологические преимущества.

Мы должны объявить, что полностью принимаем идеи о создании космического щита, обоюдном открытии военных лабораторий и о надежном взаимном контроле. Однако, это принятие необходимо обусловить двумя важнейшими требованиями. Во-первых, ни на минуту нельзя допустить, чтобы сторона, приобретающая щит, имела в своих руках и меч. А во-вторых, сам щит должен быть чисто оборонительным /существующие уже сегодня варианты технологий позволяют этого добиться/. Но поскольку идея предварительного взаимного разоружения двух сверхдержав и, тем более, одной из них доказала свою утопичность, эти требования могут быть удовлетворены только в том случае, если космический щит, с самого начала и до конца, будет принадлежать некоей третьей стороне.

Эта сторона-посредник может быть образована на базе существующих структур – например, движения неприсоединения или ООН. Важнейшими при этом являются следующие элементы:

1. Сторона-посредник фактически должна представлять жизненные интересы мирового сообщества.
2. Она будет осуществлять создание космического щита, главным образом, за счет соответствующей доли военных бюджетов сверхдержав, но также при участии других стран, имеющих в своем арсенале стратегические наступательные вооружения.
3. Она должна быть связана с обеими опосредуемыми сторонами строгим обязательством не создавать собственных стратегических наступательных вооружений, обязательством, гарантированным системой надежного взаимного контроля всех трех сторон.

Сторона-посредник, развертывающая над человечеством космический щит, отнюдь не является очередной утопией в духе Римского клуба. Можно доказать, что ее возникновение на стыке двух исторических эпох является объективной необходимостью общественного развития. Но и на эмпирическом уровне можно показать, как реализация этой идеи обеспечивается существующей сегодня в мире расстановкой сил и объективных интересов.

Мощная поддержка "третьего мира" будет обеспечена за счет утилизации одной старой идеи, которая только в этих условиях и перестанет быть утопией. Беспристрастный и, в перспективе, все более надежный [95] космический щит обесценивает накопленные огромные запасы стратегических наступательных вооружений и создает материальные условия и гарантии для действительного разоружения. А по мере осуществления разоружения определенная доля высвобождающихся средств будет передаваться стороне-посреднику на нужды развития "третьего мира".

Может показаться, что главным камнем преткновения на пути реализации этих

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org идей станут интересы транснационального военно-промышленного комплекса. На самом деле все обстоит ровно наоборот. Так называемому ВПК суждено в конце концов, претерпев ряд изменений, оказаться в роли одной из главных заинтересованных сторон. Экономическая суть ВПК состоит в том, что он является частью производственного комплекса, ориентированной не на рынок, а на правительственные заказы, обеспеченные соответствующими субсидиями. В данном случае военную музыку заказывает именно тот, кто платит, т.е. правительство, и уже затем возникает "положительная обратная связь". Некритическое представление о том, что пристрастие к производству именно военной продукции является органическим пороком ВПК, отражает непонимание сути этого комплекса. Его подлинный экономический интерес состоит в стабильных, гарантированных, обеспеченных субсидиями заказах на производство технологически сложной продукции, что и обеспечивает сверхприбыли безотносительно к конкретному назначению производимой продукции и экономической конъюнктуре. Из этого вытекает замысел стратегии, направленной на переориентацию ВПК, превращение его в производительную силу.

События примут неожиданный оборот, если в роли заказчика вместо правительства окажется третья сторона-посредник. На первом этапе она будет озабочена размещением заказов на разработку и создание космического щита, и совершенно естественно, что часть ее подрядчиков составят те же "Макдоннел-Дуглас", "Локхид", "Мартин-Мариетта" и т.п. (тем более, что это можно заранее оговорить в соответствующем международном договоре). Понятно, что на этом этапе ВПК не только будет производить прежнюю продукцию, но и получать субсидии в прежних объемах и практически из тех же источников.

Но более того, по завершении программы "Космический щит" ВПК не придется метаться в поисках новых заказов и проталкивать новые дорогостоящие системы вооружений. Поток субсидий уже не иссякнет и будет даже нарастать по мере осуществления разоружения. В роли заказчика вместо правительства с их переменной военной стратегией окажется сторона-посредник, осуществляющая стратегическую программу развития "третьего мира", рассчитанную на целую эпоху. Вместо того, чтобы непосредственно отдавать деньги слаборазвитым странам, которые сами оказываются не в состоянии их использовать, сторона-посредник сможет осуществлять их подлинное развитие, только опираясь на экономический потенциал развитых стран.

Последним из возражений, которые можно выдвинуть против этой идеи, является традиционный аргумент, что для военной промышленности крайне болезненной была бы перестройка на такого рода продукцию. Но это возражение - всего лишь пропагандистский стереотип, не затрагивающий сути дела.

Во-первых, геофизические ракеты и носители для запуска спутников связи принципиально не отличаются от "СС-20" и МХ, сверхзвуковые пассажирские лайнеры - от В-1, супертанкеры - от авианосцев.

Во-вторых, задача осуществления подлинного развития третьего мира намного превышает по своей сложности задачу освоения околоземного пространства (и даже включает последнюю в себя). А поэтому она без остатка потребует мобилизации всего научного и технологического потенциала нынешнего ВПК. И наконец, никакой коренной перестройки технологической базы ВПК на производство мирной продукции вовсе не потребуются: современные средства производства, базирующиеся на гибких технологиях, уже в обозримом будущем станут возможным без какой бы то ни было реконструкции переключать с производства ракет на производство конфет.

Не стоит объяснять, что сказанное имеет вполне определенное отношение и к нашей военной промышленности.

Переориентация экономического интереса западного ВПК устраним сам экономический фундамент здания современной гонки вооружений, от которого останется "чистый осадок" в виде кучки зоологических антикоммунистов и ретроградствующих поджигателей войны. Таким образом, будет достигнута важнейшая программная цель нашей партии - обеспечение мирных условий для исторического соревнования двух противоположных систем.

Решение проблемы войны и мира, проблемы безопасности и взаимного доверия, стоящей в центре мировой политики, является, с одной стороны, неизбежным, единственным, а с другой - совершенно естественным, поскольку оно не "изобретено", а выведено из объективных тенденций общественного развития.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Выражаясь математическим языком, соответствующая теорема существования и единственности решения может быть строго доказана средствами марксистской методологии.

Однако, это ясно ощущается и без строгих доказательств, поскольку все идеи, составляющие это решение, по отдельности уже носятся в воздухе, при этом, правда, находясь в противоречии друг с другом. Но последнее лишь говорит о том, что они составляют различные части, стороны единого развивающегося целого. А поскольку не только объективные, но и субъективные предпосылки уже созрели, синтез этого целого готов осуществиться в любой момент в головах теоретиков Социнтерна или философствующих технократов Римского клуба, мыслителей движения неприсоединения или, наконец, идеологов "Херитидж Фаундейшн", чей интеллектуальный потенциал оказался достаточно высок, чтобы произвести на свет политическую мину СОИ.

Как бы то ни было, альтернативы этому решению не существует. Неумолимой логикой развития военной технологии на его реализацию человечеству отпущено меньше четверти века. В случае промедления первые ростки новой эпохи навечно покроют снега "ядерной зимы".

Предстоящее решение, которое спасет мир от ядерной катастрофы, на весах истории сопоставимо только с Октябрьской революцией 1917 года. Эти два события знаменуют собой начало и конец переходного периода, разделяющего, по Марксу, предысторию человечества и его подлинную историю.

Приложение 3 Об основном содержании современной эпохи

Решение проблемы взаимной безопасности, устранение угрозы ядерной войны и разоружение – подлинный ключ, открывающий человечеству двери в новую эпоху. Но, подбирая этот ключ, важно отдать себе отчет, что то политическое положение, которое займет наша страна в результате решения проблемы безопасности, – потенциал развития, груз проблем, состав союзников и противников, – одновременно будет исходной позицией в соревновании двух систем, которое составит содержание новой эпохи. Поэтому уже для сегодняшних решений необходимо ясно понимать, в чем будет состоять соревнование двух систем: какие именно преимущества должны быть "доказаны путем примера", кому адресован этот пример и, наконец, каковы правила самого соревнования.

Основное содержание предстоящей эпохи составляет историческое соревнование двух систем, каждая из которых сознательно и последовательно реализует в своем развитии один из двух противоположных идеалов: аристократический идеал "Свободы", успеха в конкурентной борьбе в противостоянии с демократическим идеалом "Равенства", социальной справедливости, шаг за шагом реализуются в двух системах общественных отношений и в двух типах личности. По сути своей – это соревнование за преимущество того или иного образа жизни.

Противоречие между двумя общественными системами составляет главный источник, движущую силу развития новой эпохи. Обратной стороной борьбы этих противоположностей является их единство, которое пробивает себе дорогу в новом политическом мышлении через концепцию взаимозависимости, провозглашенную в Женеве. Соревнующиеся системы противоположны, непримиримы в своих идеалах, но они же тем самым закономерно сосуществуют и, более того, необходимы друг для друга.

Роль общественных идеалов при переходе в новую эпоху претерпевает кардинальное изменение. До сих пор, на протяжении всей эпохи "предыстории" /по выражению Маркса/ аристократический и демократический идеалы были, соответственно, идеалами эксплуататоров и эксплуатируемых и лишь отражали подлинный двигатель этой эпохи – материальный классовый интерес. В новой эпохе идеал играет роль принципа, по которому сознательно возводится здание общества на основании познанных закономерностей развития.

По мере того, как противостоящие идеалы будут все более зримо и материально воплощаться в альтернативных типах общественного устройства, политическое размежевание в мире все меньше будет обуславливаться динамикой неосознанных общественных законов и отчужденных сил, и все больше – ориентацией на осознанный выбор одного из полярных идеалов. Поэтому, как бы ни казались незыблемыми сегодняшние границы двух систем, – подлинное размежевание политической карты мира еще впереди. Конечно, основное ядро в виде двух

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org узких группировок, ориентированных на СССР и США, по всей видимости, сохранится. Но, поскольку демократический идеал социальной справедливости по своей природе был, есть и будет идеалом большинства, при правильной политике закономерно осуществится значительное перераспределение цветов на карте мира. Под знамена социального равенства встанет большинство стран нынешнего третьего мира, практически все подлинные социалисты и социал-демократы, значительная часть клерикалов и т.п. Практически, противоположный идеал индивидуалистической свободы сохранит свою власть незыблемой лишь в англо-саксонском мире, где он исторически является сильной культурной доминантой. Наконец, в ряде стран нынешнего "Запада", где оба идеала традиционно имеют сильные позиции, возможно появление демаркационных линий между зонами их влияния, социально-культурных аналогов границы между двумя германскими государствами.

По мере того, как машина гонки вооружений под международным контролем будет остановлена и обращена вспять, навеки унося с собой понятие "военной тайны", по мере того, как в эпоху мирного соревнования двух систем будет сниматься с повестки дня проблема "государственной безопасности" в ее нынешнем понимании, наконец, по мере того, как будут нивелироваться имеющие глубокие исторические корни различия в материальном и культурном уровнях жизни между "Востоком" и "Западом" - шаг за шагом отпадут все нынешние ограничения как в эмиграционной, так и в иммиграционной политике. Принцип взаимного сбалансированного открытия границ станет безусловным принципом соревнования двух систем: в той степени, в какой каждая из них откроет свою границу для свободного выезда, она будет обязана открыть ее и для въезда всех желающих. На ранних этапах миграция той части населения, которая все еще ориентируется не на обусловленный идеалом образ жизни в целом, а на уровень материального благосостояния, послужит одним из механизмов повсеместного выравнивания такого уровня. В перспективе содержание всего огромного резервуара "третьего мира" распределится по системе из двух сообщающихся и соревнующихся сосудов. В условиях такого соревнования открытие границ покажет преимущество социалистического образа жизни, как это и должно быть в соответствии с давним предсказанием В.И.Ленина.

Часть 6 Конспекты, фрагменты, черновики, письма

83.11.18 - 12.13 { Из тезисов о теории реального социализма }

Считается, что при переходе от капиталистического способа производства к коммунистическому общественный характер отношений собственности впервые не возникает в недрах старого способа производства, а должен декретироваться и строиться с самого начала уже после победы революции.

Однако такая точка зрения вовсе не вытекает из логики марксизма, а представляет собой возведение единичного исторического факта в ранг всеобщего.

Капиталистическая собственность не представляет собою нечто монолитное, нерасчлененное. В ее развитии принято выделять ряд качественно различных форм, таких как индивидуальная, монополистическая, государственно-капиталистическая, акционерная и т.д.

Но в этом развитии уже содержатся моменты снятия капиталистической собственностью самой себя в качестве сущностной границы способа производства.

Рассмотрим в этой связи кажущуюся коллизию между двумя высказываниями Маркса относительно акционерной формы собственности. С одной стороны, Маркс пишет, что акционерный капитал является "последним полаганием капитала в адекватной ему форме" (т.46, ч.II, стр.162). А в другом месте он утверждает, что акционерный капитал есть "упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства" (т.25, ч.I, стр.479).

Эти высказывания, действительно, противоположны, поскольку они выражают две противоположности, составляющие диалектическое противоречие. Акционерная собственность есть именно такое противоречие, поскольку капиталистическая собственность, с одной стороны, полагает себя в ней как одну из своих форм, а с другой стороны - снимает себя в ней как таковую. Или, точнее выражая ту же мысль, акционерная собственность есть граница в движении капиталистической собственности, переходя через которую, она перестает

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org полагать себя в своих качественно различных формах и начинает себя снимать во имя полагания себя в качестве общественной производительной силы.

Уже государственно-капиталистическая собственность является вовсе не одной из частных форм капиталистической собственности, а развитой формой ее снятия в собственных рамках и полагания ее (в этих же рамках) в качестве производительной силы.

Государственная собственность, как указывает Энгельс в "Анти-Дюринге", не разрешает основного противоречия капитализма, "но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения" (т.20, стр.290).

Общественный характер отношений собственности складывается уже внутри капиталистической формации или, говоря точнее, складываются формы обобществления этих отношений. Именно в этом смысле следует понимать известное положение марксизма о том, что государственно-монополистический капитализм содержит предпосылки коммунистического способа производства. Такими предпосылками являются именно формы обобществления отношений собственности, а отнюдь не крупное машинное производство, которое, как постоянно подчеркивает Маркс, полностью адекватно капиталистической форме производства.

86.05.31 Аргументы к теме "Элитаризм"

1. В ряде работ Маркса и Энгельса содержится положение о том, что класс капиталистов, наряду с классом пролетариев, также поработен отчужденными производственными отношениями, частной собственностью, и нуждается в освобождении от этих оков. "Самовозрастание капитала - создание прибавочной стоимости - есть ... совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста, на одной стороне, выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и, с другой стороны, - на противоположном полюсе". [96]

Однако, эта линия не получила в творчестве Маркса и Энгельса дальнейшего развития. Это связано с тем, что финансовая олигархия созрела как класс, способный осознать необходимость уничтожения частной собственности (элитаристическим путем), уже в конце XIX столетия, после смерти основоположников марксизма.

2. При жизни Ленина вся совокупность работ Маркса, содержащих основы теории уничтожения частной собственности, оставалась неизвестной. Эти работы - "Экономическо-философские рукописи 1844г.", "Немецкая идеология", "Экономические рукописи 1857-61 гг." и др. были опубликованы частично - в 30-е, а в целом - лишь в 50-е годы. К представлению о роли олигархии Ленин двигался иным, своим путем. Оно естественно выросло из ленинской теории многоукладности, его теории империализма и гениальной идеи о победе социализма первоначально в одной стране.

"Империализм стремится заменить демократию вообще олигархией". [97]

3. То, что наши обществоведы именуют современным западное общество "государственно-монополистическим капитализмом" - целиком на их совести. Ленин вкладывал в этот термин вполне определенное содержание. Он называл так совершенно конкретное образование периода 1-й империалистической войны (и отчасти - периода непосредственной, мобилизационной фазы подготовки к ней).

По Ленину, полный, завершённый ГМК - это уже вовсе не капитализм: в нем нет рынка, конкуренции, свободы вкладывания и т.п. Полный, завершённый ГМК - это уже не капитализм и еще не социализм.

"Здесь мы имеем "последнее слово" совершенной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм". [98]

А если на месте военно-буржуазного государства возникнет не диктатура

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
пролетариата, а диктатура финансовой элиты?

4. Пролетариат побеждает в классовой борьбе не потому только, что ему "нечего терять..." (рабам тоже было нечего терять), не потому, что он объединен и организован (рабы в Риме тоже были объединены), а потому, что в его борьбе находит разрешение основное противоречие капитализма, борьба производительных сил, имеющих общественный характер, с частной формой их присвоения, т.е. частной собственностью. Государственно-монополистическая собственность диктатуры пролетариата устраняет экономические кризисы.

Но почему корпоративно-элитаристическая собственность не устраняет их?

А она их устраняет. Но только временно, пока в условиях внешней военной угрозы элита существует и правит как целое. Стоит этой внешней принудительной причине отпасть - капиталисты, составляющие большинство этой элиты, возвращаются к своей исконной форме деятельности: конкурентной борьбе каждого против всех. Правящая элита распадается, форма присвоения производительных сил опять становится частной. Как следствие, проблема кризисов вновь встает.

5. Превратиться в элиту, управляющую собственностью класса капиталистов как единым целым, для этого класса означает, строго говоря, ликвидировать самого себя - такова плата за сохранение власти. Добровольно он на это не идет - только под давлением внешней, военной угрозы.

А если эта угроза приобрела бы постоянный характер?

6. Вспомним Маркса: "Одержав победу, пролетариата никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность - частная собственность". [99]

Аналогично, класс капиталистов может "победить" пролетариат, только уничтожив себя как класс - превратившись в правящую элиту.

Когда в одной из стран возникает государство диктатуры пролетариата - это и служит постоянной (и более грозной, чем военная) угрозой для класса капиталистов других стран, и создает возможность возникновения элитаризма - зеркального отражения коммунизма.

7. Ленин писал в работе "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности": "...История... пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма друг подле друга... Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны".

Из этих двух половинок возникли Советский Союз - государство, первым вставшее на путь социалистического уничтожения частной собственности, и фашистская Германия - государство элитаризма.

8. В современных странах Запада, однако, по-прежнему существует развитый капиталистический уклад. Разве это не означает, что перед нами не элитаризм, а все-таки капитализм? Нет, не означает. Развитый капиталистический уклад может существовать даже при социализме:

"До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть... Ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда по условиям культурным, не осилит этой задачи, привлечет к делу капитализм. Всего этого никогда не предвидели." [100]

Формационная природа общества в целом определяется тем, какой уклад господствует над всеми прочими.

1986 г., не датировано

Как представляется, существует резкая недооценка опасности принятия нами предложений о быстром и радикальном сокращении стратегических ядерных вооружений (путем их взаимного согласованного уничтожения). По существу, это было бы не менее опасно для нашей страны и для человечества в целом, чем полномасштабное развертывание системы космических вооружений.

Наша политическая мощь как "сверхдержавы" основана, главным образом, на военной мощи, в то время как экономически мы представляем собой среднеразвитое государство. Конкурентоспособная часть нашей индустрии, открытая для "высокой технологии", почти целиком сосредоточена в области производства вооружений. Размывание этой основы в короткий промежуток времени неизбежно приведет нас к потере качества "сверхдержавы", а мировую систему к резкой дестабилизации.

Такое развитие событий ослабило бы позиции СССР в значительно большей степени, чем США. Механизм международного господства США – по преимуществу экономической, в меньшей степени основанный на военной мощи и политических рычагах. Реальная власть в западном мире принадлежит сегодня верхушке транснациональной финансовой элиты. В этой системе отношений ВПК отводится роль хотя и чрезвычайно важного, но подчиненного регулятора расширенного воспроизводства капитала. В частности, и программа СОИ имеет прежде всего экономическую, а уже затем – политическую и военную направленность.

Очевидно, ядерное разоружение не только желательно, но и неизбежно. Оно было и остается нашей конечной целью. Но в существующей системе международных отношений оно возможно только на таком пути, в такой социально-экономической форме, которая обеспечит постепенную трансформацию, "перекачку" нашей военной и военно-политической мощи в финансово-экономическую, превращение Советского Союза в экономическую "сверхдержаву".

1986 г., не датировано

КНИГА ТРЕТЬЯ "Социализм в известном смысле"

На лице Проницательного читателя проступает загадочная улыбка...

– Замечательная все-таки вещь научная логика, – задумчиво говорит он. – Очень складно все это у вас получается. Я даже, знаете ли, сам несколько увлекся. Выходит, без соблюдения всяких там условий мы и шагу-то ступить не можем в новый тип развития! Занятно... Есть только в этих рассуждениях один небольшой изъян. Оглянитесь-ка по сторонам! Мы уж полста лет живем при социализме. Ущипните меня, может быть, я брежу? Ведь вы мне доказали, как божий день, что этого быть не может. Ведь у нас и цель неконкретная, и средства не из той оперы, и субъект никудышный. А тут, как-никак, новый тип развития... В общем, слышу одно, а вижу другое.

Итак, своевременно выявленный благодаря бдительности Проницательного читателя, между теорией и жизнью предательской трещиной зазмеился

Парадокс 3 (парадокс теории с точки зрения жизни)

Теория свидетельствует, что с момента социалистической революции наступает новая эпоха, характеризуемая принципиально иным механизмом развития. Сердцевиной этого механизма является деятельность субъекта, вооруженного подлинной коммунистической теорией и материализующего это понимание с помощью специального комплекса средств социального проектирования. Без этих необходимых предпосылок "действительного коммунистического действия" социализм невозможен. Ничего этого в реальной жизни пока нет. Тем не менее, общеизвестно, что социализм давно уже существует...
Часть 7 Парадоксы "социалистической экономики" (гл.2)

«Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда».

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org

В. И. Ленин. «Великий почин»

«Нам надо, товарищи, глубоко и до конца осознать сложившуюся ситуацию и сделать самые серьезные выводы. Исторические судьбы страны, позиции социализма в современном мире во многом зависят от того, как мы дальше поведем дело... Главный вопрос сейчас в том, как и за счет чего страна сможет добиться ускорения экономического развития».

Материалы апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС

Глава 2 От теории – к практике. Социализм

4

Теория – если только она заслуживает подобного названия – это такая вещь, к которой необходимо относиться со всей серьезностью. Если в отношении математики или молекулярной биологии утверждать такое – значит ломиться в открытую дверь, то в области обществоведения мы едва-едва выходим из периода, когда теория играла роль пресловутого «дышла».

Однако что же прикажете делать, если в жизненной реальности упорно не обнаруживается то, что теоретически предсказано, напротив, наличествует нечто такое, чего в этих условиях теоретически не может быть?

Прежде чем затевать очередную революцию в науке на предмет ее подгонки к жизни, есть все основания вспомнить, что самое эту жизнь нам не дано узреть непосредственно, проникая неким «трансцендентальным оком» к самой сути «вещей в себе». Это верно для жизни вообще, трижды верно для ее социального среза. Со времен Канта хорошо известно, что наш «непосредственный взгляд» обременен громоздкой призматической системой априорных представлений, дающей перевернутые картинку парадоксов, раздваивающей изображение на противоречивые половинки и плодящей всевозможные aberrации и миражи.

Все это говорится к тому, что уяснение принципиального преимущества социалистической экономики тесно связано с вопросом о том, что же такое социализм вообще. И вопрос этот далеко не праздный.

Во-первых, в добытой покуда теоретической истине (независимо от того, уцелеет она в столкновении с Парадоксом 3 или нет) говорится, собственно, о преимуществах общественного строя коммунистической эпохи вообще, из которых не выделен ни экономический аспект, ни социалистическая фаза.

Во-вторых, «...общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социализм в известном смысле, можно назвать его социалистическим...» (Ленин). А поскольку эта разница и по сей день не уничтожена, стало быть, когда Проницательный читатель, указуя перстом окрест, провозглашает: сие – социализм, то это именно «социализм в известном смысле», и надо еще выяснить, известен ли этот смысл Проницательному читателю.

Наконец, огромное значение имеет содержащееся в теоретическом завещании Ленина указание, что путь России к социализму есть «видоизменение обычного исторического порядка». Поэтому надо понять, как это «видоизменение» соотносится с социализмом вообще и с «социализмом в известном смысле».

Если мы, не разобравшись с этими материями, будем продолжать выяснение преимуществ социалистической экономики, и при этом каждый будет употреблять слово «социализм» в ему лишь «известном смысле», наше выяснение имеет все шансы сравняться по продолжительности с возводимой к Рюрику дискуссией о товарно-денежных отношениях.

Нам нужно выяснить, грубо говоря, какую часть коммунизма составляет социализм. Критерий этого различия – в их общем предмете. Поскольку коммунизм есть уничтожение частной собственности, производственных отношений, нужно выяснить, какую часть этой работы берет на себя социализм. А значит, нам не разобраться без краткого (по необходимости) уяснения сути производственных отношений.

Тайна производственных отношений – один из «вечных вопросов» истмата, к тому же он строго табуирован жрецами храма общественных наук. Однако принадлежность вопроса к категории «вечных» вовсе не означает, что мы располагаем вечностью для его разрешения.

В тот роковой миг, когда Яхве произнес свое знаменитое проклятие: «В поте лица добывать ты будешь хлеб свой!..», дьявол шепотом добавил: «А главное – в отчужденной общественной форме будешь ты присваивать собственные производительные силы». А коль скоро функциональное назначение производственных отношений, этого порождения врага рода человеческого, состоит в присвоении производительных сил, их классификация определяется классификацией того, что присваивается в их форме.

Маркс не оставил нам полной классификации производительных сил не потому, что за этим стояла какая-то теоретически неразрешимая проблема. Хотя он не располагал и тысячной долей эмпирического материала, добытого к настоящему времени историками, этнографами и социологами, для его мощного интеллекта вопрос был несложен. Тем более не стоит он выеденного яйца сегодня.

Однако все дело в том, что для Маркса этот вопрос был чисто академическим. Таким он перестает быть, только когда общество вплотную подходит к эпохе преодоления отчуждения, уничтожения производственных отношений, и в силу этого должно конкретно и ясно увидеть свой новый предмет. Что касается общей структуры преодоления отчуждения, на этот счет Маркс оставил недвусмысленные методологические указания. «Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение... Уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является господствующей силой» (1844 г.). Дальнейшее было ясно.

Знал бы Маркс, что для сокрытия истины о производительных силах и производственных отношениях от рода человеческого коварный Искуситель сотворит такую изощренную форму отчуждения человеческого духа, как кафедры политэкономии!

Материалистическое понимание предыстории есть взгляд на развитие общества как на естественноисторический процесс. Но особенно естественно эта истина выглядит по отношению к развитию производительных сил. Это во-первых. А во-вторых, производительные силы есть попросту силы природы, становящиеся силами общества. Но для человека этой эпохи «социальная природа» ничуть не лучше естественной, поскольку ее населяют отчужденные силы, которые не только не являются его силами, а, напротив, эксплуатируют его самого. Подлинный лик этой эпохи – не рафинированная «феноменология духа», а грубая феноменология развития вырастающих из природы производительных сил.

Технология – первая из трех таких главных общественно-природных сил. Она обузывает и объединяет в комплексы силы дочеловеческой природы (свойства материалов, степени свободы обезьяньей конечности, физико-химические процессы и т. д.), «склеивая» их посредством энергетических связей.

Иерархичная структура сил – не новость для природы. Сила живой мышцы базируется на системе химических, а те, в свою очередь, – физических сил и т. п. Технология венчает собой эту пирамиду, одновременно ложась в основание иерархии сил антропологической природы.

Организация объединяет различные технологии в целостные «комбинаты», склеивая их посредством информационно-управленческих связей. Теперь технология из самодовлеющей силы превратилась в производительную силу организации, и в этом качестве эксплуатируется ею.

Экономика сплавляет в единую силу разрозненные организации, пронизывая их всепроникающим эфиром стоимостных связей. Природа этих незримых силовых линий, открытых и исследованных Марксом, оказалась столь неуловимой, что даже человечество XX века, познавшее внутриатомные связи, до сих пор не в ладах с его открытием.

Этой «феноменологии производительных сил» могут быть сопоставлены две глубокие параллели – историческая и логическая.

Исторически «технологии» соответствует род – архаическая организация общества до появления частной собственности. Естественноисторический процесс на этой стадии выглядит как борьба за существование множества этих «одноклеточных» социальных организмов, присваивающих силы природы и превращающих их в свои, – борьба, в которой выживает тот, кто добивается наибольшего успеха в таком присвоении. В этой борьбе – источник развития производительных сил общества.

В качестве «организаций» на историческую сцену вступают основанные на внеэкономическом принуждении «многоклеточные организмы» империй древнего мира. «Одноклеточная» варварская периферия образует для них ту среду, за счет которой они обеспечивают свое питание и рост. По мере такого объединения родов в империи война между родами переходит в ранние формы классовой борьбы[101].

Тонкая паутина экономических связей между древними цивилизациями, постепенно уплотняясь, лишь в конце эпохи капитализма образует единую ткань мировой капиталистической экономики: «система превращается в целостность» (Маркс), перерабатывая в свое экономическое тело все уцелевшие организмы «технологий» и «организаций» и заполняя этим телом, как единым «социоценозом», все отведенное для нее пространство земной поверхности.

Но тем самым положен предел экстенсивному, естественноисторическому типу развития. Экстенсивный рост экономики может продолжаться, пока она находит вокруг себя в качестве предмета «низшие организмы» производительных сил – технологий и организаций. Но как только общество, развиваясь естественноисторическим путем, превращается в целостную экономику, упирающуюся кругом в самое себя, в собственные границы, – дальнейшее развитие возможно только при условии, если общество станет субъектом по отношению к самому себе, превратит себя в предмет собственной деятельности. Точнее, таким предметом могут теперь быть только образующие социальную ткань производственные отношения. Смена естественноисторического типа развития на коммунистический становится необходимым условием дальнейшего развития.

Логическая параллель «феноменологии» основывается на понимании, что эти три по видимости самостоятельные общественно-природные силы отражают на самом деле три ступени становления одной-единственной производительной силы – труда.

Сначала труд превращается в производительную силу в его качественном аспекте, затем, на втором этапе – в количественном, и, наконец, – в аспекте меры. Иными словами, в производительную силу превращаются три основных свойства, аспекта, присущие труду как конкретно-всеобщему. В технологии используется способность труда производить широкий спектр качественно различных продуктов, используя все разнообразие сил природы. В организации работает новая сила, возникающая из объединения двух и более разнокачественных процессов труда во вполне определенном количественном соотношении. Выигрыш возникает от того, что специализированный труд значительно более производителен. Однако труд, произведенный в количестве большем, чем то, которое определено организационным отношением, здесь еще теряется, пропадает зря.

Мера и есть отношение этого прибавочного труда к необходимому, количество которого определяется организационным отношением, требованиями воспроизводства самой организации. Сущность экономики – прибавочный труд, превращенный в производительную силу.

Эту картинку легко соотнести с канонами политэкономического катехизиса, поняв заодно, что они из себя представляют.

Диалектика превращения природной силы в общественную производительную силу такова, что в нем можно выделить три ступени становления. Вначале эта сила выступает как предмет (то есть то, что берется из природы и используется непосредственно в своем природном качестве), затем – как средство (то есть то, что используется, например, в качестве орудия для обработки предмета труда) и, наконец, как продукт (то есть искусственно воспроизводимая вещь, которой придается определенное, заранее заданное свойство).

Применительно к технологии эта схема дает такие этапы ее становления, как производительной силы:

- предмет труда (одушевленный или неодушевленный),
- орудие труда (одушевленное или неодушевленное),
- средство производства (понимаемое двояко – и как наделенный способностью к орудийной деятельности общественный человек, и как искусственно

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org воспроизводимое орудие).

Качественно различные производственные процессы образуют теперь верхний слой сил «природы», превращение которых в производительные силы происходит в рамках организации.

Этапы становления производительной силы организации следующие:

- разделение труда,
- кооперация труда,
- «общественная комбинация труда» (Маркс).

Наконец, ступени становления экономики – или, что то же самое, этапы превращения прибавочного труда в производительную силу, таковы:

- производительный труд,
- общественно-полезный (товаропроизводящий) труд,
- наемный труд.

Вначале прибавочный труд обнаруживается в организационной «природе» в качестве Божьего дара и используется как дойная корова, приносящая конкретную потребительную стоимость. Затем он превращается в универсальное средство получить любую потребительную стоимость, то есть в источник общественной потребительной стоимости, заключенной в произведенном продукте как в товаре. Остается только превратить эту чудесную силу прибавочного труда из ненадежного дара природы в стабильно производимый продукт – наемный труд. Производимый – но кем? Перед нами совершенно уникальная производительная сила, которая обладает способностью не только производить любую мыслимую потребительную стоимость, но и воспроизводить саму себя. Наемный труд есть «потребительная стоимость, приносящая потребительную стоимость» (Маркс). Рабочий класс, собственными руками производя все на свете, тем самым воспроизводит сам себя.

Мы видим, что окончательное выделение труда из числа «стихийных сил природы» в качестве общественной производительной силы – дело совсем недавнее. Однако политэкономический катехизис утверждает нечто сугубо противоположное. Соответствующий псалом гласит: «Труд – великий источник всего сущего – был, есть и пребудет вечно. Аминь».

Ну, вечно ли он пребудет, мы, с Марксовой помощью, уже разобрались. Разберемся теперь, был ли он и в каком смысле. Открыв Писание, на монопольную трактовку коего притязает наш катехизис, читаем: «Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию».

Мы цитируем гениальное «Введение» Маркса, дважды (т. 12 и т. 46) опубликованное в Собрании сочинений. Далее в тексте объясняется, грубо говоря, что труд возник только при капитализме. «Труд здесь не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда».

После того как труд возник в жизни, появилась сопутствующая категория «труд вообще» и в теории. С помощью этой категории труд немедленно был усмотрен во всех эпохах, и на этом основании провозглашен существующим от сотворения мира. Конечно, на этом фоне подробные объяснения Марксом того, что труд (не как абстракция, а как реальность) обрел существование только в условиях развитых капиталистических отношений, выглядят очередным чудачеством, несуряницей в стиле Гераклита Темного.

К чему вообще все это было нужно Марксу? Тем более, к чему это нам? Как может помочь нам подобное копание в категориях при решении народнохозяйственных проблем?

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Напомним: «Коммунистическая революция... устраняет труд» («Немецкая идеология»); «пролетарии... должны уничтожить труд» (там же). Но – можно ли уничтожить то, что вечно, неизменно, а следовательно – бесструктурно? Напомним: труд есть всеобщая, единственная общественно-природная производительная сила, содержащая в себе все мыслимые производительные силы как этапы собственного становления...

В открытый рот Проницательного читателя залетает муха. Поперхнувшись, он долго кашляет. «Что ж, товарищи... – севшим голосом, наконец, произносит он. – Производительные силы, значит, тоже... того? ничего себе, светлое будущее. Стало быть, обратно на деревья?»

В опустошенном воображении Проницательного читателя ветер разносит радиоактивный пепел уцелевших представлений. Доигрались в категории...

Парадокс 4

Сущность коммунистической эпохи – не только уничтожение производственных отношений, но и устранение общественных производительных сил.

– Этого я не переживу, – шепчет Проницательный читатель, и рука его тянется к телефону...

Перед нами – типичный результат обывательской трактовки экономических категорий. Стало традиционным считать, что производительные силы есть нечто прекрасное само по себе, и их следует всемерно развивать во все эпохи и при всех обстоятельствах. А между тем коммунистическое комплексно-автоматизированное производство, из которого полностью вытеснен человеческий труд, в строгом политэкономическом смысле не является производительной силой. Это – сила природы, искусственной природы, которая будет создана человеком на протяжении эпохи коммунизма, которая будет полностью удовлетворять его потребности и для пользования плодами которой он уже не будет нуждаться ни в каких посредниках, будь то производительные силы или производственные отношения. На протяжении двух эпох человечество пересоздает природу, превращая ее в подлинно человеческую, то есть такую, на базе которой может осуществляться деятельность по претворению в жизнь идеалов Гуманизма. Человек только тогда становится в полном смысле слова Человеком, когда перестает быть элементом какой бы то ни было стихийной общественно-природной силы.

Все парадоксы, с которыми мы столкнулись до сих пор – порождение несусветной путаницы и обывательской мешанины понятий, заполняющих политэкономический катехизис. Принципиальное непонимание будущего производственных отношений, труда, производительных сил в коммунистическую эпоху имеет под собой «адекватную методологическую основу» – фундаментальное же непонимание их прошлого, то есть материалистического понимания предыстории.

Воистину, Марксово учение здесь разделяет участь азбуки, попавшей в когти представителей «академии де сиянс» – щедринских сычей: «...Азбуку изъяли, истолкли оную в ступе, а из полученной массы наделали игральных карт».

Мы не сможем достичь конкретного понимания социалистической экономики и ее неотложных задач, не добившись предварительно полной ясности в исходном, предельно абстрактном представлении о коммунистической эпохе, не устранив обывательские недомолвки в трактовке слагающих ее основных категорий. Теперь, наконец, площадка расчищена, и можно начинать строить.

5

Разгадка «вековой тайны» производительных сил и производственных отношений будет выглядеть примерно так (см. таблицу) [102]:

Членению уничтожаемых в коммунистическую эпоху форм собственности и производственных отношений на экономические, организационные и технологические естественно сопоставить деление самой этой эпохи на три фазы: низшую (социализм), среднюю (развитой социализм) и высшую (коммунизм

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org в собственном смысле слова).

Основное содержание социализма – уничтожение трех экономических форм частной собственности, снятие отчужденных экономических отношений распределения, обмена, производственного потребления. На протяжении этой фазы коммунизма происходит вытеснение незримого эфира стоимостных связей, заполняющего пространство между обособленными производственными единицами-организациями, эфира, в котором осуществляется таинство расширенного воспроизводства, превращение прибавочного труда в производительную силу, но осуществляется таким образом, что человек оказывается безликим производителем господствующей над ним стоимости, рабом «фурии частного интереса». На месте этого идеального эфира постепенно вырастает вполне материальная организация, занятая «общественным счетоводством», чья задача – такое сознательное объединение всех обособленных производственных единиц в целостный хозяйственный механизм, при котором обеспечивается расширенное воспроизводство циркулирующего в его кровеносной системе прибавочного продукта. Экономика исчезает, ее место занимает организация качественно нового типа, социалистический хозяйственный механизм, общие черты которого раскрыты в «Критике Готской программы» и в ленинских работах 1917– 1918 годов.

«В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов» (Маркс).

«Социалистическая экономика»! Слова эти наш Проницательный читатель произносит с интимным придыханием тайного собственника, с печатью посвященности на челе, с особой многозначительностью, «будто телефон выдумывает» (А. П. Чехов). На деле экономика, совокупность экономических отношений есть как раз то, что должно быть уничтожено, снято на первой фазе коммунистического уничтожения частной собственности. Не случайно Маркс не пользовался выражением «социалистическая экономика». Говоря ленинскими словами, общество, в котором еще остаются экономические отношения, тем самым не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, выражение «социалистическая экономика» имеет право на существование: только надо иметь в виду, что оно несет ту же смысловую окраску, что и сочетание «социалистическая спекуляция» или «социалистическая проституция». Не случайно попытки составителей предметного указателя к ленинскому Полному собранию сочинений обнаружить в нем дефиницию «социалистической экономики» были тщетными; в тех немногих местах, где это сочетание встречается, речь всегда идет о «социализме в известном смысле».

По завершении первой фазы будет достигнута классовая однородность: общество превратится в единый класс, организованно (подобно античному полису в Спарте) «эксплуатирующий» производительную силу технологии; организационные отношения, информационно-управленческие связи выступят на передний план как непосредственно противостоящие слою отчуждения. В ходе их уничтожения в рамках развитого социализма исчезнут такие фигуры, как работник аппарата, статистик, начальник цеха, связист и прочие производители-потребители информации, поработанные чуждыми организационными законами. На месте этой картины отчужденных информационных связей возникнет искусственно созданная качественно новая технология обработки информации, объединяющая в масштабах всего общества все технологические процессы в единый технологический комплекс, хозяйственный организм. Поскольку к этому времени живой труд человека в качестве источника мышечной энергии будет окончательно вытеснен из всех отдельных промышленных технологий – человек окажется полностью вне этого технологического комплекса. Тем самым будут до конца уничтожены отношения частной собственности, то есть отношения присвоения отдельными лицами или их группами частей или элементов этого комплекса средств производства, однако останутся неснятыми отношения общественной собственности – отношения между людьми по поводу присвоения (то есть совершенствования, использования, воспроизводства) хозяйственного организма в целом. Весьма существенно, что остаются также неснятыми отношения в сфере «обработки людей людьми» («Немецкая идеология») – технологии воспроизводства самого человека.

Таким образом, на второй фазе коммунизма завершается уничтожение частной собственности и разделения труда, отмирает государство, достигается общественное самоуправление и социальная однородность.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
На высшей фазе коммунизма происходит преобразование производственно-технологического комплекса в самовоспроизводящуюся, искусственную природу, пользование плодами которой отныне осуществляется в индивидуальной форме, никак не опосредуемой обществом; в результате поэтапного преодоления отчуждения в сфере «обработки людей людьми» последовательно реализуется воспроизводство человека как имеющего определенные способности, ответственного и, наконец, сознательного.

Итак, социализм вносит свой вклад в коммунистическое уничтожение частной собственности, устраняя ее экономические формы. Отталкиваясь от такого предельно абстрактного представления о социализме, мы начинаем путь восхождения от абстрактного к конкретному.

За счет чего же, какими именно методами и средствами достигается уничтожение экономического слоя производственных отношений – отношений распределения, обмена, производственного потребления?

В главе 1 уже говорилось, что это достигается на пути разработки и реализации соответствующих экономических нормативов. Но сказать только это – значит не сказать почти ничего. Нормативы создавались ранее, создаются сейчас, однако регулируемые ими экономические отношения ведут себя как головы Змея Горыныча в ходе известного «боя на Калиновом мосту»: на месте отрубленной немедленно вырастает новая.

Дело, таким образом, не столько в самих нормативах и их количестве, сколько в их качестве, а еще точнее – в нашей способности с помощью нормативизации в возрастающей степени брать под контроль отчужденные экономические силы.

Коммунистическое уничтожение производственных отношений является диалектическим уничтожением, снятием. Уничтожая отчужденную форму общественных производительных сил, мы должны сохранить, восстановить их подлинное содержание – как сил природы, служащих человеку. А следовательно, прежде чем посылать в эту мишень наши нормативные стрелы, необходимо познать ее многослойную структуру и имманентные законы самодвижения.

Замена естественного организма отчужденной экономики сознательно проектируемым, искусственным хозяйственным механизмом – сложный и длительный процесс, подобный постепенному вживлению в биологический организм все новых искусственных органов и систем, вплоть до превращения его в робота. Эту операцию, увы, нельзя делать «под наркозом»: принципиально важно, чтобы в каждый момент полученный симбиоз уже действующих подсистем хозяйственного механизма с неснятыми еще слоями и фрагментами экономических отношений работал, обеспечивая бесперебойное расширенное воспроизводство. Для успеха такой операции абсолютно необходимо глубокое, детальное знание анатомии и физиологии экономического организма и виртуозное владение хирургической техникой. Бытующие сегодня представления о производственных отношениях, сводящие их только к экономическим (живет и процветает «экономический материализм» Г-на Михайловского, который Ленин высмеял 90 лет назад!), а эти последние, в свою очередь – к отношениям обмена, столь же пригодны для создания социалистического хозяйственного механизма, как средневековая «теория шишковидной железы» – для нейрохирургии.

Но одной только теории как основы для вытеснения экономических отношений системой нормативов совершенно недостаточно. Сегодня «Законодательство о капитальном строительстве» – сборник извлечений из наиболее важных документов и нормативных актов, набранных петитом, – занимает десять увесистых томов. Уже один объем этого законодательства делает его труднообозримым и неконтролируемым. А если добавить, что полный объем регламентации, включая документы функциональных органов, министерств и их подразделений, во много раз больше, что эта регламентация содержит массу противоречий, при этом оставляя ряд важных отношений неурегулированными – станет ясным, что реальное строительство пока ведется не столько в соответствии с этим законодательством, сколько вопреки ему.

Означает ли это, что обузу подобной регламентации нужно отринуть во имя хозяйственной самостоятельности? Ответ зависит от того, какая именно самостоятельность имеется в виду. Если организационная (свобода действий по совершенствованию производства в рамках организации, производственной единицы) – то на протяжении первой фазы коммунизма для нее как раз и создаются необходимые внешние условия. Если же имеется в виду экономическая

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org самостоятельность, пресловутая «социалистическая предприимчивость» – стоит вспомнить известное разъяснение относительно понятия «второй свежести», сделанное Воландом буфетчику из театра варьете. «Предприимчивость», как и «экономика», всегда имеет одну и ту же сущность – и в капиталистической форме, и в оболочке «социализма в известном смысле». «Социалистическая» предприимчивость, экономическая самостоятельность есть свобода рассылать «толкачей», меняться в обход Госснаба дефицитными материалами, выбивать фонды из родного министерства в ущерб другим предприятиям, добиваться корректировок проваливаемого по вине смежников плана и переманивать летунов полузаконными доплатами. Как раз «буйство» стоимости, неконтролируемых экономических отношений вне предприятий постоянно ставит их нормальную деятельность под угрозу и вынуждает руководителей направлять всю свою энергию вовне, на отражение этой угрозы, проявлять деловые качества в подобных уродливых формах, вместо того, чтобы найти им адекватное применение в стенах родного предприятия.

Не существует никакого иного пути уничтожения экономических отношений помимо их снятия соответствующими нормативами, фиксируемыми в регламентирующей документации. Речь поэтому должна идти не о том, нужна ли регламентация, а о том, какими качествами она должна обладать как целое. Покуда нормативы издаются не претерпевшим со времен Хаммурапи никаких перемен «аппаратом» и просто присовокупляются к тоннам, кубометрам и гектарам изданных ранее бумаг – все это будет сизифов труд, независимо от степени научности каждого норматива и благородства помыслов его создателя.

Наивно полагать, что упоминавшиеся 300 000 тонн регламентирующей документации по проекту «Аполлон» – будь этих тонн даже в тысячу раз меньше – можно изготовить и использовать таким ветхозаветным способом, вручную. Весь громадный массив нормативов должен автоматически порождаться из исходной концепции хозяйственного механизма мощной человеко-машинной системой, подобно тому, как сложнейший многоклеточный организм вырастает из генетической информации, заключенной в ядре одной-единственной клетки. Изменение, вносимое в любой норматив, должно влечь за собой немедленное автоматическое внесение соответствующих изменений по всему огромному массиву нормативной документации.

Для просвещеннейшего Проницательного читателя, знакомого с интимными подробностями жизни физиократов и владеющего сокровенной тайной таблицы Кенэ, существование прообразов подобных систем автоматизированного проектирования регламентации – тайна за семью печатями. Этого он не проходил. Между тем история их развития на Западе насчитывает уже около 30 лет, причем во второй половине 70-х годов сведения о наиболее продвинутых работах в этом направлении исчезли из печати. Известные прецеденты такого исчезновения должны бы навести на исключительно серьезные размышления...

Итак, для конструктивного хирургического вмешательства в тело экономики мало одного лишь детального знания ее анатомии и физиологии. Необходимы специальные средства – лазерный скальпель, микроскоп, реанимационный комплекс, управляемый компьютером. И, наконец, нужен сам хирург. О тех важнейших новых требованиях, которые предъявляет к субъекту – правящей партии переход к социализму от «социализма в известном смысле», будет сказано в четвертой главе данной работы.

Любой недостаток системы нормативов, независимо от причин его появления – будь то из-за недосмотра субъекта, несовершенства средств или слабости теоретических основ – может иметь весьма серьезные экономические последствия: вместо уничтожения «естественной необходимости» появится дополнительная «искусственная». К примеру, если введенный единый норматив на расход топлива не будет учитывать климатических и иных местных различий или происходящих изменений, в результате в одних местах появится сверхнормативный избыток топлива, в других – его недостаток со всеми вытекающими последствиями; таким образом, вместо снятия экономических отношений неадекватный норматив служит мощным катализатором появления экономики (теневой) там, где ее и в помине не было.

Здесь можно было бы детально рассказать о типах «распределительных», «обменных», «потребительных» нормативов, о последовательно вводимых этажах хозяйственного механизма, решающих проблемы дефицитности, экономии ресурсов, качества продукции. Однако изложенные общие представления о социализме пока еще слишком абстрактны и не позволяют соотнести теорию с жизнью для разгадки рокового Парадокса 3. Необходим целый ряд ступеней

Мы уже показали в самых общих чертах, как выглядит общество по завершении первой фазы коммунизма, то есть полный социализм. Мы рассмотрим также собственно коммунистическую форму деятельности по преодолению отчуждения на этой фазе, то есть по отношению к экономике. Но для того, чтобы эти представления не повисали в воздухе, чтобы увидеть социализм «в его реальной динамике», нужно ясно представить себе, как выглядит едва нарождающийся социализм, какова анатомия того общественного организма, в котором уже созданы все необходимые экономические и политические предпосылки, и остается только одно – перейти к «действительному коммунистическому действию», уничтожению частной собственности. Говоря ленинскими словами, нужно внимательно рассмотреть то состояние общества, которое «есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Давая ответ на этот вопрос, Ленин не только охарактеризовал основные черты такой формы общества как всеобщего, но и обнаружил ее в качестве особенного в реальной действительности. «...История... пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма друг подле друга... Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны».

Германия к этому времени стала во многих отношениях образцовым воплощением «идеального» государственно-монополистического капитализма: «Здесь мы имеем «последнее слово» совершенной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм» (Ленин В. И. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»).

Начнем с «первой половинки» – государственно-монополистического капитализма (ГМК). Однако это понятие по своей широте и расплывчатости сегодня оставило позади «бытие» вкупе с «сознанием» и превратилось в вывеску на складе разнообразного эмпирического материала, касающегося всевозможных сторон экономической жизни современных стран Запада. А если это так, определять преддверие социализма через ГМК – значит не сказать ничего конкретного и не продвинуться вперед ни на шаг.

Очередной тупик на нашем пути, несомненно, принадлежит к числу крупнейших достижений коллег Проницательного читателя, в связи с которым они заслуживают специального приза Трехсторонней комиссии и пожизненной пенсии Бильдербергского клуба. Дело в том, что ГМК для Ленина был предельно конкретным понятием, которое он детально разработал и которое, как будет показано в третьей части этой работы, имеет весьма отдаленное отношение к сегодняшней западной экономике.

В политэкономическом катехизисе в качестве дефиниции ГМК фигурируют ленинские слова относительно соединения гигантской силы монополий с гигантской силой государства в один механизм. С таким же успехом, однако, можно превратить в определение коммунизма крылатую ленинскую фразу: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» [103].

ГМК, по Ленину, – это совокупность осуществляемых диктатурой империалистической олигархии (и тесно связанных с ней милитаристских и бюрократических кругов) чрезвычайных мер контроля над всей хозяйственной жизнью страны, имеющих целью частично или полностью подчинить ее военным нуждам. Ленин в связи с этим постоянно подчеркивал, что ГМК есть специфическое порождение военного времени. Анализ совокупности этих мер контроля Ленин проводит в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Здесь Владимир Ильич, со свойственной ему предельной конкретностью, почти с инженерной точностью осуществляет препарирование тела ГМК, преследуя вполне определенную цель: представить в результате

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
такого анализа перечень неотложных мероприятий для спасения России от
грозящей ей экономической катастрофы.

Понятие «контроль над экономикой» скрывает за собой широкий, однако вполне
определенный спектр различных форм и степеней вмешательства государственной
власти в экономическую жизнь страны.

На одном полюсе этого спектра контроль выступает всего лишь как надзор, как
участие-наблюдение представителей власти в деятельности правлений банков,
синдикатов, предприятий. Самое большее, чего может добиться государство при
такой слабой форме контроля – это «действительное взыскание подоходного
налога, без утайки имуществ и доходов», это приобретаемая государством
«возможность... получать миллионы и миллиарды на крупные государственные
операции, не платя за «услугу» бешеных «комиссионных» господам
капиталистам». Важно подчеркнуть, что подобный контроль-надзор сам по себе
«ни на йоту отношений собственности не изменяет».

На противоположном полюсе контроль выступает в своей предельной форме – как
полная национализация, переход в собственность государства всех банков и
монополий. Это означает фактически упразднение частной собственности во имя
собственности государственно-монополистической.

Весь спектр между этими крайними полюсами образуют различные формы
государственного «регулирования экономической жизни», различные
промежуточные ступени движения от чистой экономики к государственной
монополии.

Принципиально важен вопрос о классовом характере государственного контроля:
«В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого
контролирует, т. е. какой класс является контролирующим и какой
контролируемым». В зависимости от субъекта власти Ленин указывает на два
возможных варианта контроля: «реакционно-бюрократический» и
«революционно-демократический». Контроль в своей высшей форме, как полная
национализация, может быть проведен государством последовательно и до конца
только в том случае, если это революционное государство диктатуры
пролетариата.

Однако и осуществляемый олигархией реакционно-бюрократический контроль под
влиянием жесткой военной необходимости во все большей степени может
приближаться к полной государственной монополии: «Обороноспособность,
военная мощь страны с национализацией банков выше, чем страны с банками,
остающимися в частных руках». Степень такого приближения тем больше, чем
ближе угроза военного поражения, чем сильнее давление революционного
пролетариата данной страны или других стран, чем слабее в политическом
отношении национальная буржуазия, чем выше организация и относительная
независимость военно-бюрократических кругов.

Завершенный, полный ГМК означает, что олигархия посредством государства
«упраздняет» экономику, узурпируя все три экономических формы присвоения
(капитал, деньги, право) путем взятия под контроль экономических отношений
распределения, обмена, производственного потребления. В частности,
государство «отменяет» конкуренцию, превращаясь, по существу, в
единственного капиталиста, подчиняя инвестиционную политику нуждам
оборонных отраслей: «Только при национализации банков можно добиться того,
что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают
миллионы и миллиарды. И только контроль за банками, за центром, за главным
стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы
наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за
производством и распределением важнейших продуктов».

Государство, далее, берет под контроль обращение всех видов денег и ценных
бумаг, устанавливает стабильные закупочные цены, получая тем самым
«...возможность сначала обзреть все главные денежные операции, без
утайки их, затем контролировать их...». Значительная часть отношений обмена
попросту устраняется путем принудительного синдицирования производителей,
ранее связанных этими отношениями. Целью такого «обсоюзивания» является
«соединение операций по закупке сырья, по сбыту изделий...».

Наконец, кардинальной мерой, обеспечивающей контроль над производственным
потреблением, является национализация синдикатов с последующим введением
жестких норм на расходование сырья и дефицитных материалов на единицу

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org продукции. Дополнением к этому является «принудительное объединение всего населения в потребительные общества, ибо без такого объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя».

В результате всех этих преобразований экономика не снимается, а попросту временно отменяется военно-прусским методом, а на ее месте воздвигается гигантская «контора», которая организационными средствами осуществляет суррогат расширенного воспроизводства в условиях военного положения. Значительным преимуществом этой системы, однако, является возможность руководить производством в масштабах всей страны по единому плану, достигая огромной концентрации ресурсов на главных направлениях.

Но, повторяем еще раз, что осуществляется не расширенное воспроизводство, а его суррогат. Попранные объективные законы, управляющие расширенным воспроизводством стоимости, жестоко мстят, расшатывая до основания здание государственной организации, претендующей на их замену. Месть со стороны распределительных отношений – расстройство инвестиционного цикла, нарастающая дефицитность; плата за игнорирование экономических закономерностей обмена, волюнтаризм ценообразования – черный рынок и неуправляемая инфляция; наконец, неконтролируемое ухудшение качества изделий – не что иное, как вендетта со стороны отчужденных отношений производственного потребления. Именно поэтому полная государственная монополия – явление неустойчивое, и как долговременное состояние в условиях необходимости роста производства – невозможное. После окончания войны во всех странах с развитым ГМК он повсеместно демонтируется, и все возвращается на экономические «круги своя». Позднейшие сдвиги в экономике этих стран, новые роли, которые берет на себя олигархическая верхушка посредством государства – явление совершенно иного, принципиально нового порядка. Это утверждение будет подробно аргументировано в третьей главе работы.

В чистом виде государство – это надстроечный институт, в котором воспроизводится власть как форма собственности. Но в таком чистом виде государство существовало только в рамках азиатского способа производства во времена славных мужей типа Шамши-адада, еще не слышавших слова «закон», не мучившихся проблемами распыления капиталовложений и разбухания регламентирующей документации. Когда мы говорим о государстве применительно к ГМК, перед глазами возникает нечто совершенно иное: разветвленный бюрократический аппарат, который под руководством политической власти издает законы и нормативные акты, осуществляет их выполнение. Неотъемлемой частью этого аппарата является государственная монополия – осуществляющее производство в масштабах всей страны единое «предприятие», в которое принудительным образом была превращена вся экономика.

«Власть» здесь как уклад явным образом господствует над «законом», хотя с точки зрения формационной иерархии должно было бы быть наоборот: так, в классическом античном полисе, пришедшем на смену азиатскому способу производства, закон стоял выше власти, представляя господствующую форму собственности.

Итак, в ГМК доминирующим укладом является «административный». Однако, он осуществляет свое господство не прямым «шамши-ададовским» методом, а превратив в орудие господства уклад «регламентационный». В результате комбинации этих двух укладов возникает аппарат. Чистые экономические формы собственности при этом отсутствуют [104], их отмененные функции присвоения экономических производительных сил пытаются взять на себя специальные подразделения аппарата, образующие государственную монополию.

Государство диктатуры пролетариата, которое возникло бы из ГМК путем революционной замены субъекта власти, естественно, принадлежало бы с самого начала к такому же типу «государственной монополии». При этом, разумеется, неизбежны значительные перестройки в аппарате, поскольку он должен теперь проводить совершенно иную социальную политику. Однако его природа – как средства осуществления политики вообще – при смене субъекта власти совершенно не меняется: аппарат остается аппаратом, государственная монополия – государственной монополией.

«...Если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство... направляет все предприятие – в чьих

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org интересах?

– либо в интересах помещиков и капиталистов, тогда мы получаем... реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику.

– либо в интересах революционной демократии, тогда это и есть шаг к социализму» (Ленин).

Такое состояние общественного организма, дающее полный набор предпосылок для непосредственного перехода к социализму, такую «...государственно-капиталистическую монополию, обращенную на пользу всего народа и постольку переставшую быть капиталистической монополией» (Ленин), естественно назвать государственно-монополистическим социализмом (ГМС). Хотя это название несколько режет слух и попирает каноны кафедральной благопристойности, оно совершенно точно фиксирует два принципиальных отличия от подлинного, полного социализма, а также от развитого социализма.

Сердцевиной полного социализма – завершенной первой фазы коммунистической эпохи – служит та же конструкция из административного и регламентационного укладов. Однако природа каждого из них претерпевает принципиальные изменения. Административный уклад в условиях достигнутой классовой однородности перестает быть диктатурой, органом классового господства, превращается просто в оболочку, которую принимает подлинный, то есть познавший объективную необходимость субъект – коммунистическая партия на первой фазе преодоления отчуждения. Регламентационный уклад здесь – это уже не чиновничий аппарат, плодящий по случаю и без него бесчисленные указы, а комплекс специальных «человеко-машинных» средств проектирования регламентирующей документации, о котором подробно говорилось выше. И, наконец, предмет нормативов, фиксируемых этой регламентацией – не монополия, отменяющая экономику, а хозяйственный механизм, который снимает и адекватно заменяет ее, осуществляя расширенное воспроизводство организационными методами. Качественно-новые экономические производительные силы социализма в оболочке осуществляющего их присвоение хозяйственного механизма становятся силами искусственной природы, принадлежащей государству. Это – чистая государственная собственность, уже не опосредуемая никакой «монополией». Тем самым чистый социализм сбрасывает с себя атрибут «монополистичности». Точно так же далее, уже в рамках фазы развитого социализма, будет сброшен и атрибут «государственности».

7

Мы искали такую ступень исторической лестницы, которая вплотную подводит нас к социализму. Мы ее нашли. Это государственная монополия, осуществляемая властью диктатуры пролетариата, то есть ГМС.

Еще один шаг – и мы окажемся в исторических рамках первой фазы коммунизма. Так давайте его сделаем.

Но поднятая ступня повисает над пропастью.

«Действительное коммунистическое действие», едва обретя точку опоры, потеряло свой предмет – экономическую частную собственность. Ее место – в случае движения к социализму через ступень ГМС – с самого начала занимает собственность государственно-монополистическая. Напомним, что Маркс усматривал глубочайшее различие между уничтожением частной собственности и исходным пунктом этого действия – ее упразднением. Предметом уничтожения, как мы выяснили, должны служить экономические отношения. Исходным же пунктом для него, как оказалось, является государственная монополия – огромная мрачная контора, в которой трудно усмотреть какие-либо признаки упраздненных ею указанных отношений.

Обостренное классовое чутье Проницательного читателя наверняка уже подсказывает ему, что грядет очередная логическая коллизия скандального свойства. «Не доведут до добра эти парадоксы... – слышится знакомый голос, – вот уже и классиков противопоставили друг другу на радость идейному супостату!»

Что ж, позиции Маркса и Ленина здесь, по-видимому, противоречат друг другу самым явным и очевидным образом. Причем предмет противоречия – не какой-нибудь третьестепенный вопрос, а узловой пункт, который невозможно

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org миновать при построении теории научного коммунизма. А коль скоро эта почтенная дисциплина в данном вопросе корчит из себя девственницу, это означает, что она является старой девой с более чем полувековым стажем, делающим ее шансы родить истину весьма проблематичными. На самом деле за этим скрывается нечто худшее – интеллектуальная трусость, почитающая всякое обсуждение противоречий в позициях классиков крамолой. Но бояться противоречий – не ходить диалектическим путем.

Перед нами противоположность между абстракцией сущности перехода к социализму, раскрытой Марксом уже в цикле работ 1844–1848 годов, и ее конкретным проявлением, которое Ленин теоретически обосновал в годы первой мировой войны. Раскрытие этой противоположности – ключ ко всему колоссально многообразию реальных путей к социализму. А поскольку противоположность между указанной абстракцией сущности социализма и нашим собственным, российским путем к нему еще более вопиющая – это одновременно и ключ к долгожданному доказательству нашего права коммунистического первородства.

Напомним, что «Капитал» Маркса вовсе не претендует на то, чтобы быть всесторонне развитой теорией реального капитализма. Это узловой, но лишь исходный пункт для такой теории – раскрытие абстракции «капитал вообще». Поэтому представление о социализме, выводимое на этой методологической основе, может быть не чем иным, как подобной же абстракцией «социализма вообще». «Капитал» есть раскрытие на материале конкретного способа производства созданной Марксом теории общественно-экономических формаций – одного из трех главных «измерений», частей исторического материализма. Для вскрытия сути дела – что и требовалось Марксу – это вполне достаточно, однако реальное общество, изображаемое с помощью подобных средств, предстает одномерным. Капитализм выглядит как химически чистый, монохроматический «капитал вообще», прочие уклады начисто отсутствуют, существуют лишь два класса – пролетариат и буржуазия, причем первый составляет абсолютное большинство населения, никаких монополий нет, процветает свободная конкуренция – словом, знакомая картина, которую наши противники безграмотно подсовывают в качестве марксистской истины в последней инстанции и от которой коллеги Проницательного читателя еще более безграмотно отрешиваются.

Чтобы перейти от сущности «действительного коммунистического действия» ко всему множеству его конкретных проявлений, необходимо погрузить «капитал вообще» в комплекс взаимодействующих укладов, образующих реальный общественный организм. Иными словами, необходимо диалектически объединить два измерения исторического материализма – Марксову теорию общественно-экономических формаций с ленинской теорией многоукладности.

Да, именно таков подлинный статус ленинского теоретического наследия. Не только уточнение, продолжение, развитие – пусть даже гениальное – тех или иных положений Маркса и Энгельса, а именно принципиально новое измерение исторического материализма, равновеликое всему тому, что сделано предшественниками. Теория многоукладности – это главное ленинское открытие, лежащее в основе всех его выдающихся открытий в области исторического материализма: теории развития капитализма в отсталой аграрной стране, теорий империализма и государственно-монополистического капитализма, теорий социалистической революции и переходного периода. Без понимания этого ленинского наследия распадается на множество статей и брошюр, писанных на злобу дня или популяризирующих то или иное представление марксизма.

Ленинская теория многоукладности означала для него нечто большее, чем просто теоретическое кредо. Владение этой стороной исторического материализма, по Ленину, должно быть неотъемлемой частью практически-политической позиции каждого марксиста, основой стратегии и тактики коммунистической партии в революции.

Именно в этом суть ленинской позиции в его полемике с «экономистами» в 1901–1902 годах по поводу предмета политической агитации среди рабочих. В полном соответствии со своим узким линейно-формационным взглядом экономисты сводили этот предмет к вопросам непосредственного противостояния рабочих с хозяевами своих предприятий. Этой узкоколеиной позиции Ленин противопоставляет – в качестве подлинно классового – объемный, комплексный, выражаясь современным языком – системный подход. «Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие... не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, – тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью... на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества... Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы».

Поборники «экономизма» были лишь одной из разновидностей распространенного типа «марксиста вообще» [105], чья фигура всегда была мишенью беспощадной ленинской критики и относительно которой Маркс как-то в сердцах сказал: «Я знаю только одно, что я не марксист».

Для «марксиста вообще» поп, земец, босяк – несуществующие персонажи вроде снежного человека, поскольку соответствующие понятия не обнаруживаются в составе категории «капитал вообще». По той же причине, когда «марксист вообще» натывается в ленинском наследии на анализ проклятий, которыми реакционные «Московские ведомости» осыпали либерального предводителя орловского дворянства Мишу Стаховича, – для него очевидно, что это не наука. С этой точки зрения Ленин выступает как теоретик только там, где он комментирует, уточняет, конкретизирует, развивает представления о «капитале вообще» применительно к началу XX века и к конкретным условиям России. Такая операция означает проецирование ленинского наследия на главную для Маркса ось теории общественно-экономических формаций. А поскольку, как уже говорилось выше, главный ленинский вклад представляет фактически новое измерение исторического материализма, в этом смысле «ортогональное» первому, при такой проекции это главное исчезает, обращается в нуль, остаются только частности, не дающие никакого представления об исполинской фигуре Ленина-теоретика. Никакого вклада в теорию социализма, помимо все той же художочной абстракции «социализма вообще», при этом, понятное дело, не обнаруживается (более того, вылезают какие-то сомнительные противоречия...). А поскольку допустить такое святотатство никак невозможно, позиция «марксиста вообще» с необходимостью порождает свою противоположность. На авансцену выступает «ленинист вообще», провозглашающий вкладом в теорию научного социализма решительно все написанное Лениным от первой до последней строчки, включая записку в Наркомпрод о выделении 5 фунтов крупы безлошадному крестьянину имярек.

Между двумя этими, по-видимому, полярными фигурами на самом деле много общего. Внешний антагонизм скрывает за собой интимное теоретическое сожительство: первый усердно снабжает второго развернутыми оглавлениями-классификациями для созидаемых многотомных монографий «по» ленинской теории социализма. Оба противника исправно служат на одной кафедре и находятся в прекрасных отношениях с Проницательным читателем. Наконец, обе позиции оставляют без ответа главный вопрос: в чем именно состоит начертанный Лениным путь в построении реального социализма – сегодня и завтра.

В первой части мы выяснили, насколько фундаментальный характер имеет непонимание Маркса Проницательным читателем. Однако судьба ленинского теоретического наследия, изученного, казалось бы, вдоль и поперек, неизмеримо трагичнее. «Марксист вообще» страдает особым видом хронической слепоты, в результате которой в ленинских текстах он «в упор не видит» их специфического предмета. Ему не дано понять, что за той раздражающей пестротой реальной жизни, которая противостоит тому, что он привык считать единственно строгой марксистской теорией, стоит на деле другое, ленинское фундаментальное измерение той же самой теории.

За то, что ленинская теория социализма остается по сей день для нас закрытой книгой, мы платим поистине страшную цену. В 50-е годы была осознана и провозглашена насущная необходимость для нашего общества осуществить переход от экстенсивного к интенсивному типу развития. И вот спустя три десятилетия приходится признать, что все эти годы «экономика продолжала по инерции развиваться преимущественно на экстенсивной основе» [106]. Однако руководители-практики так и не могут добиться от

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org «марксистов вообще» никаких рекомендаций, кроме уже звучавших и 20, и 30 лет назад рецептов «второй свежести» о сочетании централизованного планового начала с расширением инициативы на местах, о еще более настойчивом внедрении НТП и тому подобном.

Авторам (как, вероятно, и читателям) хуже горькой редьки надоели унылые фигуры «марксиста вообще» и Проницательного читателя в частности. Однако от них не так-то просто отделаться, поскольку частица их сидит внутри каждого из нас. Наше изложение подходит к узловому пункту – основам теории реального социализма, которая, наконец, позволит увидеть наше общество в реальной динамике со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом исключительно важно, чтобы с самого начала было ясно, что излагается вовсе не личное изобретение авторов, напротив, не только по духу, но и по букве это именно ленинская теория социализма. Но чем ближе мы к этой цели – тем выше завалы и засеки из одноименных монографий и трудов «по».

В поисках теории социализма нет нужды елозить с микроскопом по всем 55 ленинским томам, с дотошностью жандармской охраны выискивать написанное молоком между строк, начетнически натягивать разрозненные цитаты на каркас умозрительных концепций. Ленин сформулировал свою теорию социализма не оставляющим сомнения образом, работам, в которых это было сделано, он придавал большое значение, постоянно цитировал их, добивался переиздания, перевода на иностранные языки, возвращался к ним вновь и вновь.

Ленинская идея такой теории разворачивается подобно трем расширяющимся кругам, вложенным друг в друга – трем концентрикам, каждый из которых связан с определенной работой, определенной вехой в теоретической и практической деятельности Владимира Ильича.

Первый круг идей вырастает из исследования государственной монополии как формы, опосредующей социализм и капитализм, ГМК как ступени, непосредственно предшествующей социализму. Центральная работа этого концентрика – «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917 г.).

На следующем этапе Ленин непосредственно вводит свое ключевое понятие «многоукладности» в мае 1918 года в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (выходила затем отдельной брошюрой). При этом он существенно опирается на идеи первого концентрика, ссылаясь на «Грозящую катастрофу...» и приводя обширную цитату из нее.

Наконец, на этой основе в работе «О продовольственном налоге» (май 1921 года) Ленин рассматривает диалектику взаимодействия укладов (на материале переходной экономики) и политику руководящего социалистического уклада применительно ко всем иным. Не удовлетворяясь непосредственной очевидностью связи этого круга идей с предыдущими двумя, Ленин прямо вводит в свою работу десятистраничную цитату из статьи «О «левом» ребячестве...», причем цитирует как раз то место, в котором, в свою очередь, содержится цитата из «Грозящей катастрофы...».

Приурочивая третью работу к злободневной дискуссии о продналоге, Ленин не оставляет сомнения в ее принципиальном теоретическом статусе. «Вопрос о продналоге вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров... Обсуждение носит характер немного сутолочный. Этим грехом, по причинам слишком понятным, страдаем мы все. Тем более полезной будет попытка подойти к этому вопросу не с его «злободневной», а с его общепринципальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой мы теперь чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня».

Следуя ленинской логике, мы отводим рассмотрению и разворачиванию трех концентриков его концепции перехода к социализму три раздела данной второй главы нашей работы – предыдущий, настоящий и заключительный. Проведение этой линии до конца покажет со всей ясностью, в чем должен состоять четвертый концентр ленинской теории социализма – ее органичное продолжение применительно к условиям сегодняшнего дня. Такому продолжению и его практическим следствиям целиком будет посвящена третья глава работы.

Понятие «многоукладность» – ключ к тайне «социализма в известном смысле». В отличие от полного, подлинного социализма, – это такой общественный организм, в котором хотя уже возник и стал господствующим социалистический уклад, в остальном же его укладный состав и структура могут быть самыми

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org разнообразными. В частности, в количественном отношении могут абсолютно преобладать «патриархальные, полудикие и по-настоящему дикие» уклады, вплоть до родового.

Социалистический уклад есть осуществляемая под руководством партии коммунистов диктатура пролетариата, составляющая необходимую предпосылку, создающая саму возможность для перехода к социалистическому строительству. «Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма» (Ленин В. И. «О «левом» ребячества...»). По Ленину, «диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанное никакими законами».

Но захватить власть – значит отобрать ее у какого-нибудь другого класса. Революционное ленинское открытие, базирующееся на теории многоукладности, состоит в следующем: если пролетариат созрел для взятия власти, однако она принадлежит не классу капиталистов, а какому угодно иному, пролетариат обязан брать власть без промедления, не дожидаясь, пока она перейдет в руки буржуазии. Этот неизбежный логический вывод из теории многоукладности, который «марксист вообще» вслед за своими зарубежными коллегами привык противопоставлять марксизму как «бланкизм», немедленно приводит к перевороту во взглядах на устройство того общества, в котором возможна пролетарская революция.

Как же устроен общественный организм, в котором имеется развитый капиталистический уклад, однако власть не принадлежит буржуазии, – иначе говоря, какой именно уклад является в нем господствующим?

Им не может являться «чистая» власть, поскольку как таковая она не создает рамок для существования экономических укладов. Из истории хорошо известно, что примитивные азиатские деспотии не знали иного отношения к торговому укладу, помимо прямого грабежа, который быстро приводил к его полному уничтожению. Это может быть только власть, опирающаяся на закон, то есть та связка административного и регламентационного укладов, о которой говорилось выше. Но поскольку государственная монополия здесь еще отсутствует – перед нами восточная форма собственности. Экономические уклады (право, деньги, капитал) существуют в рамках закона и эксплуатируются внеэкономическим путем, главным образом через налогообложение.

Перед нами весьма архаичная общественная структура, появляющаяся в истории за много тысячелетий до капитализма. Все развитые экономические формы, включая капитал, по выражению Маркса, уже существовали «в порах древних обществ». Различия состоят лишь в большей или меньшей степени развития капиталистического уклада внутри этих «пор» закона. Возможность появления в этих узких архаических рамках революционного пролетариата с развитым классовым самосознанием, то есть подготовленного коммунистической партией к революционной практике на основе революционной теории, создается только благодаря тому, что вне данного общественного организма существуют страны развитого капитализма, откуда может быть импортирована эта практика и заимствована эта теория.

При этом буржуазия в укладе, подчиненном восточной форме собственности, может быть весьма слабой, не имеющей политического опыта, находящейся в двойной зависимости – как от государственной бюрократии, так и от мощного зарубежного капитала. В такой политической обстановке главным противником пролетариата является авторитарная власть монархически-тиранического типа и реализующий ее государственный аппарат, а вовсе не национальная буржуазия, части которой на отдельных этапах борьбы с этой властью могут быть даже попутчиками пролетариата.

Таков вкратце логический путь от теории многоукладности к неизбежному революционному выводу о победе пролетариата первоначально в одной, отдельно взятой стране со средним уровнем развития капитала, выводу, который в линейном мировосприятии «марксиста вообще» падает с неба.

Пролетариат, взявший власть в такой стране, оказывается перед лицом той реальности, что основная масса производительных сил и производственных отношений имеет архаический характер, а те силы, которые были развиты в рамках капиталистического уклада, частично или полностью разрушаются в ходе борьбы за власть. Во весь рост встает безотлагательная задача развития производительных сил в масштабах страны до уровня индустриального, крупного машинного производства, – не столько из уважения к требованиям теории,

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org сколько из-за того, что на границах государства диктатуры пролетариата стоит классовый враг, чья колоссальная военная мощь опирается именно на такие производительные силы.

Цель, на достижение которой логикой борьбы должен направить свои усилия возникший социалистический уклад, есть власть диктатуры пролетариата плюс производительные силы крупнокапиталистического типа в масштабах всей страны – то есть государственная монополия пролетарской власти, ГМС. «...Иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь...» (Ленин).

Способы, типы движения государства диктатуры пролетариата от восточной формы собственности к государственно-монополистической могут быть различными. Однако суть дела состоит в том, что это есть не непосредственное движение к социализму, а лишь переходный период, создающий возможность начать такое движение после достижения ступеньки ГМС. Государство диктатуры пролетариата в условиях переходного периода имеет полное моральное право написать на своем знамени «Социалистическая республика». Надо только не забывать, что «...выражение социалистическая... республика означает решимость... власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими». Именно такое состояние общества Ленин называет «социализмом в известном смысле».

Но разве невозможно спрямить путь, то есть перейти от восточной формы собственности напрямую к государственной собственности полного социализма, минуя промежуточную станцию государственной монополии?

Чисто теоретически это спрямление пути является возможным, но для первой страны победившего социализма практически неосуществимым. Трудность здесь двойного характера. Во-первых, производительные силы, которые предстоит развить в этом случае, должны уже не столько соответствовать уровню развитого капитализма, сколько качественно превосходить этот уровень, образуя материальный базис подлинного социализма. Во-вторых, эти производительные силы должны с самого начала строиться в оболочке хозяйственного механизма, полностью контролируемого регламентационным укладом, то есть таким образом, чтобы ни на одном из этапов не допустить возникновения и выхода из-под контроля отчужденных экономических форм присвоения. Но такая грандиозная задача, во-первых, по плечу только партии, обладающей, помимо колоссального политического опыта, заранее подготовленной теорией социалистического строительства, детализированной по этапам вплоть до завершения первой фазы коммунизма, мало того, обладающей комплексом специальных средств социального проектирования; во-вторых, – в стране, имеющей необходимые ресурсы всех типов, включая мощный научный и культурный потенциал; в-третьих – в условиях исключительно благоприятной международной обстановки на исторически длительный период.

В принципе подобный скачок Ленин считал мыслимым. Говоря о материальном базисе, адекватном подлинному социализму, Ленин пользовался образом «электрификации». Конечно, нужно иметь в виду, что он понимал электрификацию не в узкотехническом смысле (то есть не как совокупность лампочек, динамо-машин и т. п.), а гораздо глубже («...+американская организация трестов и народного образования + прусская организация железных дорог +...»).

В работе «О продовольственном налоге» он писал: «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии... Это условие – электрификация... Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка».

Наличие извне социалистического субъекта, то есть страны, которая, миновав стадию «социализма в известном смысле», уже вступила в подлинно коммунистический тип развития, в корне меняет все дело. Возможность помощи извне значительно обогащает и усложняет спектр реальных форм перехода к подлинному коммунистическому действию. Общий случай такого зависимого социалистического развития будет рассмотрен в третьей главе. Здесь же мы имеем частный, но весьма важный случай становления первого в истории социалистического государства во враждебном окружении.

Поскольку в самом развитии от восточной формы собственности к государственно-монополистической нет еще ничего специфического для социализма, власть, осуществляющая это движение, совсем не обязательно должна быть диктатурой пролетариата. Это может быть диктатура, монархия или олигархия самого различного состава, решающая задачу развития производительных сил страны по внешнему капиталистическому образцу. Один из первых прецедентов такого развития, например, можно усмотреть в Японии первых десятилетий после революции Мэйдзи. Нетрудно понять, что предельной точкой такого развития будет опять-таки ГМК, с тем лишь важным отличием, что с формационной точки зрения мы приходим к нему с «противоположной стороны», то есть не от капиталистической, а от восточной формы собственности.

Понятно, что если победа диктатуры пролетариата, по Ленину, возможна в двух крайних точках пути, соединяющего восточную форму собственности с государственно-монополистической, то она возможна и в любой другой точке этого пути. Но, с другой стороны, поскольку производительные силы на всем его протяжении имеют экономическую, то есть не специфическую для социализма природу, – власть может быть в любой момент утеряна, не говоря уже о постоянной угрозе внешней контрреволюции.

Однако каким бы парадоксом это ни казалось, но в отсутствие внешнего коммунистического субъекта ничуть не менее трудным оказывается прямое коммунистическое действие, стартующее в условиях развитого домонополистического капитализма. Правда, причины этих трудностей здесь имеют совершенно иной, даже противоположный характер.

Абстрактно, суть каждого отдельного шага по преодолению отчуждения, как мы уже выяснили, состоит во взятии под нормативный контроль (то есть превращении в часть хозяйственного механизма) верхнего слоя отчужденных экономических отношений и регулировании при помощи этого механизма (нормативов) всех нижележащих слоев отчужденных отношений. Но эта экономическая абстракция не вскрывает политической сути дела. За каждым слоем экономических отношений стоит определенная форма частной собственности, а за ней, в свою очередь, конкретный класс, сословие, прослойка собственников. Невинная абстракция «преодоления отчуждения» означает для этой прослойки собственников узурпирование их основной формы деятельности государством, то есть, конкретнее, ограничение прав и возможностей распоряжаться своей собственностью, или, еще конкретнее, частичную экспроприацию. Поэтому «чистая» линия преодоления отчуждения означала бы, что экспроприруемые частные собственники ни в одной точке своего отступления не должны прибегать к внеэкономическим методам сопротивления, а наступающее государство, в свою очередь, нигде не должно сваливаться на путь государственной монополии. Но такое галантное соблюдение классовыми противниками всех правил экономического фехтования, составляющее голубую мечту австромарксистов, мыслимо только при выполнении ряда жестких условий.

Во-первых, это огромный политический опыт и экономическая компетентность правящей партии в сочетании с оснащенностью и владением специальными средствами нормативного социального проектирования. Во-вторых, постепенность, длительность процесса экспроприации, в условиях которой собственникам только и имеет смысл идти на компромиссы и даже на экономическое сотрудничество с государством. И, в-третьих, такие исключительно благоприятные для пролетарской власти внешние условия на всем протяжении этого длительного периода, которые фактически не оставляли бы для частных собственников альтернативы экономическим компромиссам с властью.

Однако, как и в случае с прямым движением к социализму от восточной формы собственности, наличие извне коммунистического субъекта позволяет резко ограничить или даже снять эти требования – то есть превращает этот теоретически мыслимый путь в практически реализуемый. Но здесь, как и прежде, мы отсылаем читателей к третьей главе, в которой излагаются вопросы теории зависимого развития.

Наконец-то начинают вырисовываться контуры снятия «неразрешимого» противоречия, которое недиалектический ум «марксиста вообще» усматривает между позициями Маркса и Ленина в вопросе перехода от капитализма к социализму.

Маркс совершенно не случайно указывал, что если социалистическая революция берет старт на этапе домонополистического капитализма, то она имеет шансы на успех только в условиях одновременной победы пролетариата всех развитых капиталистических стран. С другой стороны, теперь ясна позиция Ленина относительно необходимости ступени ГМК в случае победы пролетариата в одной, отдельно взятой стране. Но при этом Ленин специально объяснял, что пролетариату, берущему власть, нет нужды дожидаться, пока олигархия доведет ГМК до полностью завершенной формы государственной монополии. Опираясь на ее готовые элементы, он должен устанавливать диктатуру и проводить дальнейшую монополизацию, исходя из условий внутренней и внешней классовой борьбы.

Изложенные соображения позволяют увидеть общую схему возможных путей к социализму при условии победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране. Перед нами предстает колоссальное разнообразие – качественное и количественное – исторических путей. То, по какому из них пойдет революция в данной стране, зависит, во-первых, от уникального комплекса укладов, составляющих ее социальный организм, а во-вторых, от всего сочетания внешних – политических, экономических, военных, – факторов и их динамики.

Мы настолько свыклись, сжились с убожеством навязываемой катехизисом классической триады «капитализм – переходный период – социализм», что ее сопоставление с подлинными взглядами Маркса и Ленина, взятыми в их диалектическом единстве, не может не вызывать щемящее чувство утери невинности. Между тем, удалось сделать лишь несколько первых робких шагов от абстракции «социализма вообще» ко всему богатству конкретного содержания переходной эпохи. Каким же мужеством должен обладать Проницательный читатель, отправляющийся в джунгли с благим намерением углубить теорию эволюции, в то время, как его познания в биологической систематике едва ли позволяют ему даже в ясную погоду отличить пень от волка!

В процессе восхождения от абстрактного к конкретному мы намеренно всячески избегали отождествления получаемых теоретических конструкций с реальной действительностью. Перед каждым теоретиком, покушающимся на квалификацию реального положения дел в народном хозяйстве, должен витать бессмертный образ гегелевской торговли тухлыми яйцами, в совершенстве владеющей искусством абстрактного мышления.

Но в следующем разделе, сознательно идя на грех, мы сделаем первую попытку именно такой квалификации. Хотя из соображений научного пуризма следовало бы еще долго совершенствоваться в искусстве диагностики, бывают ситуации, когда простое умение отличать холеру от поноса не только дает моральное право, но и настоятельно повелевает вмешаться.

8

Схема перехода к социализму теперь налицо, но теоретические злоключения на этом не кончаются. Остается непонятным самое главное: в чем же состоит «действительное коммунистическое действие» по отношению к государственной монополии? Мы вернулись к тому пункту, откуда пришли. Вспомним, что в результате создания государственной монополии пропал предмет преодоления отчуждения – экономические отношения. Мы оказались в положении героя китайской притчи, который долго изучал искусство уничтожения драконов отчуждения, а прибыв к месту постоянной работы, указанных драконов не обнаружил. Однако, судя по состоянию окружающей среды, драконы где-то поблизости, и их немало...

В условиях государственной монополии мы имеем полный набор негативных проявлений экономики при ее видимом отсутствии. Это означает, что экономика, упраздненная декретами, с авансены явлений ушла в подполье сущности.

Государственная монополия есть средство, конкретнее – учреждение, с помощью которого государство присваивает, эксплуатирует производительные силы. Такова видимость дела, но не такова его суть. На каждом этаже здания монополии, воздвигнутого на месте упраздненных экономических отношений, притаились объективные экономические законы, непознанные и поправленные при этом упразднении.

Если мы, не сумев или не потрудившись познать сущность природного явления, пытаемся заменить его искусственным творением, эта сущность охотно находит новую форму своего проявления, овладевая нашим детищем и, посредством него, подчиняя собственным законам нас самих.

Монополия при этом оказывается – таки формой присвоения: именно посредством нее экономические законы присваивают нас и овладевают нами. Каждое хозяйственное учреждение благодаря их козням начинает играть роль бездонного ящика Пандоры, из которого сыплются бесчисленные организационные проблемы. Руководство, позабывши сон и покой (а заодно и предмет), только и делает, что совершенствует оргструктуру, сливает подразделения и разделяет оные, делегирует полномочия и присваивает их назад, поочередно переходит от отраслевого принципа к территориальному, сокращает звенность и увеличивает штаты, пишет регламенты для установления ответственности и ищет ответственных за несоблюдение регламентов, централизует и децентрализует, специализирует и кооперирует... Но в результате этой титанической деятельности экономические корни «организационных» проблем остаются нетронутыми, и руководству неизменно приходится, наплевав на аппарат государственной монополии, через его голову лично выбивать недостающие вагоны.

«Однако нас на мякине не проведешь, – заметил бы Проницательный читатель, окажись он поблизости. – Есть государственная монополия и государственная монополия!» И был бы прав.

Конечно, если замок означенной монополии возведен на кладбище попорченной экономики, не удивительно, что его обитателей терроризируют экономические привидения. Но если этот замок воздвигнут на девственном фундаменте восточной формы собственности, кажется совершенно непонятным, почему призрак экономических сущностей должен оглашать своими стонами его незапятнанные организационные своды.

Давайте разберемся. Было ли государство третьей династии Ура (III тысячелетие до н. э.) монопольным обладателем всех производительных сил? Безусловно, было. Но при этом оно само непосредственно присваивало эти производительные силы, не нуждаясь ни в какой дополнительной опосредующей пристройке – монополии из учреждений типа Минфина и Стройбанка. Где же разница между бесхитростными методами указанной династии и прогрессивной хозяйственной политикой просвещенного ГМС?

Разумеется, ответил бы Проницательный читатель, различие прежде всего состоит в уровне развития производительных сил. И был бы снова глубоко прав. Однако, заметим на этот раз мы, есть производительные силы и производительные силы.

Те силы, которые получает в наследство от восточной формы собственности победивший пролетариат, в массе своей принципиально мало чем отличаются от достояния упомянутой династии. Однако спустя всего несколько десятилетий мотыгу и соху вытесняют, быстро сменяя друг друга, трактор «Фордзон», ДТ-54, «кировец»... и в целом вся технологическая база стремительно революционизируется по крупнокапиталистическому образцу. Пристройка государственной монополии и возникает для нужд эксплуатации нового индустриального воинства.

Однако по мере того, как завершается здание государственной монополии, становится все более заметно, что эти экзотические стальные культуры не слишком – то пышно произрастают на подзолистой почве ГМС. Выражаясь прозаическим языком, отдача технологической единицы в среднем оказывается в несколько раз ниже, чем у ее капиталистического аналога. Самое обидное, что эта участь постигает не только отечественную сноповязалку, но и ее двоюродную сестру, произведенную по лицензии, и даже самое импортное диво, творившее чудеса эффективности на заморской почве.

Дело в том, что, когда «марксист вообще» называет современный машиностроительный завод, возведенный в условиях ГМС, качественно новой производительной силой, он не выражает сути дела. От не вооруженного категориями взгляда ускользает структура спрятанных в его эмпирической оболочке производительных сил. Завод есть технологическая основа плюс организационная форма такой экономической производительной силы, как наемный труд. Но эта теоретическая близорукость – лишь проявление

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org практической слепоты государственной монополии, которая, как мы увидим, умеет эксплуатировать в современных производительных силах лишь технологию и организацию, в то время как их экономическая сторона остается в основном скрытой и не присваивается. Именно эти экономические сливки ускользают от могучего доильного агрегата государственной монополии, и по причине его конструктивного несовершенства приходится довольствоваться лишь технологической водичкой и организационным молоком.

Независимо от того, унаследованы ли производительные силы от капитализма или, как принято выражаться, ГМС развился «на своей собственной основе» из восточной формы собственности, природа этих сил остается той же самой. Это экономические производительные силы крупнокапиталистического типа, которые могут присваиваться исключительно посредством экономических, то есть частных форм собственности.

Организационные формы присвоения являются стандартными, усредненными. Это предписания, нормативы, инструкции, единообразно регламентирующие эксплуатацию производительных сил в масштабах объединения, отрасли, региона, всего государства. Организация как бы облачает «голые» технологии в стандартное обмундирование разных «родов войск», загоняя каждую технологическую единицу в прокрустово ложе отведенной ей роли-функции; непротиворечивая совокупность, кооперация этих функций определяется соответствующим «уставом гарнизонной и караульной службы».

В противоположность государственной частная собственность потому, в частности, и называется частной, что каждая единичная производительная сила присваивается в специфической, индивидуализированной форме. Различие между ней и усредненно-нормативной формой не менее разительно, чем разница между идеально облегающим костюмом «от Диора» и сковывающей движения, мешковатой казенной гимнастеркой. Благодаря этому в экономике разрешается противоречие между индивидуальным потенциалом каждой производящей технологической единицы и стандартной формой ее присвоения, то есть организационной ролью-функцией; за счет этого, помимо стандартной, предписанной нормы выработки, удастся вскрыть все внутренние резервы, получить индивидуальный прибавочный продукт. Однако само противоречие вовсе не исчезает бесследно, напротив – оно «выворачивается наизнанку», экстериоризируется в виде огромного комплекса экономических отношений-противоречий между частными производителями. В условиях капитализма эти противоречия разрешаются конкурентной борьбой, рыночной стихией и другими отчужденными экономическими механизмами. Но, в свою очередь, из-за кулис сущности этими механизмами управляют незримые законы самовозрастания стоимости.

Какие последствия влечет за собой героическая попытка государственной монополии вырвать из триады «экономические законы – экономические производственные отношения – экономические производительные силы» среднее звено и заменить его отношениями организационными? Есть две причины, одна из которых делает эту попытку практически нереализуемой, а другая – теоретически безнадежной.

Строго говоря, формы присвоения не могут быть индивидуальными, частными, одновременно оставаясь при этом организационными. Закон или норматив есть некое правило или предписание, применяемое к определенному множеству объектов; он перестает быть таковым, если это множество состоит из одного уникального элемента. Таким образом, организация не может заменить экономику, оставаясь при этом сама собой. Практически это выражается в том, что аппарат, который пожелал бы индивидуально регламентировать каждую из многочисленных производственных единиц, в отсутствие мощных специальных средств нормативного проектирования оказался бы несостоятелен с первых же шагов уже из-за одной только огромной размерности этой задачи.

Однако подлинная трудность состоит даже не столько в том, чтобы все и вся индивидуально регламентировать, сколько в том, чтобы путем наложения и целенаправленного изменения подобной индивидуализированной регламентации разрешать объективные противоречия между всем множеством производственных единиц. Но в этом и состоит преодоление отчуждения, в данном случае – отчуждения одного производителя от другого, которое возможно только на основе познания необходимости, то есть трех уровней объективных экономических законов самовозрастания стоимости. Поскольку государственная монополия по известным причинам игнорирует эти законы, они ей платят взаимностью, превращая каждое из ее учреждений в свою игрушку описанным выше образом.

Суммируя все сказанное без теоретических околичностей, нужно прямо сказать, что государственная монополия не в силах присвоить производительные силы современной экономики, они остаются для нее неосвоенной и пропадающей зря частью природы, подобной нескошенной траве.

Например, независимо от благих намерений, с наемным трудом монополия фактически обращается как с рабским, то есть формально регламентирует его отдельные моменты (приход и уход с работы и т. д.), получая в ответ «отбывание номера», то есть незаинтересованный труд с низкой производительностью, но при соблюдении формальностей. К производительной силе общественно-полезного труда она де-факто относится как к кооперации, централизованно предписывая сверху ассортимент и качество полезной (по ее мнению) продукции. Из-за этого значительная часть продукции оказывается никому не нужной, а затраченный на ее производство труд – общественно-бесполезным.

В итоге из девяти слоев развитых классическим капитализмом производительных сил государственная монополия в состоянии присвоить только нижние шесть – технологические и организационные.

Ее отставание в эффективности и производительности труда от капитализма невозможно устранить путем «повышения ответственности», «наведения порядка» и т. п. – оно носит принципиальный, сущностный характер. Правда состоит в том, что она эксплуатирует свои высокоразвитые в технологическом и организационном отношении производительные силы архаическими методами, история которых в их практически современном виде насчитывает несколько тысячелетий.

Не правда ли, нам теперь совершенно ясна главная проблема, которая встает перед завершенным государственно-монополистическим социализмом?

Обладая производственной базой, либо унаследованной от развитого капитализма (ГМС-1), либо построенной по его образцу (ГМС-2), он никак не может преодолеть значительное отставание в производительности труда, эффективности использования этой базы. Никакие ухищрения организационного характера не способны ликвидировать это отставание, ибо данный запрет, как было показано, имеет столь же фундаментальный характер, как запрет на создание вечного двигателя.

Особенно тяжелой эта проблема становится в ситуации, когда представление о разрешающем эту проблему «действительном коммунистическом действии» (Маркс) утеряно в течение десятилетий переходного периода, а общественные науки назойливо зудят над ухом руководства о том, что исторический материализм якобы повелевает во все века и при всех обстоятельствах «совершенствовать» производственные отношения, то есть приводить их в соответствие с достигнутым уровнем производительных сил.

Мы уже разобрались, что это несоответствие состоит в полном отсутствии у государственной монополии форм присвоения «верхнего», экономического слоя ее производительных сил. Было также показано, что, по самому определению экономических производительных сил, им могут соответствовать только частные формы присвоения.

Государственная монополия здесь берется решать головоломку, подобную той самой, перед которой спасовал Всевышний.

Как известно, он вознамерился было продемонстрировать свое всемогущество, сотворив такой камень, который сам не в силах был поднять. Здесь же необходимо всемерно развивать частные формы собственности, не просто ухитряясь как-то сохранять господство над ними государственной монополии, но и, сверх того, выдавая все это за деятельность по уничтожению частной собственности во имя общественной.

Однако выхода нет, и де-факто постепенно складывается некое движение по этому парадоксальному пути.

С целью присвоения экономической силы производительного труда начинается делегирование прав и полномочий отдельным лицам и организациям распоряжаться теми или иными элементами производительных сил и частью изготовленной продукции. На этом этапе государственная монополия покуда

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org сохраняет основные права собственника за собой, изымает большую часть прибавочного продукта в свою пользу, а права производителя распоряжаться остатком существенно ограничивает. Мы намеренно не торопимся произнести напрашивающееся слово «хозрасчет», поскольку данная форма практически в современном виде была известна задолго до нашей эры. Подлинная сущность вводимых отношений состоит, строго говоря, в том, что в рамках господствующего регламентационного уклада (государственной монополии) искусственно вводятся и культивируются правовые отношения – то есть феодальный уклад.

В результате плодятся и множатся феодально-ведомственные бароны-разбойники, которые, узурпируя и произвольно толкуя права, предоставляемые предприятиям государством, ставят их в вассальную зависимость от себя. Возникает полоса затяжных феодальных войн и министерских распрей, примирить которые оказывается не под силу даже Госплану.

По многим линиям такое развитие толкает к введению элементов рыночных отношений. Мало довести делегирование полномочий до уровня предприятий, необходимо превратить их производительный труд в общественно-полезный. Эмпирически это означает, в частности, преодоление диктата производителя над потребителем. В попытке создать механизм учета «спроса» государственная монополия обязывает производителей самим реализовывать произведенную продукцию, переходя с этой целью со взимания «оброка» (безразлично, в натуральной или денежной форме) к изъятию фиксированного процента с выручки, полученной в результате реализации продукции. На этом пути таится немало ловушек, логика преодоления которых заставляет вводить товарно-денежные отношения во все более полном объеме.

Имеющиеся исторические прецеденты показывают, что дальнейшим логически необходимым шагом на этом пути является предоставление руководителям предприятий права использовать полученную прибыль для расширения производства, а значит – права покупать и продавать основные фонды, нанимать дополнительную рабочую силу, свободно устанавливать заработную плату – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопросом о том, каковы эти последствия, задавались еще легисты («фацзя»), в Китае III века до н. э. В условиях централизованной авторитарной государственной монополии и перед лицом необходимости развивать производительные силы страны, легисты предлагали реформы, которые «...открывали путь для развития частнособственнических тенденций и роста товарности хозяйства... Однако по мере осуществления политики реформ, открывавших новые возможности экономическому развитию страны, у легистов стало намечаться отрицательное отношение к крупному частному предпринимательству, развивавшемуся наиболее активно в области промыслов, ремесла и торговли. «Если государство вызовет к жизни силы народа, но не сумеет их обуздать, то оно будет нападать на самого себя и обречено на гибель», – заявлял шан ян» [107].

На практике все превратности этого пути проверены трехсотлетней историей эллинистического государства Птолемея в Египте [108]. А вообще-то данный тип развития – один из наиболее распространенных в истории. Но для того, чтобы история чему-то учила, ее необходимо учить, учиться видеть в ней прежде всего не антураж в виде кривых мечей или экзотических китайских халатов, а логику развития многоукладных социальных организмов. Только элементарным незнанием фактов экономической истории и непониманием основ ленинской теории многоукладности можно объяснить то, что наши «теоретики», строя экономический велосипед, до сих пор претендуют на мученический венец хозяйственных реформаторов-первопроходцев.

Каковы же плюсы и минусы такого развития и его формационно-укладная природа?

Плюсы, казалось бы, очевидны. Увеличивается объем производства, растет благосостояние населения. Но «благосостояния вообще» не существует так же, как и «свободы вообще». Перефразируя Ленина, можно задать вопрос: благосостояние для кого, для каких именно групп населения? Ответ на самом деле известен всем. Благосостояние члена общества в этом типе развития растет в той мере, в какой он вовлечен в одну из частных форм присвоения, в один из экономических укладов. Возникает парадоксальная ситуация: чем дальше человек уходит от привычного нам социалистического уклада («жизнь на одну зарплату»), тем в большей мере растет его благосостояние. Это

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org своеобразное «материальное стимулирование» неизбежно наносит ущерб делу преодоления отчуждения вообще и делу воспитания соответствующей личности – в частности.

Другая иллюзия состоит в том, что государственная монополия, поддерживая жесткий контроль и взимая налоги с культивируемых ею частных укладов, может якобы увеличить свой доход. В беспочвенности этих мечтаний убедилась еще династия Птолемеев. Государственная форма собственности никогда не сможет удержать контроль над развитием частных форм уже хотя бы потому, что экономические формы деятельности являются эволюционно более высокими, более прогрессивными по сравнению с организационными и, как показывает история, неизменно торжествуют над ними. Птолемей, приоткрыв лазейку для частных форм, затем тщетно раздували бюрократический аппарат, создавая одно контрольное ведомство за другим. Чиновники, получающие зарплату, никогда не смогут проконтролировать обладающих широкими возможностями, влиятельных частных (или всего лишь «самостоятельных») производителей, которые скупают аппарат «на корню», обращая контролеров государственной монополии в собственных агентов-лоббистов при центральной власти. Иными словами, в той мере, в которой растет производство в рамках частных укладов, сами эти уклады закономерно выходят из-под контроля государственной монополии и не приносят ей ожидаемого дохода. Например, в Польше в начале 80-х годов доходы крестьян по сравнению с концом 70-х годов выросли почти в три раза, а поступления в госбюджет в виде налогов остались на прежнем уровне.

По-человечески понятно, что идеологам ГМС-2, который возник из восточной формы собственности, развиваясь «на собственной основе», подобная «хозяйственная реформа» должна показаться движением вперед, к неким непознанным экономическим горизонтам. Но фактически это движение всего лишь проходит – в обратном порядке – по тем самым этапам, через которые движется его двойник, ГМС-1, стартующий от развитого капитализма и шаг за шагом упраздняющий частные формы собственности. Для такого ГМС-1 эта «хозяйственная реформа» означала бы не что иное, как движение назад в чистом виде, – то есть признание собственной несостоятельности.

Главное же заключается в том, что все эти нешуточные исторические муки, возвратно-поступательное движение к точке ГМС и от нее, «развитие производительных сил» и «совершенствование производственных отношений» есть лишь разнообразные перемещения все еще по ту сторону границы коммунистического типа развития, не содержащие ни грана «действительного коммунистического действия».

Теперь уже не только теоретически, но и наглядно-практически видно, в чем состоит перспектива деятельности по «приведению производственных отношений государственно-монополистического социализма в соответствие с его производительными силами». Поскольку эти силы прямо (ГМС-1) или косвенно (ГМС-2) заимствованы им у капитализма, то и адекватной оболочкой для них является капитал [109]. Этот вывод, увы, неизбежен: по самой своей сути, по своему определению производительные силы экономики могут присваиваться только в частной форме. Незнание экономических законов никого не избавляет от обременительной необходимости им следовать. Перед нами – зигзаг развития.

Точная квалификация хозяйственного развития нашей страны с середины 20-х годов средствами ленинской теории многоукладности – задача специальной работы, которая потребует привлечения гораздо более глубоких сущностных слоев и конкретных понятий этой теории и использования значительного объема труднодоступного фактического материала. Однако, даже используя те грубые абстракции, которые были здесь введены, необходимо сказать главное.

К началу 40-х годов был в основном завершен период перехода от преобладавшей восточной формы собственности к государственно-монополистической. Война, послевоенное восстановление, потребовавшая громадных ресурсов эпопея создания ядерного оружия – все это привело к более чем десятилетней задержке в хозяйственном строительстве.

К середине 50-х годов, в связи с завершением строительства ГМС, проблемы полного исчерпания административно-регламентационных методов развития и необходимости немедленного перехода к «действительному коммунистическому действию» встали во весь рост. Однако по целому ряду объективных и субъективных причин понимание сути такого действия к этому моменту отсутствовало. Назревшие проблемы осознавались как необходимость «перехода

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org от экстенсивного развития к интенсивному», «преодоления чрезмерной централизации», «перехода от организационных методов хозяйствования к экономическим» и т. п.

В этой ситуации, в условиях жесткой внешней необходимости увеличивать объемы производства, наращивать расходы на оборону, продолжая при этом повышать благосостояние трудящихся, развитие не могло не пойти в направлении все более настойчивых попыток создавать в рамках государственной монополии экономические формы присвоения производительных сил. Формационный статус такого развития, его истоки и перспективы уже обсуждались выше.

Такова суровая действительность, такова разгадка Парадокса 3. Социализм пока еще не существует, существует лишь незрелый «социализм в известном смысле». Мы десятилетиями топчемся вдоль границы переходного периода и коммунистической эпохи, поскольку невозможно на ощупь, вслепую вступить в новый тип развития. «Мы боимся посмотреть прямо в лицо «низкой истине» и слишком часто отдаем себя во власть «нас возвышающему обману». Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы» (Ленин. «О продовольственном налоге»).

Возвращаясь к основной мысли первой главы, нужно подчеркнуть, что тридцатилетний «зигзаг» нашего развития, находясь в противоречии с объективной логикой смены эпох и перехода к коммунистическому типу развития, должен быть признан прогрессом с точки зрения логики «марксиста вообще», поскольку образцово соответствует его «трактовке» материалистического понимания истории.

Приходится только с сожалением вспомнить о тех суровых и легендарных временах, когда коллегам Проницательного читателя разрешалось лишь воспевать и задним числом «обосновывать» практику нашего хозяйственного строительства. Затем пришли иные, более просвещенные времена, и к «теоретическим рекомендациям» начали-таки прислушиваться. Теперь мы пожинаем плоды этого просвещения.

Парадокс 5 (Парадокс жизни в свете «теории»)

Логика противоборства с капитализмом требует достичь его уровня производительности труда и эффективности производства. Как указывает «наука», кивая на исторический материализм, с этой целью нужно усовершенствовать производственные отношения, приведя их в соответствие с производительными силами. Однако хотим мы этого или нет, но такое приведение, как выяснилось, может означать только искусственное воссоздание всех форм частной собственности вплоть до капитала. Таким образом, последовательное проведение принципиальной линии «марксиста вообще» означает побивание зарубежного капитализма путем создания отечественного

Перед нами, увы, не одна из хитроумных «апорий Зенона», а реальный парадокс жизни, последних трех десятилетий практики нашего хозяйственного строительства. Поэтому и разрешение его может быть достигнуто лишь в практике, в осуществлении «действительного коммунистического действия».

Марксистско-ленинское понимание такого действия применительно к нашим условиям – предмет третьей главы. Наиболее поразительные парадоксы, главные теоретические открытия, самые важные практические выводы – впереди.

(Конец главы 2)

26.06. – 8.08.85 г.

г. Москва

Часть 8 Конспекты, фрагменты, черновики, письма

83.11.18–12.13 (Из тезисов о теории реального социализма)

Капитализм и реальный социализм как две различные формы движения социальной

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org материи разделяет в качественном отношении глубочайшая пропасть. Переходя через нее, социальная материя обретает сознание: возникает – пусть еще в самом зачаточном виде – отношение сознательности между общественным сознанием и общественным бытием. Общественное сознание начинает долгий путь своего превращения в субъекта истории. В результате этого логика движения социально-экономической формы производства претерпевает кардинальное изменение. Теперь диалектика взаимодействия формы (производственных отношений) и содержания (производительных сил) опосредствована общественным сознанием, а сама форма выступает как реализация обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие.

Именно в этом заключается коренное, принципиальное преимущество нового способа производства над капиталистическим «самодвижением», неподвластным контролю общественного сознания. Однако на первых ступенях реального социализма это преимущество выступает как потенциальное, его только еще предстоит реализовать. Более того, внешне все выглядит чуть ли не наоборот: самодвижение производства уничтожено вместе с его капиталистической формой, и новое общество вынуждено «с головой» погрузиться в производственную проблематику. Центральные газеты и журналы обсуждают проблемы нехватки лампочек и исчезновения зубных щеток, миллионы трудящихся в минуты отдыха смотрят художественные фильмы о внедрении бригадного подряда... – общественное сознание кажется поработанным производственным бытием.

Идущий человек не тратит энергии своего сознания на то, чтобы управлять движением каждой из сотен вовлеченных в это мышц, контролировать дыхание, частоту пульса, перистальтику – всю эту работу берет на себя спинной мозг, высвобождая тем самым головной для высшей нервной деятельности – решения вопросов о том, куда идти и каким маршрутом. Представим себе теперь, что человек обрел возможность избавиться от поработавших его безусловных рефлексов и ограничений, присущих унаследованному от эволюции спинному мозгу. Но для начала он должен взять на себя всю его работу, пропуская ее через сознание. Теперь, до тех пор, пока он не подчинит жизнедеятельность своего организма, минуя сознание, какому-то новому центру, лишенному ограничений прежнего спинного мозга, он будет вынужден часами сознательно планировать каждое элементарное движение руки, рискуя при этом умереть из-за того, что забыл о необходимости поддерживать дыхание или не успел проконтролировать пульс. В этот период перехода, когда прежний спинной мозг уже «отключен», а новый еще не сформирован, человек будет очень скован в своих движениях, и до момента включения нового усовершенствованного рефлекторного центра будет даже уступать обладателям прежних рефлексов.

Но при дальнейшем совершенствовании спинного мозга этот неприятный момент больше не повторится: человек научится заранее проектировать и конструировать в себе новый центр управления жизнедеятельностью, и затем плавно «переключать» свое тело на него. Его сознание будет заниматься именно этим конструированием и переключением, а вовсе не динамикой движения мизинца левой руки.

Хотя анатомия такого человека (во всем, кроме спинного мозга) не претерпела бы особых изменений, прежняя физиология в качестве науки о функционировании организма потеряла бы всякий смысл. Ей на смену пришла бы психофизиология, которая изучала бы организм, осуществляющий сознательную деятельность по перестройке и совершенствованию системы собственных безусловных рефлексов, управляющих его жизнедеятельностью.

Эта прозрачная, хотя и затянувшаяся аналогия позволяет пояснить сразу многое: и структуру процесса развития экономики реального социализма, и сущность этапа, переживаемого сегодня нашим народным хозяйством, и подлинный логический статус так называемой «политэкономии социализма».

85.05.05 (Из заметок о полемике В. И. Ленина с «легальными марксистами»)

...Обратимся к краткой ленинской заметке «Ответ г. П. Нежданову», написанной в мае – июне 1899 года. Этой заметкой практически завершается полемика Ленина с «легальными марксистами», которая продолжалась в течение шести лет, подводится черта под этой полемикой, ставятся все точки над «i».

В заметке Ленина «Ответ г. П. Нежданову» и также в двух других коротких работах, написанных в том же году (а именно: «Заметка к вопросу о теории рынков» и «Еще к вопросу о теории реализации»), Ленин показывает, что метафизический характер позиции «легальных марксистов» в вопросе об анализе

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
капиталистического воспроизводства выражается в следующих пунктах:

Прежде всего они попросту не владеют основной, фундаментальной категорией диалектики, категорией противоречия, трактуют противоречия метафизически, а не диалектически, то есть понимают противоречия как недостаток теории, как феномен теории, а не как часть реальной жизни, рассматривают противоречия как стену, в которую упираешься лбом, а не как источник развития.

Во-вторых, как нетрудно понять, необходимым следствием этого является и их принципиальное непонимание конкретного содержания вскрытого Марксом противоречия капиталистического воспроизводства.

В-третьих, они не понимают соотношения Марковского анализа сути противоречий воспроизводства с теми абстрактными схемами капиталистического воспроизводства, которые Маркс приводит в третьем разделе 2-го тома «Капитала». В этом непонимании «легальными марксистами» роли и места абстрактных схем в экономическом анализе выражается то обстоятельство, что они не владеют марксистским методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Итак, обратимся прежде всего к различию в понимании категории противоречия Лениным и «легальными марксистами». Ленин пишет: «Г-н П. Нежданов утверждает, что «капиталистическое производство никаким противоречием между производством и потреблением не страдает». Из этого он выводит, что, признавая это противоречие, «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием», и что я повторяю ошибку Маркса»[110].

«Утверждение г. П. Нежданова, что в капитализме нет никакого противоречия между производством и потреблением, настолько странно, что его можно объяснить только совершенно особым смыслом, который придан им понятию «противоречие». Именно, г. П. Нежданов думает, что «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением, – это противоречие должно систематически давать избыточный продукт...»[111]. И далее: «Вся суть вопроса (вызвавшего полемику г. П. Нежданова против меня) в том-то и состоит, что я понимаю рассматриваемое противоречие совершенно не так, как хочет понимать его г. П. Нежданов»[112].

Здесь В. И. Ленин еще раз подчеркнул с особой силой, что пока дело даже не доходит, собственно, до конкретного содержания противоречия капиталистического воспроизводства. Дело упирается в непонимание Неждановым и «легальными марксистами» того, что такое противоречие вообще, какова роль противоречий в объективной реальности как источника развития этой реальности. «Легальные марксисты» не понимают или не хотят понять диалектического существа учения Маркса, выражающего диалектику объективных противоречий самой жизни, и рассматривают это диалектическое существо его учения как «полемический характер вообще всей системы Маркса» (выражение Струве). Ленин пишет: «...если Струве говорит, что положение Маркса (которое гласит, что потребление не является целью капиталистического производства) «носит на себе явную печать полемического характера вообще всей системы Маркса. Оно тенденциозно...», то я решительно оспариваю уместность и справедливость подобных выражений. Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе, – это противоречие не доктрины, а действительной жизни. Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна», а потому, что она дает точное изображение в теории всех тех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма»[113]. В «Заметке к вопросу о теории рынков» Ленин пишет: «Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму».[114]

Непонимание сути диалектического противоречия вообще неизбежно ведет «легальных марксистов» к непониманию конкретной сути противоречия

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org капиталистического воспроизводства. «Это противоречие, – пишет Ленин, – вовсе не ведет необходимо к тому, чтобы систематически производился избыточный продукт (как хочет думать Г. Нежданов). Мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, но мы не можем представить себе капитализма без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления»[115]. «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что... растут производительные силы общества... без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс»[116]. «...Даже при вполне пропорциональной, идеально гладкой реализации мы не можем представить себе капитализм без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления»[117].

«Таким образом, – резюмирует В. И. Ленин свой ответ Нежданову и вообще «легальным марксистам» по этому вопросу, – отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственной, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно идти за производством, и, если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т. е. сознание противоречия работниками»[118].

Наконец, принципиальное непонимание «легальными марксистами» самой сути реального марксизма со всей откровенностью проявляется в трактовке всеми «легальными марксистами» – несмотря на разнообразные оттенки этих индивидуальных трактовок – абстрактных Марксовых схем капиталистического простого и расширенного воспроизводства. Если уже сама роль диалектического противоречия в теории и в практике для «легальных марксистов» остается закрытой книгой, то что касается главного оружия марксистской мысли – метода восхождения от абстрактного к конкретному – он и вовсе для них является «темным лесом» в полном смысле слова.

Марксовы абстрактные схемы воспроизводства абстрактные не в банальном смысле этого слова, как оно понимается в известной полемической заметке Гегеля «кто мыслит абстрактно?». Эти схемы являются нетривиальным результатом, сложным итогом движения мысли Маркса от эмпирически-конкретного к абстрактному. Он отталкивается от эмпирической реальности капиталистического воспроизводства в том виде, как оно выступает перед наблюдателем, не вооруженным научной методологией, и движется к абстрагированию путем наложения последовательности ограничений. Он абстрагируется в этом движении от целого ряда черт реального капиталистического воспроизводства, которые безусловно имеют место, но абстрагируется таким образом, чтобы нигде «не выплеснуть ребенка вместе с водой». Получающаяся схема абстрактна и идеальна в том смысле, что в ней отсутствует, в ней не учитывается целый ряд весьма острых противоречий реального капиталистического воспроизводства; однако, несмотря на то, что эти противоречия устранены, абстрагированы, все равно в этой предельной абстракции выступает суть основного противоречия капиталистического воспроизводства, противоречия между производством и потреблением, как об этом говорилось выше.

Но движение мысли от эмпирически конкретного к абстрактному – это даже не половина дела. Абстрактные схемы воспроизводства не годятся для «лобового» соотнесения их с реальностью, да и вовсе не предназначаются Марксом для этого. Схема воспроизводства, как и вообще всякая полученная таким абстрагированием схема, является лишь исходным шагом в восхождении от

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org абстрактного к конкретному, но не к «эмпирически-конкретному», из которого эта схема абстрагирована, а теперь уже к «конкретно-всеобщему». Как известно, это движение к конкретно-всеобщему понятию капиталистического воспроизводства в рамках второго тома «Капитала» было только намечено, потому что в «Капитале» Маркс и не ставил задачу исследовать все стороны, аспекты капитализма, реально существующего во всей его полноте, а строил понятие «капитал вообще».

Все эти материи для наших «легальных марксистов» остаются тайной за семью печатями; сердцевина теоретической культуры марксизма – метод восхождения от абстрактного к конкретному – по отношению к ним пребывает на нелегальном положении. Ленин поясняет: «Схемы сами по себе ничего доказывать не могут; они могут только иллюстрировать процесс, если его отдельные элементы выяснены теоретически».[119] «Теория реализации, – растолковывает он Струве, – есть абстрактная теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Необходимыми посылками этой абстрактной теории является, во-первых, абстрагирование внешней торговли, внешних рынков. Но, абстрагируя внешнюю торговлю, теория реализации отнюдь не утверждает, чтобы когда-либо существовало или могло существовать капиталистическое общество без внешней торговли. Во-вторых, абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально. Г-н Булгаков совершенно справедливо сравнивает теорию реализации с теорией стоимости. Теория стоимости предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения, но она отнюдь не утверждает, чтобы в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство. Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации «осуществляется лишь путем неосуществления»...»[120].

«Остановимся еще несколько на том вопросе, который «давно занимает» Струве: какова реально-научная ценность теории реализации?» – продолжает Ленин, беспощадно вскрывая все новые пласты методологической безграмотности «легальных марксистов», и дает ответ: «Совершенно такая же, какова ценность всех остальных положений абстрактной теории Маркса. Если Струве смущает то обстоятельство, что «совершенная реализация есть идеал капиталистического производства, но отнюдь не его действительность», то мы напомним ему, что и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. «Мы имеем целью, – писал Маркс, – представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе»... Теория капитала предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это – идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне расколосилось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это – идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это – идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Научная ценность теории Маркса состоит в том, что она разъяснила процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Далее теория Маркса показала, как осуществляется то присущее капитализму противоречие, что громадный рост производства отнюдь не сопровождается соответствующим ростом народного потребления, поэтому теория Маркса не только не восстанавливает буржуазно-апологетические теории, как это причудилось Струве, а, напротив, дает сильнейшее оружие против апологетики. Из этой теории следует, что даже при идеальном, гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченным пределом потребления. В действительности же кроме того процесс реализации идет не с идеально гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр.»[121].

Струве заявляет, приписывая свои собственные заблуждения Марксу: «Я не думаю, чтобы Маркс мог решить исторический вопрос на основании этой совершенно абстрактной конструкции...» На это Ленин отвечает ему: «Никто из оппонентов Струве нигде и никогда не говорил такого абсурда, чтобы исторический вопрос можно было решать при помощи абстрактных конструкций. Но в настоящее время Струве сам поставил вопрос вовсе не исторический, а совершенно абстрактный, чисто теоретический вопрос «относительно идеального капиталистического общества». Не ясно ли, что он просто уклоняется от

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org вопроса? Что существуют многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противоречиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм, – этого я, конечно, и не думаю отрицать. Но по чисто теоретическому вопросу «относительно идеального капиталистического общества» я сохраняю свое прежнее мнение, что нет никаких теоретических оснований отрицать возможность расширенного воспроизводства в таком обществе»[122].

Подводя итог, можно сказать, что таким образом Ленин неопровержимо показывает, что «легальный марксизм», строго говоря, не является марксизмом. Вмешиваясь в спор Булгакова с Туган-Барановским, Ленин отмечает: «...спор может вестись не об «оригинальности», а о понимании того или другого положения Маркса, о необходимости так или иначе излагать Маркса»[123]. Говоря о полемике Струве по поводу спора Туган-Барановского с Булгаковым, Ленин пишет: «По моему мнению, полемика Струве против названных писателей вызвана не столько разногласием по существу, сколько ошибочным представлением Струве о содержании защищаемой ими теории»[124] (то есть Марксовой теории воспроизводства капитала).

85.07.07–08 линии, не получившие развития. Line 1

Непосредственно после победы пролетарской революции невозможно сразу перейти к уничтожению отчужденных экономических отношений – невозможно по той простой причине, что их нет, они разрушены в ходе революции и гражданской войны. Казалось бы, в том, что разрушены отношения, все равно подлежащие коммунистическому уничтожению, нет ничего плохого. Однако разрушение (в отличие от диалектического уничтожения, снятия) означает, что разрушены соответствующие производительные силы, не функционирует экономика; оставшихся же производительных сил недостаточно для того, чтобы удовлетворять нужды населения и отбивать натиск внутренней и внешней контрреволюции.

Момент победы пролетарской революции в силу указанных причин отделяет от момента перехода к социализму, от «действительного коммунистического действия», более или менее длительный переходный период, основным содержанием которого является восстановление и необходимое развитие разрушенных производительных сил.

Сразу встает (пока еще в очень абстрактном виде) исключительно важный вопрос: к какой из двух эпох, к какому типу развития относится переходный период? Если, развивая производительные силы, мы при этом вольно или невольно «высвобождаем» отчужденные производственные отношения – повторяется история с «карбюратором» Чапека, который полностью расщеплял материю на энергию, но воспользоваться этой мощной производительной силой было весьма затруднительно, так как одновременно выделялся в чистом виде находившийся доселе в материи в связанном состоянии Абсолют – дух святой, причем выделялся в такой концентрации, что окружающие страдали от скоропостижных религиозных экстазов и тяжелых случаев нисхождения божьей благодати...

Но если из-за переходного периода невозможно сразу перейти к преодолению отчуждения, коммунистическому уничтожению частной собственности, нельзя ли, по крайней мере, развивать в переходный период производительные силы таким образом, чтобы не увеличивать при этом отчуждение?

Для того чтобы лучше понять сам вопрос и ответить на него по существу, нужны некоторые элементарные представления о том, что из себя представляет идущее к социализму общество переходного периода. Какие уклады образуют социальный организм этого типа, как они взаимодействуют между собой, и как развивается это взаимодействие?..

Линии, не получившие развития. Line 2

Попробуем разобраться, в чем именно может состоять коммунистический характер деятельности субъекта в противоречивых условиях переходного периода, когда вместо преодоления отчуждения приходится сначала заняться развитием производительных сил (как это предвидел Энгельс еще в 1847 году).

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org

Прежде всего, коммунистический характер субъекта проявится в способе, которым распределяется часть произведенного продукта, идущая на потребление, то есть в характере социальной политики, выражающей коренные интересы трудящихся. Что же касается другой части продукта, идущей на накопление, – здесь дело обстоит несколько сложнее. В этой части коммунистический характер деятельности субъекта мог бы состоять в том, чтобы осуществлять развитие производительных сил таким образом, при котором по меньшей мере не увеличивается отчуждение, то есть не появляются экономические производственные отношения. Но возможно ли это? Это возможно, если мы найдем способы и средства развивать общественные производительные силы как производительные силы организации. Именно в этом состояла исходная идея, «абстракция чистого социализма», сформулированная Лениным в 1917–1918 годах; переходный период как «налажение чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей». Однако, во-первых, из-за колоссальных масштабов этой «сети организационных отношений» ее создание быстро упирается в известные ограничения государственного аппарата как средства контроля. Во-вторых, внешне- и внутривластная обстановка диктует необходимость как можно быстрее от простого контроля за состоянием производительных сил переходить к управлению их ускоренным развитием.

85.08.08 Хозяйственная политика и экономическая реформа в эллинистическом Египте

«Одним из первых эллинистических государств, обособившихся из владений Александра Македонского, был Египет. С 323 г. до н. э. сатрапом Египта стал один из ближайших соратников Александра, энергичный и талантливый Птолемей, сын Лага, который в 305 году провозгласил себя царем.

Новые правители использовали как греческие институты, так и ряд местных традиций для укрепления своей власти. Греки – знатоки права и финансов занимали высшие государственные посты.

Птолемеи как завоеватели, с одной стороны, и наследники фараонов – с другой, считали себя вправе распоряжаться всей землей Египта... В птолемеевском Египте наблюдается очень большая централизация в организации сельского хозяйства. Все земли, за исключением царственных, облагались налогами; цари вмешивались в обработку земли, в чьем бы владении она ни находилась, предписывая каждому ному [125] определенные планы посева.

Крестьяне, обрабатывающие царскую землю, назывались «царскими земледельцами». Юридически они выступали как арендаторы царской земли и заключали специальные договоры с представителями царской администрации. В этих договорах детальнейшим образом оговаривались обязательства крестьян по обработке данного участка... Семена сдавались в государственные хранилища, а затем те семена, которые должны были высеваться согласно посевному расписанию, выдавались в качестве ссуды. В ряде случаев крестьяне получали скот для обработки земли, за пользование которым они должны были платить. «Царские земледельцы» жили в деревнях; деревня-кома в целом отвечала за выплату податей земледельцев... Царские земледельцы обладали некоторой правоспособностью, могли совершать сделки друг с другом, могли сдавать свои участки в аренду или арендовать землю у частных лиц... Земледельцы не были юридически прикреплены к земле: при условии выплаты податей они могли менять место жительства.

Должностные лица в деревнях – старосты (комархи), писцы – назначались царской администрацией. Контроль над выполнением обязательств, взятых царскими земледельцами, осуществлялся специальными должностными лицами – инспекторами урожая в каждом селении и экономами – в масштабах нома. До нас дошла «Инструкция эконому», относящаяся, по всей вероятности, ко II в. до н. э., где подробно перечисляются все вопросы, связанные с контролем над производством. Эконому предписывалось следить за всеми сельскохозяйственными работами: «Когда сев закончен, неплохо было бы, если бы ты внимательно его обследовал; таким образом ты ясно удостоверись в том, что выросло, узнаешь точно, что плохо посеяно, и что вовсе не засеяно. Отсюда ты узнаешь, кто небрежно относился к делу, и тебе будет известно, не употребил ли кто семена для других целей, не по назначению. Особенное внимание обрати на то, чтобы ном засеивался согласно посевному расписанию».

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Методы внеэкономического принуждения применялись в эллинистическом Египте и к работникам царских мастерских. Ряд отраслей производства, в частности, маслоделие, были монополией царя. Птолемеи конфисковали все маслодельные прессы. Организацию производства в царских мастерских ярко воспроизводит та же инструкция эконому. Оборудование мастерских – ткацкие станки, прессы для производства масла – было на учете у государства. Ремесленники получали сырье из казны и в казну же сдавали готовую продукцию, качество и количество которой определялось указаниями сверху. «Посещай и ткацкие мастерские... – говорится в инструкции, – и приложи все старания, чтобы по возможности большее количество станков работало и чтобы ткачи изготовляли падающий на ном ассортимент полностью. Если кто не выполнит предписанное количество штук, пусть с него будет взыскана цена, определенная для каждого сорта (царским) постановлением. Особое внимание обрати на то, чтобы полотно было хорошего качества и предписанной плотности...»

Аналогичные указания приводятся и в отношении маслодельных мастерских. Сырье должно было выдаваться строго по норме, и хранилось оно, так же как и готовая продукция, в специальных складах, опечатанных экономом данного нома.

Произведенная продукция продавалась по установленным сверху ценам мелкими розничными торговцами, которые фактически были государственными агентами.

Рабы использовались главным образом в качестве обслуживающего персонала, слуг, агентов; существенной роли в производстве рабы не играли.

Основной опорой власти Птолемеев в Египте была целая армия чиновников: экономы, писцы, инспектора, сборщики, полицейские и т. п.

Сельская община в птолемеевском Египте была не организацией свободного населения для защиты его интересов, но организацией зависимых землевладельцев в интересах государства.

Египетские купцы, выступавшие в качестве агентов центральной власти, вывозили зерно, масло, ткани, благовония, слоновую кость из Африки. Монополия внешней торговли приносила царской казне огромные доходы.

В III в. до н. э. улучшение ирригационной системы по всей стране, контроль над доходностью земель, эксплуатация внешних владений вызвали на некоторое время подъем производительных сил Египта. Благодаря посевным расписаниям в сельское хозяйство внедрялись новые сорта пшеницы и винограда. Из Малой Азии ввозились вместе с пастухами милетские овцы, дававшие высококачественную шерсть. Особое внимание уделялось разведению масличных культур, а также винограда и льна, поощряемому государством в ряде районов; все это усиливало товарность сельского хозяйства. Сосредоточение огромных средств в руках главы государства давало ему возможность вкладывать эти средства в те отрасли производства, в развитии которых была заинтересована центральная власть.

Для периода эллинизма характерен резкий скачок в развитии техники, в строительстве и военном деле. При строительстве ирригационных сооружений применялось специальное водоотливное приспособление, изобретение которого приписывалось Архимеду (так называемый Архимедов винт). Одно из «семи чудес света» – фаросский маяк, величайшее достижение инженерного искусства древности, высотой около 120 м – был воздвигнут у входа в гавань столицы Египта – Александрии.

Были достигнуты успехи и в области кораблестроения: появились пятнадцатирядные и шестнадцатирядные военные корабли. По приказу Птолемея IV был построен сорокарядный корабль.

При некоторых успехах птолемеевское государство не отличалось внутренним благополучием; содержание огромного бюрократического аппарата требовало слишком больших налогов; постепенно нарушалось равновесие между ростом производства и ростом налогов. Переломным моментом в истории эллинистического Египта стала последняя четверть III в. до н. э.

Со II в. до н. э. Египет испытывает экономический и политический кризис. Этот кризис ранее всего сказывается в сельском хозяйстве, где особенно явно выступает незаинтересованность непосредственных производителей в труде. Во II–I вв. растет количество бездоходных, то есть запущенных земель.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Ухудшается ирригационная система, происходит засоление почвы. Правительство пыталось увеличить доходность земель, вводя принудительную аренду: царских земледельцев заставляли, кроме своих участков, обрабатывать еще и запущенные. Но земледельцы отвечали на эти меры бегством, уходили из своих деревень. Крестьяне переселялись в город или на частные земли, становясь там арендаторами.

Для II в. до н. э. характерно, с одной стороны, усиление роли частного землевладения, а с другой – попытка со стороны центральной власти усилить контроль над экономикой страны путем увеличения бюрократического аппарата. Царская казна продавала частным лицам выморочные, брошенные, конфискованные за долги земли. Покупатели обязаны были выплачивать налоги. Храмовые земли и земли воинов также переходят путем «уступки» в частные руки. В ремесленном производстве также происходит нарушение царских монополий, появляются частные мастерские. Чтобы в известной мере сдерживать и контролировать все эти процессы, Птолемии увеличивают и «совершенствуют» свой бюрократический аппарат. Но усиление бюрократического аппарата привело к обратным результатам. Бюрократия превратилась в самодовлеющую силу в государстве, и злоупотребления на местах приняли такую форму, что центральная власть оказалась не в силах с ними справиться.

Хотя нехватка рабочей силы ощущалась на всех землях, все-таки положение на частных землях было лучше, чем на государственных.

Неустойчивость экономического положения порождает постоянную борьбу за власть, которая доходит до самых ожесточенных форм. В 188 году были изданы так называемые «декреты человеколюбия», где объявлялась амнистия всем участникам политической борьбы и провозглашалась борьба со злоупотреблениями чиновников. Само перечисление этих злоупотреблений наводит на мысль об очень широком их распространении.

...Эта попытка наладить нормальную жизнь в стране не увенчалась успехом. Птолемии боролись с засильем чиновников бюрократическими же методами. Существование громоздкой машины управления приводило к перенапряжению экономики. В I в. до н. э. продолжается ухудшение сельскохозяйственного производства; почвы заболачиваются, земледельцы бегут; происходит! обесценивание денег и, как естественное следствие, усиливаются злоупотребления местного аппарата.

Во внешней политике Египет постепенно теряет свою самостоятельность и становится покорным слугой Рима.

Присоединение Египта к Риму явилось прежде всего следствием внутреннего ослабления этой некогда сильнейшей державы Средиземноморья, ослабления, вызванного экономическим кризисом, народными волнениями, междоусобной борьбой».

(По книге История древнего мира, М, 1983, т. 2, с 318–331).

85.08.09 (письмо А. А.)

Глубокоуважаемый А. А.!

Пользуясь оказией, направляем Вам следующую, вторую часть работы. Приносим извинения за ее толщину, которая, однако, отражает не утерю способности выразить мысли кратко, а новизну и объем содержания.

Эта работа пересекает определенный водораздел, она кардинальным образом отличается от всех предыдущих.

Отличие состоит, во-первых, в том качественно новом теоретическом средстве, которое используется, и во-вторых – в характере, статусе получаемых результатов.

Все предыдущие работы были «одномерными»: использовалась главным образом Марксова теория общественно-экономических формаций. Здесь впервые вводится второе, ленинское «измерение» истмата – теория многоукладности. Только она по-настоящему позволяет соотносить категории марксизма с реалиями общественного бытия.

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
Благодаря этому удалось дать квалификацию нашего экономического развития с середины 20-х годов до настоящего момента.

Мы глубоко убеждены, что уже полученные в этой части выводы требуют безотлагательных решений.

86.05.31 из последних...

«Части рабочего класса в угнетающих странах пользуются крохами сверхприбыли, которую получают буржуа угнетающих наций, сдирая всегда по две шкуры с рабочих угнетенных наций... Рабочие угнетающей нации до известной степени участники своей буржуазии, в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенной нации».[126]

«...Западноевропейские капиталистические страны завершают свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока».

«Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но... империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря».

Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения... В этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, российская Советская власть, для того, чтобы помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, – этому большинству нужно успеть цивилизоваться»[127].

Часть 9 От идеологии – к теории

Тезисы

1

Социализм – новый исторический тип общества, которое не развивается само по себе, по законам социальной природы, а сознательно культивируется, строится на научной основе. В этом его главное преимущество, но в этом же – главное уязвимое место, поскольку опора на научную основу влечет за собой зависимость от степени ее разработанности.

Это означает, в частности, что любой перестройке, не говоря уже о крутом переломе в общественном развитии социализма, с необходимостью должен предшествовать крупный качественный сдвиг в сфере теории.

Поразительно то, что наша теория, которая должна играть роль точного компаса, мощной производительной силы, грозного оружия, – вообще не предвидела предстоящего перелома в общественном развитии. Хуже того: подойдя вплотную к его границе вместе со всем обществом, теория по-прежнему «в упор не видит» нового качества развития, не может внятно сформулировать его суть.

Во всем обществе, не говоря уже о руководящем эшелоне, широко распространено понимание не просто нехватки, а практически полного отсутствия крупных, смелых идей, адекватных ощущаемому всеми масштабу проблем, масштабу исторического вызова, с которым столкнулось мировое коммунистическое движение.

Съезд продемонстрировал нашу решимость принять этот вызов, нашу нравственную готовность к крутому перелому, – но одновременно он продемонстрировал, к сожалению, сохраняющийся глубокий дефицит в сфере теории, отсутствие конструктивных идей, отвечающих масштабу поставленных временем задач.

На пути нашего общественного развития как бы установлен знак: «Осторожно, опасный участок!», а мы, не имея, по существу, ясного понимания характера этого участка и природы опасности, не только не можем сбавить скорость, но, напротив, – объективно вынуждены ее резко увеличивать.

Безопасность нашей страны оказывается под угрозой, масштабы которой беспрецедентны.

Как было подчеркнуто советской стороной в Женеве, для сохранения мира жизненно необходимо, чтобы с обеих сторон практическая политика базировалась не на застывших схемах и догмах, а на четком понимании исторических реальностей.

Сегодня мы располагаем огромным и пополняющимся с каждым днем массивом данных о качественно новых процессах и явлениях, о глубоких сдвигах во всех сферах мирового социально-экономического развития. Но эти данные совершенно не вписываются в те застывшие схемы, которые предлагают общественные науки. Проблема в том, что эти схемы тормозят принятие неотложных политических решений, блокируют осознание нами исторических реалий, продуцируют своеобразную «слепоту» по отношению ко всему качественно новому. Однако общественные науки настаивают на неприкосновенности своих схем, ссылаясь на авторитет марксистско-ленинского учения, которое они монопольно представляют.

Таким образом, мало того, что общественные науки сами не выдвигают никаких новых идей, они к тому же блокируют формирование нового политического мышления, основанного на осмыслении новых реальностей общественного развития.

В этих условиях необходимо, устранив подобное обременительное посредничество, обратиться прямо к арсеналу подлинных идей основоположников марксизма-ленинизма.

Истина, при всей ее кажущейся парадоксальности, состоит в том, что освоение глубинных пластов теоретического наследия Маркса только еще предстоит совершить.

Существует важнейший раздел этого наследия, овладение которым имеет ключевое значение для судеб мирового коммунистического движения в нынешний переломный момент исторического развития. От успеха или же неудачи в деле его превращения в производительную силу зависит выполнение коммунистами своей миссии по спасению человечества от угрозы ядерного самоуничтожения; от этого же целиком зависит сама возможность достижения странами реального социализма наивысшего мирового уровня производительности общественного труда.

Ирония истории, ее объективный парадокс состоит в том, что ныне весь этот раздел учения Маркса прочно забыт; само его существование как для современных марксистов, так и для их идейных противников является, по-видимому, абсолютно неизвестным.

Безотлагательное возвращение созданного гением Маркса мощного духовного оружия его законным наследникам, овладение им, его обновление – вопрос жизни и смерти для современного коммунистического движения.

2

Противопоставление идеологии и строгой научной теории не является изобретением буржуазной пропаганды. Оно принадлежит Марксу и Энгельсу и образует стержневую линию их работы «Немецкая идеология». Теория строит объективную картину действительности. Идеология оценивает эту действительность с точки зрения того или иного общественного идеала или же рисует утопию, воплощающую этот идеал. Там, где начинается идеология, наука кончается. Так было всегда, во всей предшествующей истории духовной

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org культуры.

Однако Ленин определил учение К. Маркса как уникальную целостность качественно нового типа: научную идеологию. Таким образом, в этом учении можно выделить как минимум две его составные части: коммунистическую теорию и идеологию. Что же объединяет вместе эти две ранее абсолютно несовместимые сущности, сплавляет их в «единый кусок стали»? Этим диалектическим посредником, сердцевинной учения К. Маркса служит основанное на материалистическом понимании истории учение о революционной миссии пролетариата. Именно благодаря такому опосредованию теоретический, объективный взгляд на будущее развитие общества, не теряя своей объективности, становится партийным взглядом с точки зрения вполне определенного общественного идеала, – в то время как сам этот идеал совлекается с небес утопии и обретает теоретически обоснованный путь и материальную силу для своего воплощения.

Но можно ли говорить здесь о трех, а не о двух частях учения Маркса? Разве коммунистическая теория, о которой идет речь, и Марксово материалистическое понимание истории – не одно и то же?

Нет. Речь идет о двух различных теориях, о теориях двух абсолютно различных типов исторического развития, более того – прямо противоположных его типов. Связь между ними, конечно, существует, но она может быть установлена лишь в рамках более широкого целого, объемлющего обе эти теории и диалектически снимающего противоречие между ними.

Так называемое «материалистическое понимание истории» является, по более точному выражению самого Маркса, лишь материалистическим пониманием «предыстории», теорией возникновения, развития и смены исторически конкретных форм частной собственности вплоть до высшей и последней – капитала.

Коммунистическая же теория, в отличие от этого, имеет совершенно иной характер, который с гениальной краткостью определен в «Манифесте»: «...КОММУНИСТЫ МОГУТ ВЫРАЗИТЬ СВОЮ ТЕОРИЮ ОД НИМ ПОЛОЖЕНИЕМ: УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ».

Именно эта теория, эта важнейшая часть наследия К. Маркса оказалась целиком утеряна современным коммунистическим движением, и подступы к ней наглухо заблокированы предрассудками и некритическими представлениями.

3

Принято считать, что частная собственность в странах реального социализма уже окончательно уничтожена. На самом деле, по Марксу, верно обратное: к ее подлинному уничтожению еще даже не приступали.

Свержение власти буржуазии и ее захват пролетариатом, как разъясняет «Манифест», еще не несет в себе ничего собственно коммунистического. Это лишь упразднение частной собственности в отличие от «действительного коммунистического действия» (К. Маркс), то есть уничтожения частной собственности, «овладения» ею, «обобществления на деле» (Ленин), для которого первое упразднение только создает предпосылку. Частная собственность есть конкретная совокупность всех производственных отношений общества, и ее уничтожение – исторически длительная, позитивная деятельность, имеющая объективную, весьма сложную структуру. Эту структуру невозможно нащупать эмпирически, с самого начала здесь необходима опора на Марксову теорию уничтожения частной собственности.

В отсутствие опоры на указанную теорию коммунистическое строительство как положительная деятельность оказалось начисто лишеным теоретической основы, обреченным развиваться «эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» (Ю. В. Андропов). Оно понималось не как длительное закономерное развитие, структура и этапы которого целиком обусловлены структурой снимаемой, уничтожаемой частной собственности, а как волюнтаристское движение в светлую пустоту, строительство на ровном месте.

Современные общественные науки, пытающиеся возвести свое здание исключительно на фундаменте «материалистического понимания истории» (то есть теории развития предысторического, докоммунистического типа), так же неприложимы к современным практическим задачам, как палеонтология – к

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org автомобилестроению. По существу, после Ленина в науку о строительстве коммунистического общества не было добавлено ни строчки.

Положения об «уничтожении частной собственности», «уничтожении производственных отношений» имеют простой, осязаемый смысл. Уничтожить то или иное производственное отношение означает заменить отношение между людьми в процессе производства отношением между неодушевленными элементами производительных сил. Такое «погружение» в производительные силы одного слоя производственных отношений за другим означает, с одной стороны, постепенное вытеснение людей из сферы производства, а с другой – качественное преобразование производительных сил, их превращение в своего рода искусственную природу, автономно, без участия человека в производстве обеспечивающую удовлетворение всех его материальных потребностей.

Уничтожение производственных отношений вовсе не означает уничтожения всякой деятельности во имя основания царства бездельников, – напротив, это есть превращение деятельности в подлинно человеческую, поскольку уничтожение производственных отношений только и открывает простор для отношений человеческих. Известная со времен Сократа совместная деятельность по постижению Истины, утверждению Блага, сотворению Прекрасного – это воистину «дьявольски серьезное дело» (Маркс), но это не есть производство.

В этом высокий гуманистический смысл борьбы коммунистов. Коммунизм, по Марксу, есть царство осознанной необходимости, эпоха, опосредующая царство естественной необходимости – человеческую предысторию, и царство свободы – эпоху Гуманизма.

В коммунистической теории речь идет о качественно новом типе, механизме общественного развития, в рамках которого объективные закономерности развития реализуются совсем не так, как в рамках «предыстории», – не сами по себе, через диалектику развития производительных сил и производственных отношений, а только через деятельность познающего эти законы, обладающего самосознанием субъекта. Не для красного словца Ленин писал о главной заслуге Маркса и Энгельса, состоящей в том, что «они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку».

Основы коммунистической теории, то есть теории уничтожения частной собственности, заложили младогегельянцы. Заслуга ее дальнейшего развития в цикле работ 1843–1848 годов принадлежит исключительно Марксу и Энгельсу. Материалистическое понимание предыстории лишь обосновывает неизбежность перехода к новому, коммунистическому типу развития, но на границе двух типов развития оно слагает свои полномочия.

В центре коммунистической теории стоят категории самосознающего субъекта и его общественно-исторической практики.

Правящая партия – субъект нового, коммунистического типа развития – даже имея все необходимые экономические, политические и социальные предпосылки, не сможет двинуть общество по социалистическому пути, не сможет сделать даже самого первого шага, не овладев предварительно коммунистической теорией, теорией уничтожения частной собственности. Это утверждение – не просто риторический оборот, оно имеет статус закона. Таков закон новой исторической эпохи, в которой общественное развитие совершается только через сознательную деятельность субъекта на основе познанной им объективной необходимости.

На первый взгляд кажется непонятным, как могло возникнуть и существовать такое фундаментальное непонимание Марксовой коммунистической теории. На деле можно показать, что это произошло закономерно. Достаточно вспомнить здесь ленинский афоризм из «Философских тетрадей»: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и в особенности его 1 главы, не протудировав и не поняв всей логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»

4

В отличие от коммунистической теории идеология марксизма содержит систему идеалов и принципов, которые должны быть (но могут и не быть) воплощены в здании нового общества, шаг за шагом возникающем в ходе демонтажа и реконструкции здания частной собственности. В центре этой системы – принцип социальной справедливости и его высшее коммунистическое воплощение: «Каждый

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
– по способностям, каждому – по потребностям» (Маркс).

Современный «научный коммунизм», который многими ошибочно рассматривается как коммунистическая теория, на самом деле (в его части, касающейся деятельности уже победившего пролетариата) целиком относится к сфере идеологии, и слово «научный» в его названии не должно вводить в заблуждение.

Можно показать, что во всей системе современных «общественных наук» нет ничего, имеющего хотя бы отдаленное отношение к Марксовой теории уничтожения частной собственности, то есть подлинной коммунистической теории. Упреки в адрес общественных наук в том, что они плохо выполняют роль коммунистической теории, указующей путь практике, отражают непонимание их природы: они по своей сути вовсе не приспособлены и не могут иметь отношение к выполнению этой функции, хотя, как и всякая идеология, притязают на нее из лучших побуждений.

Идеология, которая подвизается в несвойственной ей роли теории, то есть берется объяснять и предсказывать, неизбежно порождает фантастические представления о современном мире – и что самое опасное и печальное – творит идеологические мифы о нас самих.

5

В свете сказанного особую остроту приобретает вопрос о характере того этапа общественного развития, на котором находится наше общество.

Вызывающая столько дебатов промежуточная фаза коммунизма, которая опосредует его первую и высшую фазы, действительно существует. Для Маркса это было очевидной истиной, иначе он назвал бы «высшую фазу» просто «второй». Диалектика вообще не допускает двухфазных процессов развития. И в конце концов, в «Экономическо-философских рукописях 1844 гг.» Маркс подробно, не оставляющим сомнения образом характеризует каждую из этих трех фаз.

К нашим сегодняшним проблемам это, однако, не имеет никакого отношения, поскольку мы еще не вошли даже в первую фазу коммунизма.

После ниспровержения власти буржуазии первая в мире страна диктатуры пролетариата не имеет возможности непосредственно перейти к новому, социалистическому типу развития, поскольку предмет деятельности – то, чем должен овладеть возникший субъект общественного развития, то есть совокупность производительных сил и производственных отношений, – недостаточно развита, а частично уничтожена в ходе борьбы за власть. С этим связана объективная необходимость в длительном переходном периоде, в ходе которого совокупность отношений частной собственности не только не уничтожается, но напротив, развивается вместе с развитием производительных сил, правда, оставаясь при этом в рамках и под общим контролем диктатуры пролетариата.

На протяжении переходного периода производственные отношения совершенствуются и развиваются, в то время как с момента вступления в первую фазу коммунистической эпохи их будут последовательно, шаг за шагом уничтожать. Так, в соответствии с буквой и духом «Манифеста», с ними и надлежит поступать, ибо они образуют ткань уничтожаемой частной собственности, ибо по завершении коммунистической эпохи должна возникнуть ассоциация, в которой «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» и в которой людей не связывают между собой, помимо человеческих, никакие иные отношения.

На одном из внутренних этапов сверхзатянувшегося переходного периода наша страна находится сегодня. Десятилетия мы стоим перед границей, отделяющей подлинный социализм от «социализма в известном смысле» (Ленин), не в силах преодолеть ее без опоры на коммунистическую теорию. Истина сурова, но она такова.

Революция 1917 года была величайшим событием во всей предшествующей мировой истории, поскольку ознаменовала собой начало перехода от «предысторического» к качественно новому, коммунистическому типу общественного развития. Однако завершение переходного периода, переход к «действительному коммунистическому действию», подлинное вступление в первую

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org – социалистическую – фазу коммунизма станет этапом не менее значимым и неизмеримо более сложным.

Коммунизм, по Марксу, – не способ производства, а целая историческая эпоха, сопоставимая не с капитализмом, а со всей завершаемой им эпохой предыстории. Каждая из трех фаз эпохи коммунизма, в свою очередь, включает в себя три способа производства – таков ее подлинный исторический масштаб. Войти в эту эпоху, в коммунистический тип развития, можно единственным образом: сознательно превратив в производительную силу общества коммунистическую теорию, Марксову теорию уничтожения частной собственности. А такое превращение теории означает не писание пухлых томов, а развертывание мощного человеко-машинного комплекса, в рамках которого понятийные структуры теории будут функционировать как часть специальных средств разработки программ общественного развития.

Такова высота порога, в который в действительности упирается развитие нашей страны и о котором формула двадцатилетней давности о «переходе от экстенсивного к интенсивному развитию» не дает никакого представления.

6

Подлинное освоение Марксовой теории частной собственности влечет за собой не менее революционный переворот в устоявшихся взглядах на современное западное общество.

Вся совокупность данных о различных сторонах развития противостоящей нам общественной системы, которыми мы сегодня располагаем, о качественно новых явлениях в ее экономике, о структуре и функционировании центров власти, о глубоких сдвигах в сфере идеологии и т. п. – все это абсолютно не вписывается в схемы, предлагаемые обществоведами, и вынуждает сделать практически неизбежный вывод о том, что уже на протяжении десятилетий, с начала 30-х годов, перед нами не капитализм (пусть даже «государственно-монополистический»), а качественно иное образование, имеющее другую социальную природу.

Возможно строгое теоретическое обоснование этого тезиса, основанное на подлинных взглядах и работах Маркса и Ленина, до сих пор не входивших в научный обиход, и на их методологии.

Принятие данного вывода и всех его неизбежных следствий повлечет за собой глубокие, революционные сдвиги в деле обеспечения безопасности мировой социалистической системы, во всей сфере не только внешней, но и (не в меньшей степени) внутренней политики [128].

7

Представление о том, что противостоящая нам общественная система все еще является государственно-монополистическим капитализмом, постоянно некритически воспроизводится представителями наших общественных наук. Однако, оно не имеет никакого отношения ни к Марксу, ни к Ленину и более того – прямо противоречит всем ленинским оценкам.

Анализ, следующий подлинным взглядам Маркса на природу частной собственности, опирающийся на ленинскую теорию многоукладности и теорию победы социализма первоначально в одной стране, показывает, что капитализм в развитых странах в целом перестал существовать после «великого экономического кризиса» 1929–1933 годов, то есть уже в первые полтора десятилетия после Октябрьской революции. Противостоящее нам сегодня эксплуататорское общество является сложным многоукладным социальным организмом, в котором развитый капиталистический уклад продолжает существовать, но уже не является при этом господствующим. Уклад, который господствует сегодня над капиталом (и над всеми прочими, включая государство) – финансовая элита, которая, реализуя научное понимание части объективных закономерностей общественного развития, используя развитые методы и средства планового руководства, опираясь при необходимости на механизмы тайной власти, шаг за шагом ограничивает сферу «анархии общественного производства» и постепенно овладевает системой общественных отношений, преобразуя их в интересах правящего меньшинства.

Этот уклад естественно назвать элитаристическим. Элитаризм является (как это можно доказать с помощью теоретических средств, завещанных Марксом и

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org Лениным) неизбежной «тенью» коммунизма на всем протяжении коммунистической эпохи. Его появление в наиболее развитых капиталистических странах было закономерно обусловлено победой российского пролетариата и осуществилось в различных формах (от Рузвельтовской до фашистской) в условиях великого экономического кризиса.

Экономическая суть элитаризма, – как бы это ни казалось парадоксальным, – та же, что и коммунизма; уничтожение частной собственности. Но если социализм и коммунизм – это переход от частной собственности к общественной, к собственности всего общества, то элитаризм – переход от частной собственности к корпоративно-элитаристической.

Первоначально элита возникает из объединения – диктуемого жесткой внешней необходимостью – крупнейших представителей финансового капитала. Посредством государства она монополизирует высшие формы деятельности банковского капитала, начинает осуществлять плановое управление инвестиционным циклом в масштабе всей страны.

При таком переходе члены правящей группировки шаг за шагом теряют качество капиталистов, меняют форму деятельности, прекращают в определенных сферах экономики конкурентную борьбу друг с другом, Правящая группировка – элита – постепенно становится единым и единственным, совокупным собственником всех производительных сил, принадлежавших ранее классу капиталистов, но управлявшихся каждым из них порознь, частным образом.

Поскольку форма присвоения общественных производительных сил по мере развития элитаризма перестает быть частной – основное противоречие капитализма уже не является неразрешимым, и шаг за шагом осуществляется его снятие. Для элитаризма характерно немало глубоких экономических и иных противоречий, однако он, как и социализм, обладает механизмом их сознательного выявления и планомерного разрешения. Это уже не «этапы общего кризиса», а объективные противоречия последовательных стадий развития. Поэтому совершенно правильный тезис о «неизбежности гибели капитализма» не имеет к современному элитаризму никакого отношения. Наблюдаемые в последнее время спады и подъемы производства в странах Запада в большинстве своем отражают не столько стихию кризисов, сколько сознательно осуществляемые, запланированные качественные и структурные сдвиги в экономике.

Экономическое могущество элитаризма основано на эксплуатации «третьего мира», а также – в меньшей степени – трудящихся собственных стран[129]. Однако по мере развития элитаризма эксплуатация в форме наемного труда уступает место другим, в том числе нефеодалным и неорабовладельческим формам, происходит быстрое расслоение трудящихся масс и потеря ими качества пролетариата, а также прямое вытеснение из сферы производства и маргинализация.

Таким образом, в условиях элитаризма социалистическая революция – в мирной или же немирной форме – необратимо теряет «классическую» экономическую основу и социальную движущую силу, и без мощного воздействия извне, со стороны социалистической системы и «третьего мира», становится все менее возможной[130].

8

Современная экономика элитаризма характеризуется наличием огромного избыточного капитала. Для того чтобы сохранять себя в качестве капитала, он должен постоянно находиться в процессе расширенного воспроизводства (в рамках инвестиционного цикла).

Специально организованным резервуаром для сохранения и воспроизводства этого избыточного капитала служит так называемый военно-промышленный комплекс. Эта обособленная часть, выделившаяся из промышленного капитала, является подчиненным укладом в рамках элитаризма. Хотя верно то, что интересы ВПК являются определяющими по отношению к стратегическим интересам администрации США и других стран элитаризма, сами эти интересы являются определяемыми, подчиненными по отношению к интересам правящей элиты. В этом смысле прав был М. Болдридж, который говорил во время годового собрания АСТЭС в 1985 году: «Поверьте, что ВПК не управляет нашими экономическими отношениями!»

Гонка вооружений «вмонтирована» в современную форму воспроизводства системы

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org производительных сил и производственных отношений элитаризма, и ее приостановка внешними, внеэкономическими средствами повлекла бы катастрофические экономические последствия для экономики Запада. Поэтому любые реальные меры по ее ограничению должны включать в качестве главного элемента «запасной выход» для избыточного капитала – глубоко продуманную и взвешенную альтернативную форму экономического воспроизводства элитаризма.

Наши предложения по ограничению и сокращению вооружений в их нынешней форме, не оставляющей выхода для ВПК, не просто игнорируют основные интересы правящей элиты, – они грубо противоречат этим интересам. Поэтому они будут отклоняться ею вне зависимости от любых наших уступок в военной и политической сфере.

9

Уже из того, что сказано выше, становится понятным: мы абсолютно превратно представляем себе природу противостоящей нам общественной системы, движущие силы и характер ее развития, возможности и перспективы, мы игнорируем ее подлинные центры власти, адресуясь вместо этого к третьестепенному «административному» укладу, мы не понимаем системы ее подлинных экономических и политических интересов, выдвигая на переговорах заведомо неприемлемые предложения и идя на существенные (для нас) уступки, которые несущественны для партнера; наконец, мы практически не знаем и глубоко недооцениваем идеологию нашего противника. Существует настоящая необходимость переосмысления всего комплекса проблем обеспечения безопасности в современных условиях.

Однако на самом деле вопрос гораздо глубже. Речь должна идти о переосмыслении основного содержания современной эпохи и основного ее противоречия.

Человечество переживает переломный, переходный период не просто между двумя формациями, а между двумя эпохами своей истории, двумя качественно различными типами общественного развития. Содержание первой эпохи – «предыстории» (Маркс) – становление и развитие частной собственности, включая высшую и последнюю ее форму, капитал. Содержание второй эпохи – сознательное уничтожение частной собственности, в ходе которого общество как бы проходит все формации предыстории «в обратном порядке».

Революция 1917 года послужила исходной точкой переходного периода между эпохами. Однако его важнейший, наиболее сложный и опасный этап только начинается.

Уничтожение частной собственности осуществляется в двух противоположных общественных формах – коммунистической и элитаристической. Главной движущей силой каждой из форм при их возникновении выступают два противоположных класса капиталистического общества – пролетариат и финансовая элита. Борьба коммунистической и элитаристической общественных систем – это качественно новая форма классовой борьбы в наступающей второй эпохе истории. Однако, в отличие от классовой борьбы, которая, при всем ее значении, была лишь формой разрешения противоречия между производительными силами и производственными отношениями, – противоборство коммунистического и элитаристического субъектов общественного развития является основным противоречием и непосредственным источником развития в новую эпоху.

Коммунизм и элитаризм проходят в своем развитии одни и те же этапы, закономерно обусловленные объективной структурой уничтожаемой частной собственности. Однако в возводимом на ее месте здании нового общества каждая система реализует один из двух противоположных общественных идеалов. Коммунистический, эгалитарный идеал социальной справедливости противопоставит элитарному идеалу индивидуалистической свободы.

10

Слово «идеология» мы привыкли произносить с пиететом. Действительно, идеология, когда она базируется на теоретическом основании, то есть является научной – это громадная, мобилизующая, преобразующая сила. Но стоит ей оторваться от этого основания – и она шаг за шагом начинает превращение в свою противоположность.

Для Маркса и Энгельса понятие «идеология» имело негативный смысл,

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org закономерно стояло рядом с понятием «идеализм». Идеализм в практической политике, самогипноз в области пропаганды – это еще не худшие следствия подмены теории идеологией.

Политику коммунистических партий во всем мире объективно объединяет то, что она, как это определено «Манифестом», должна быть направлена на уничтожение частной собственности.

Однако, это единство лежит в сущности их политики. На поверхности явлений, – поскольку структура частной собственности в Чехословакии, Вьетнаме, Анголе, Аргентине, Великобритании, Японии различается глубочайшим образом, – политика каждой партии неизбежно должна быть особенной, не похожей ни на какую иную. Глубина этих объективных различий на самом деле неизмеримо превосходит то чудосочное разнообразие, которое ныне служит поводом для разброда и организационной разобщенности.

Идеология, которая пыжится предстать теорией, сначала возводит национальные особенности политики в ранг своих принципов, а следующим ходом провозглашает их законом коммунистической теории. Так производятся на свет «австромарксизмы», «еврокоммунизмы» и сонмы иных «измов».

Новая интеграция международного коммунистического (и шире – рабочего) движения насущно необходима – но она может осуществиться только на основе коммунистической теории, которая ныне утеряна им и которая должна быть ему возвращена.

11

Для спасения человечества от нависшей над ним угрозы самоуничтожения интеграция международного коммунистического движения является необходимым, но недостаточным условием. Нужен конструктивный диалог с самым широким спектром политических сил, прежде всего – с новым массовым демократическим движением на Западе.

Однако, если стороны вступают в контакт только в роли носителей определенной идеологии, тогда возможен лишь один вид «диалога» – идеологическая борьба. Поскольку же какое-то согласие политически необходимо – оно достигается лишь на доидеологическом «общечеловеческом» уровне в его банальном варианте, в вопросе о том, что мир – это хорошо, а война – плохо. Но это абстрактная, чрезвычайно слабая основа для развития контактов, диалога, политических договоренностей и совместных действий.

Подлинной основой для этого должна стать Марксова теория частной собственности, в которой осуществился не имеющий и поныне аналогов синтез двухтысячелетнего развития европейской мысли. Достаточно вспомнить, что одним из источников марксизма служит классическая немецкая философия, различные части которой образуют теоретический фундамент большинства сколько-нибудь значительных политических, общественных, культурных движений современности.

Даже среди тех, кто по различным причинам не полностью приемлет теорию и методологию Маркса, понимание его непреходящего вклада в общечеловеческую культуру имеет широчайшее распространение. Это справедливо в первую очередь для представителей так называемых альтернативных движений, либералов и радикалов, многих клерикальных партий и т. д.

Вступая в диалог в качестве носителей и законных преемников теоретического и культурного наследия Маркса, коммунисты получают беспрецедентные возможности для глубокого воздействия на любого политического партнера, прямой доступ, универсальный ключ к диалогу со всеми основными силами.

Колоссальные резервы, однако, могут быть вскрыты и в сфере идеологической борьбы, как только наша идеология воспользуется своим правом коммунистического первородства, своей возможностью стать первой в истории научной идеологией.

В отсутствие строгого контроля со стороны коммунистической теории днище идеологического судна обрастает массой необязательных «принципов» и случайных «идеалов». Какой же идеал является действительно несовместимым с основополагающим принципом «Каждый – по способностям, каждому – по потребностям», выступает его подлинным отрицанием? Очевидно, элитарный

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org принцип «Каждому – по способностям», тесно связанный с печально известным лозунгом «Каждому – свое». Если будет осознано, что подлинный водораздел в идеологии и в политике проходит по границе между этими двумя принципами – по одну его сторону вместе с коммунистами окажется большинство политических сил, значительное большинство населения Земли.

12

С целью решения сформулированных задач вносится предложение учредить фонд имени Карла Маркса. Фонд может действовать как общественное объединение, существующее на средства от добровольных взносов граждан и организаций, а также собственной социально-культурной и экономической деятельности.

Развертывание деятельности фонда можно представить в виде трех этапов.

На первом этапе фонд провозглашает своей целью систематическое содействие всем формам изучения, пропаганды и популяризации среди советской и мировой общественности целостного научного и культурного наследия К. Маркса, а также его личности, жизни и деятельности. Фонд заключает договоры о создании соответствующих работ с журналистами, учеными, деятелями искусств. Он вносит свои рекомендации в учреждения пропаганды, образования, науки, культуры по вопросам, касающимся преподавания, изучения, отражения в литературе и искусстве, пропаганды и популяризации творческого наследия К. Маркса.

На втором этапе деятельности фонд инициирует создание аналогичных национальных фондов имени Карла Маркса, опирающихся вначале главным образом на коммунистические и социал-демократические партии соответствующих стран; содействует вовлечению в деятельность национальных фондов широкого спектра политических и общественных сил; ведет дело к их объединению в Международный фонд имени Карла Маркса.

На третьем этапе фонд вступает в прямой диалог с широким кругом общественных и политических сил, первоначально – через каналы функционально подобных ему объединений: от фонда имени Ф. Эберта у социал-демократов – до фонда Форда и «фонда наследия» («Херитидж фаундейшн»).

Все указанные этапы деятельности можно осуществлять как последовательно, так и одновременно – как параллельные направления работы.

14.02–30.05. 1986 г. Москва

1

Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые или помеченные самим С. Платоновым (прим. ред.)

2

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т.3, с.4.

3

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, с.428–429.

4

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, с.438.

5

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.37, с.370.

6

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
В.И.Ленин. ПСС, т.29, с.162.

7

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.71.

8

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.68-69.

9

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.109

10

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.26.

11

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.27.

12

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.31.

13

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.115.

14

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.136.

15

В.И.Ленин. ПСС, т.36, с.177.

16

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.136.

17

Р.И.Косолапов. Социализм. К вопросам теории. М., Мысль, 1979, с.116.

18

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.86.

19

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.97.

20

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.98.

21

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.98.

22

Благодаря кропотливым текстологическим анализам Г.Багатурии постепенно распространяется понимание многослойности, объемности, сложной структуры "материалистического понимания истории", которое атаману Шервудских экспроприаторов представлялось сплюсненным в блин и сведенным к абстрактной оппозиции взаимонепроницаемых "производительных сил" и "производственных отношений".

23

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.2, с.57-58.

24

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.123, 159; т.46, ч.1, с.107.

25

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.2, с.39.

26

Эта мысль впервые встречается в работах 1844 года и получает полное развитие в 1 главе "Немецкой идеологии".

27

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т.1,с.28.

28

К.Маркс и Ф.Энгельс.Соч., т.42, с.113.

29

См. Н.И.Лапин. "Молодой Маркс". М., Политиздат, 1968, с.353. Следует отметить, что сама постановка вопроса достаточно условна. "Зрелый Маркс", говоря словами самого Маркса, – это не "состояние", а действительное движение, постоянное углубление в сущность предмета – частной собственности, вскрытие все новых его сущностных слоев. Маркс, сформулировавший проблему отчуждения, тем самым уже и был "зрелым".

30

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.42.

31

Ленин В.И. ПСС, т.1,, с.160.

32

Э.В.Ильенков. Диалектическая логика. М., Политиздат, 1974, с.134; 262-269.

33

"...Определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны воедино с определенным способом совместной деятельности, с определенной общественной ступенью. ...Сам этот способ совместной деятельности есть "производительная сила"...". (К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т.1.,М.,Политиздат, 1979, с.21).

"Отношение между производительными силами и формой общения – это отношение между формой общения и действиями или деятельностью индивидов. (Основная форма этой деятельности, конечно, материальная деятельность...).

"Условия, при которых люди производят, ... эти различные условия, которые сначала являлись условиями самодеятельности, а впоследствии оказались оковами ее, образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами формы общения, становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности форма общения, которая, а son tour, превращается в оковы и заменяется другой формой" (там же, с.63-64) и т.п.

34

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т.1,с.21.

35

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т.1, с.29.

36

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.27, с.405.

37

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.2, с.102.

38

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.108.

39

К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. т.1, с.14.

40

В.И.Ленин, ПСС, т.18, с.454.

41

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.18.

42

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.92.

43

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.23.

44

44 К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.17-18.

45

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.99.

46

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.99.

47

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.124.

48

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.42.

49

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с. 39

50

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.452.

51

Э.В.Ильенков. Диалектическая логика. М., Политиздат, 1974, с.246.

52

В.И.Ленин. ПСС, т.1, с.149-150.

53

В.И.Ленин. ПСС, т.1, с.149-150.

54

К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.9, стр.135.

55

Не следует смешивать право как производственное отношение, как отчужденную форму общения собственников, – с правовой надстройкой. Аналогично, закон (отношение регламентации) нужно отличать от института законодательства как специфической формы деятельности, в которой впоследствии фиксируется это отношение.

56

"Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т.д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности... Рабство – это экономическая категория огромного значения". (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.27, с.408). Многочисленные факты о кабальных формах эксплуатации мексиканцев на юге США и т.п. свидетельствуют, что это положение Маркса спустя полтора столетия ничуть не устарело.

57

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.116.

58

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, стр. 117.

59

В.И.Ленин. ПСС, т.1, с.260.

60

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.169.

61

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.127.

62

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.135.

63

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.169. Необходимо отметить, что в этой работе Маркс использует понятия "гуманизм" и "социализм" как синонимы. В дальнейшем он также не употребляет термин "социализм" в его современном, привычном для нас значении. В этом качестве он появляется только в последних работах Энгельса, но при этом сам Энгельс зачастую заключает его в кавычки.

64

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.155.

65

О девяти коммунистических способах производства см. часть 7 настоящей книги (прим. ред.).

66

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.135.

67

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.115,116.

68

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.114-115.

69

"Последовательный материализм" диалектиков сельфактора и сноповязалки по отношению к капитализму состоял в том, что они не желали знать ничего, кроме средств производства; по отношению же к коммунизму они, наоборот, готовы рассуждать о чем угодно, кроме специфически-коммунистических средств производства.

70

Эта работа С. Платонова должна была, по его замыслу, состоять из девяти глав, из которых он успел закончить только две (прим. ред.).

71

В "Немецкой идеологии" многократно говорится об "уничтожении (устранении) труда". Эта непостижимая (для наших общественных наук) "загадка" будет разгадана ниже.

72

См. запись от 86.01.20 в части 3 настоящей работы (прим. ред.).

73

Безусловно, при этом нужно учитывать, что вместо отчужденного отношения обмена возникли дополнительные отношения регламентации между общегосударственным центром и каждым из производителей. Но это просто означает, что отчужденные экономические отношения обмена между производителями, испарившись, оставили след в виде определенного изменения в организационных отношениях каждого из них. Однако эти организационные изменения уже нельзя в полном смысле считать "отчужденными", т.к. они сознательно спроектированы планирующим центром с учетом интересов самих производителей. К тому же в дальнейшем, на той стадии коммунистического развития, где будет отмирать государство, дойдет черед и до полного снятия всех организационных отношений.

Необходимо также специально и очень внимательно рассмотреть тот случай, когда введенный норматив оказывается несоответствующим реальным условиям и потребностям производства, и производители вынуждены вступить в "незаконные" отношения обмена помимо нормативных через пресловутую "шашлычную в Карачарове", посылать "толкачей" и т.п. Все это будет рассмотрено ниже.

74

Детальные обоснования здесь (как и всюду в настоящих кратких заметках) по необходимости опускаются.

75

Напоминаем, что обоснование, как и везде, здесь опущено.

76

Страницы первой главы "Немецкой идеологии" здесь и ниже даны по изданию:
Страница 122

После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. С. Платонов filosoff.org
К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. т.1, М.,
Политиздат, 1979 г.

77

Данный документ из архива С. Платонова, как и целый ряд других, судя по всему, является копией подлинного письма. Имя и фамилия адресата не поддается восстановлению, поэтому здесь они заменены условными инициалами (прим. ред.).

78

Это письмо, как и целый ряд материалов из архива С. Платонова, написано от имени не одного человека, а группы лиц; кто при этом имелся в виду – неясно (прим. ред.).

79

Само понятие "энергия" возникло в связи с задачами типа установления механического эквивалента тепла. Считать "энергию" чем-то присущим природе самой по себе безотносительно к человеку – технократический вариант антропоморфизма.

80

В.И.Ленин. ПСС, т.29, с.148

81

См.: Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984, с. 28–32.

82

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 188

83

Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 1, с. 281

84

Лопин Н.И. Молодой Маркс, М., 1968, с. 192

85

Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 3. М., 1977, с. 354–355.

86

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 389

87

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 400–401

88

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445–446

89

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447

90

Маркс К., Энгельс Ф. Избр. Произв. В 3-х т., т.1, с.60

91

Маркс К., Энгельс Ф. Избр. Произв. В 3-х т., т.1, с. 60-62

92

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, с. 294-295

93

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 154.

94

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 441.

95

Важно понять, что надежность щита при таком решении проблемы не зависит от того, будет ли найдена технология «абсолютной защиты». Из технической проблемы эта надежность превращается просто в следствие установленных политических и экономических отношений. Сторона, увеличившая затраты на совершенствование наступательных вооружений, немедленно обязана будет оплатить адекватное усовершенствование оборонительных. Тем самым отныне интересы бывших участников гонки, совместно финансирующих космический щит, меняют свой знак на противоположный. Щит впервые в истории одерживает верх над мечом..

96

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.49, с. 47

97

Ленин В.И. ПСС, т.30, с. 95

98

Ленин В.И. ПСС, т.36, с. 300

99

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 39

100

Ленин В.И. ПСС, т.36, с. 300

101

«Новейшие исследования показывают, что наиболее ранние формы общественного разделения труда, представляющие собой начальную ступень возникновения классов, отношений эксплуатации, соподчинены, как правило, с межродовыми и межплеменными связями... В племенных общностях выделяются так называемые благородные роды и неблагородные, господствующие и подчиненные, управляющие племенем и управляемые... Социальное неравенство внутри родственных коллективов возникает значительно позднее». («Марксистско-ленинская теория исторического процесса». Ч. II, М., 1983).

102

Напоминаем, что обоснование снова опущено.

103

Напомним в связи с этим еще одну ленинскую «дефиницию» социализма: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование + + = Σ = социализм».

104

Речь идет, повторяем, об «идеальном», полном ГМК. Реально в годы первой мировой войны в каждой из воюющих стран, как указывал Ленин, элементы экономики в той или иной степени сохранялись. Эта степень определялась конкретной расстановкой указанных выше политических сил в каждой из них.

105

По аналогии с «капиталом вообще».

106

Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии. – Коммунист, 1985, №9, с.14

107

История древнего мира. М., 1983, т.2, с. 528

108

См. соответствующий фрагмент из части 8 – прим. Ред.

109

Конечно, капитал в качестве общественной формы присвоения производительных сил имеет свои ограничения. В период кризисов он приводит к напрасным затратам и даже уничтожению части экономических производительных сил. Однако даже эти значительные издержки – ничто по сравнению с ущербом от дырявого таза государственной монополии, сквозь который уходит в канализацию практически 100% экономических производительных сил.

110

Ленин В.И. ПСС, т.4, с. 157

111

Ленин В.И. ПСС, т.4, с. 157

112

Ленин В.И. ПСС, т.4, с. 158

113

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 78

114

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 49

115

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 159

116

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 158-159

117

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 159-160

118

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 161

119

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 52

120

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с.69-70

121

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 80-81

122

Ленин В.И. ПСС, т.4 с. 82

123

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 45

124

Ленин В.И. ПСС, т. 4, с. 67

125

Административно-территориальная единица.

126

Ленин В.И. ПСС, т. 30, с. 107

127

Ленин В.И. ПСС, т. 45, с. 402-404

128

Данный тезис неизбежно порождает у собеседника ряд недоуменных вопросов. Они могут блокировать восприятие дальнейших тезисов. Целесообразно, предвосхищая эти вопросы, с самого начала сформулировать их в предельно откровенной, даже резкой форме, и предупредить, что по мере изложения на них будут даны исчерпывающие ответы.

Вопросы:

- Представление о том, что современное западное общество – уже не капитализм, противоречит общеизвестным фактам. Разве там больше нет капиталистов, эксплуатирующих наемный труд, конкуренции, рынка и т.п.?

- Это представление льет воду на мельницу идеологического противника. Разве не то же самое твердят сторонники теорий конвергенции, «технотронного», «постиндустриального» и т.п. общества?

- Как можно согласовать это представление с учением марксизма-ленинизма о неизбежности перехода от капитализма к социализму?

- Если это и не капитализм, то уж, во всяком случае, – не социализм. Тогда что это? Какая-то новая, «промежуточная» формация?

- Какой практически-политический смысл может иметь подобный спор о названии? Не является ли он схоластическим теоретизированием, игрой в дефиниции, подпадающей под принцип: «Назови хоть горшком, только в печку не ставь»?

- У нас существует мощная отрасль общественных наук, разветвленная сеть институтов, много академиков и докторов. Почему же они не предвидели заранее такую линию общественного развития?

129

Можно показать, что этот тезис восходит к Ленину, а не к «теории ультраимпериализма» К.Каутского.

130

Можно показать, что такое воздействие не будет иметь ничего общего с теорией «экспорта революции» Троцкого.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!